

Галина Краснопевцева

Дорогие мои земляки

Очерки

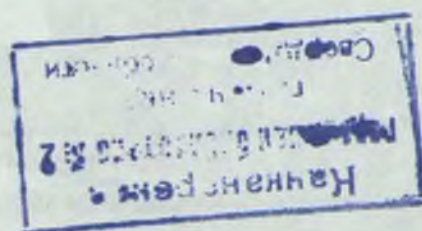
Эк

сб
к 28

Галина Краснопевцева

Дорогие мои земляки

Очерки

Качканар
2007

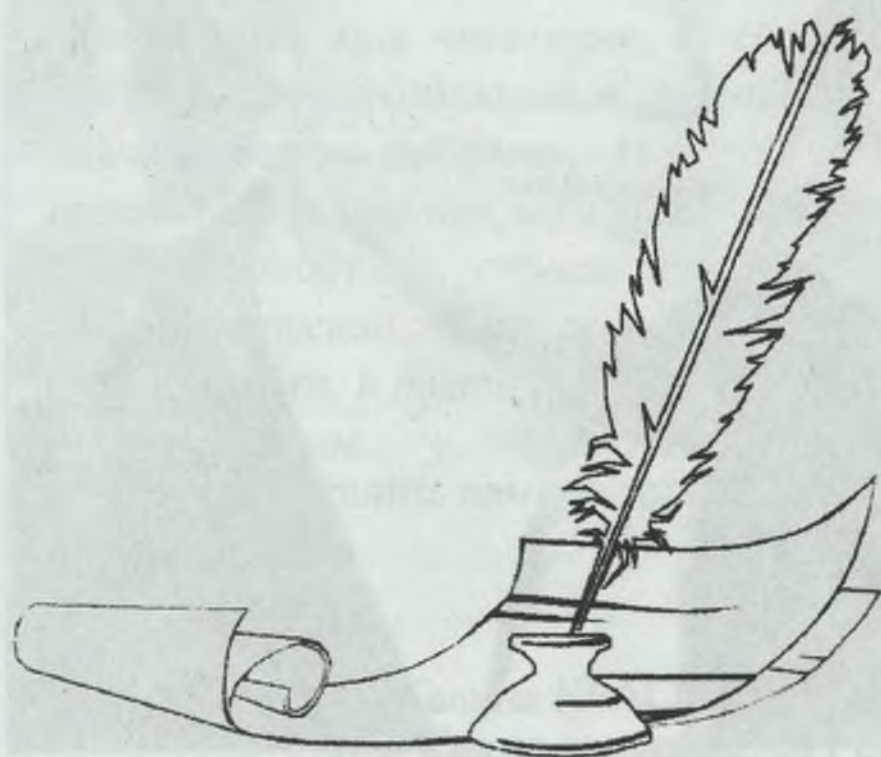
Книга издава при поддршка
администрации г. Качканара

2002

50-летию Катканара посвящаю...

От автора

Катя Иванова при първото
администриране

Качканарская земля. В середине прошлого века сюда пришли люди, чтобы разбудить тайгу, построить новый город и гигант-комбинат, добыть богатства Качканар-горы. Одни принесли с собой юность и молодой задор, другие – жизненный опыт и закаленные войной сердца. Прибывшие в разные годы из разных концов нашей большой страны, все они стали качканарцами, земляками.

Горжусь, что на журналистских дорогах повстречалась я с ними, людьми разных судеб и характеров, и счастлива, что могла рассказать о них читателям. В сборнике – очерки, опубликованные в разные годы в «Качканарском рабочем». Некоторых моих героев теперь уже нет, но в книге они рядом с живыми: работают, страдают и радуются – живут. И пускай живут всегда – в книге, в нашей памяти, в нашем городе, который стал для них родным.

Рада представить вам их, дорогих земляков моих.

Галина КРАСНОПЕВЦЕВА,
член Союза журналистов России

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Весна

О приходе весны сообщала Обь: сначала река темнела, потом под осевшим снегом трещал и ломался лед, наконец, Обь свободно вздыхала – начинался ледоход. Притихшие мальчишки и девчонки часами смотрели на реку, слушая могучую музыку весеннего пробуждения, а потом долго бежали по крутому берегу, стараясь догнать шальные льдины.

В конце апреля начиналась навигация, и городок речников оживал. Торжественно провожали водников в первый рейс.

Не хотелось Гале расставаться с отцом. Андрей Иванович был большим другом дочери. Это он научил её слушать дыхание Оби и журчание первых ручейков под снегом, замечать в лесу первую проталинку и первые весенние цветы. Галя знает, как просыпается земля и когда встает солнце, она умело читает азбуку леса. Хорошо идти лесной дорогой, рядом отец с ружьем да Моряк-охотничья собака, которая то забегает вперед, то отстает далеко позади. Интересно слушать рассказы отца. Вот он остановился, снимает ружье и подает его дочери. Она долго ждала этой минуты... Метилась в пенек – попала в муравейник, потом долго болело плечо, и все-таки было приятно. Отец учил ее стрелять, плавать, «резать волну», управляя лодкой. И дочь речника умела все.

А когда кончался учебный год, Андрей Иванович брал Галю в рейс. Он водил по Оби грузовые и пассажирские суда. За целое лето, проведенное с отцом да с сибирской природой, девочка покрывалась темным загаром, становилась выше и сильнее, посветлевшие волосы блестели на солнце, а в глазах даже зимой отражалась водная гладь и светилась радость.

Так и росла она, набираясь сил, как земля весной. Окончила девять классов и поступила в Томское медицинское училище. Училась с удовольствием, увлеченно. Потом так же увлеченно и с удовольствием работала в Кузбассе, куда ее направили по распределению. Люди любили молодого фельдшера, верили ее внимательным глазам, в которых светилась веселая радость.

Лето

Солнечное воскресное утро обещало жаркий день. Весь Новосибирск двинулся за город: на автобусах и легковых машинах, на велосипедах и пешком. Сосновый бор на берегу Оби, прекрасный пляж и водная

станция, много света и чистого воздуха, и тысячи отдыхающих. Из репродуктора льется музыка.

Утихла музыка, минутное молчание, потом негромкие, тревожные слова. Говорил Молотов, он обращался ко всем...

Так же спокойно несла свои воды Обь, а люди, в смятении и горе, были подобны бурной реке, которая текла в город: в переполненных автобусах и машинах, на велосипедах и пешком люди спешили в Новосибирск.

Галя сидела с друзьями в машине, было душно и жарко. «Сегодня, 22 июня... сегодня, 22 июня...» все еще звучало в ушах, и она никак не могла поверить, не могла осмыслить и понять...

Потом поверила. Если дом отдыха стал госпиталем, а она – операционной сестрой, если сюда, в глубокий тыл, идут и идут эшелоны с ранеными, – значит война.

Потом ушла на фронт, где все поняла и осознала. Брянские леса и Пинские болота, Смоленск и Сталинград – много трудных дорог прошла сибирячка Галя, познав горечь отступления и радость побед. Десятки раненых бойцов вынесла с поля боя эта хрупкая на вид девушка. Ползала по-пластунски, скакала верхом, метко стреляла, была на передовой, ходила в разведку, вместе с хирургом оперировала раненых – не в светлой операционной, как было в тылу, а в укрытиях да землянках, в перерывах между боями.

Каждый день видела огромное горе и скромный героизм советских людей.

В один из летних дней в горящем Сталинграде, защищая русскую реку, погиб солдат-грузин, студент Тбилисского института. Погиб, но связь с другим берегом восстановил.

Недавний выпускник военного училища, молодой фельдшер Борис Малинин был всеобщим любимцем. Он погиб в разведке, на подступах к Смоленску. А разведчики, среди которых была и Галя, шли дальше. На пути – сожженная деревня. Ни одного человека, никакого звука... Вдруг в напряженной тишине послышался детский плач. На пепелище сидел мальчик лет четырех и жалобно звал бабушку. Не слышала бабушка, она была мертва. Испуганного и грязного, полураздетого и босого, забрали мальчишку разведчики.

Так в санитарном батальоне появился маленький Борис Малинин. Его постригли и помыли, из маскировочных халатов сшили белье, из гимнастеров – одежду. Борька стал общим любимцем. Если приходила почта, каждому хотелось получить письмо из рук этого мальчика. Все внимание, все улыбки, вся неистраченная мужская ласка – ему, Борьке Малинину. Раненые подолгу беседовали с ним, рассказывая о своем доме и семье... Все лето и осень был Борька на фронте. Его присутствие грело солдат, быстрее залечивало раны, разжигало ненависть к врагу... С наступлением холодов отправили Борьку в военный госпиталь, а оттуда – на большую землю.

И когда солдаты шли в бой со словами «За Бориса Малинина!», Галя знала: они мстят врагу за погибшего Малинина-старшего и сражаются за маленького Борьку, защищая его сон и покой, защищая мир на земле.

Многое поняла и осознала теперь Галя. Она росла и мужала вместе со своей страной. Росла, как колос в дружном поле: питаюсь соками земли,

он зреет с каждым летним днем. За четыре военных года девушка прошла славный путь: от юности к настоящей духовной зрелости. И этапы этого пути – восемь правительственных наград Галины Андреевны.

Осень

– Сколько лет здесь живу и все не налюбуюсь качканарской осенью... Без этой рудной горы не было бы и города. Гора – это слава Качканара и его красота... – так говорит одна из дочерей Галины Андреевны, когда они погожим осенним днем всей семьей едут в сад.

Их четверо. Галина Андреевна и Борис Петрович Соколов встретились в Германии вскоре после войны и с тех пор идут по жизни рядом. Десятый год живут в Качканаре. Борис Петрович – работник треста, сначала был диспетчером, а теперь с коллективом СУ-3 трудится на строительстве Лайского комплекса. А Галина Андреевна – бессменная работница санэпидстанции. Соколовы вырастили дочерей, таких же скромных и трудолюбивых. Старшая, Алла, после школы окончила строительный техникум, сейчас работает в тресте, учится заочно в Уральском политехническом институте, а вечером преподает черчение в строительном техникуме. Младшая, Люба, выпускница Свердловского электротехникума связи, работает электромехаником в городском узле связи и является заочницей горного института.

Довольны отец и мать, что дочери нашли дорогу в жизни, что растут активными, беспокойными, что волнует их красота земли. Вот идут они сейчас все вместе в сад и любуются Качканар-горой, где на фоне темной зелени золотятся пряди берез да пылают костры осин. Идут молча, слушая шуршанье листьев под ногами и вдыхая запахи осеннего леса. Потом весело работают в саду.

Богатый нынче урожай, особенно уродились ягоды. Всю весну и лето кропотливо трудились Соколовы в саду, заботливо ухаживали за каждым растением – и осень принесла плоды. Щедро платит земля человеку за труд.

Так бывает всегда. Вышел в жизнь человек. Простой, незаметный, обыкновенный, как все. И живет обыкновенно и просто, спокойно и честно делает общее дело. Огорчается и радуется, любит... Проходит звонкая и юная весна, проходит лето – с ливнями и грозами, в заботах и трудах. А когда наступает осень, то оказывается, что у простого, обыкновенного человека богатая и яркая душа, красивая и щедрая, как осенняя природа. Приходит к человеку осень и приносит плоды: уважение товарищей, любовь детей, моральное удовлетворение. Осень всегда золотая, если правильно жил человек, если в пору весны пустил в землю крепкие корни.

Вот и к Галине Андреевне пришла золотая осень...

Зима

Стрелки часов сошлись на двенадцати.

– С Новым годом! – говорят с голубого экрана, и звучит торжественная музыка.

– С Новым годом! – говорят Соколовы, сдвигая бокалы с шампанским. И слушают музыку, что звучит в душе у каждого.

Сколько длилась эта минута, Галина Андреевна не знает. Может быть, целую вечность, а может быть, один новогодний миг, но в нем было все: первый подснежник и добрая улыбка отца, спокойная, величественная Обь и горящая Волга, Борька Малинин и дымные улицы Берлина, золотая качканарская осень и счастливые глаза юных дочерей.

Вот стоят обе девочки рядом и преданно смотрят на родителей. Они гордятся своим отцом, спокойным, стыливым, чутким. Они любят мать беззаветной детской любовью и по-взрослому, глубоко уважают эту женщину за ее скромность и мудрость, за большое человеческое мужество. Недавно друзья проводили Галину Андреевну на пенсию, она немножечко взгрустнула, и дочери понимали: трудно к этому привыкать. Их мать по-прежнему неугомонна, всегда в работе ее беспокойные руки, всегда молода и трепетна ее душа. У этого родного человека учатся девочки жить; жить просто и ясно, не сгибаясь перед трудностями.

...Сверкает огнями елка, светится голубой экран, звучит праздничная музыка, страна вступает в новый год. За окнами сыплет пушистый снежок. Влюбленно смотрят девочки на мать. В ее волосах тоже легкая снежная прядь, а в добрых, с поволокою глазах плещется обская волна далекой и вечной юности.

1972 год

КРАСНОАРМЕЕЦ ШУЛЕПОВА

Они гуляли в зеленой зоне восьмого микрорайона. Две Анастасии. Правда, этот прибрежный лесок был еще гол и прозрачен, и земля, едва освободившись от снега, еще не зеленела, а чернела. Но уже и тут и там белели маленькие и нежные, храбрые и закаленные вестники весны.

– Подснежники, подснежники!.. А вот еще! – восклицала маленькая Анастасия, по-детски радуясь своей восьмой весне.

«И снова май», – тоже радостно думала старшая Анастасия, для которой эта весна уже восемьдесят четвертая.

Я встретила их в начале мая с маленькими букетиками подснежников в руках и одинаковым восторгом в глазах. Подумалось о быстротечном времени, о тех почти восьми десятках лет, что пролегли между этими Анастасиями. Первоклассница Настя, тоненькая и белокурая, как подснежник, еще не знает, что в жизни ей не раз потребуется мужество и стойкость этого весеннего цветка. Зато хорошо это знает Анастасия Евдокимовна. Небольшого роста, лишь на голову выше своей правнучки, эта хрупкая с виду женщина преодолела все жизненные невзгоды, выстояла во всех испытаниях – и вновь распахнула сердце навстречу весне.

Вот скоро растает лед – и опять заплещется качканарское «море», которое, в представлении Насти, здесь было всегда. А ее прабабушка хорошо помнит то время, когда тут бежала веселая речка Выя, очень похожая на Вагранку, реку ее детства. Анастасия Евдокимовна с тоской вспоминает и Вагранку, и родную деревню Артуровку, что недалеко от Верхотурья, и ту далекую пору, когда она была в Настином возрасте.

В большом бревенчатом доме жила их большая и дружная семья во главе с дедом-вдовцом Петром Шулеповым. Четыре его сына (Роман, Федор, Андрей и Евдоким) с женами, их уже взрослые дети и внуки – все, от мала до велика, любили и почитали Петра Семеновича, который верно хранил семейные устои и мудро правил крестьянским хозяйством. Лошади, коровы, прочая домашняя живность, земля, на которой трудились стар и мал, – все это несметного богатства не приносило, но позволяло семье жить безбедно.

– Нас даже раскулачивать хотели, – вспоминает Анастасия Евдокимовна.

– Ты чего сидишь? Вас ведь раскулачивать поехали! – сказали ее отцу, работавшему тогда в Верхотурье.

Евдоким Петрович на коня и во весь опор в Артуровку. Успел.

– Отдохните, – говорит, – заночуйте у нас. Вечером вся семья соберется.

Вот и вечер пришел, и вся семья в сборе – человек тридцать. Удивились гости незваные. Рой, настоящий рой – и все труженики. Ни одного трутня, ни единого кулака не обнаружили. «Так кого же тут раскулачивать?» – так подумали, так и сказали. Видно, поступили по совести, а не по разнарядке.

На кулаков-то ведь батраки работали, а Шулеповы «батрачили» сами. Настя, младшая из четверых Евдокимовых детей, уже в семь лет и коров доила, и траву косила, и хлеб жала; тяжело, конечно, но не в надсаду. Да и про усталость быстро забывала, стоило лишь немного отдохнуть и побежать к сверстникам. Бойкая и веселая, большая выдумщица, Настя была заводилой у деревенской ребятни. В школе училась с желанием и интересом, хотя школа та за 28 километров от Артуровки. Закончила пять классов – и была по тем временам человеком грамотным.

Перед войной она училась на сандружинницу, окончила курсы молодого бойца, где девушек учили стрелять, разбирать и собирать автомат, даже прыгать с парашютом, правда, не с самолета, а с какого-то высокого примитивного сооружения. И все-таки это помогало собраться с духом, преодолеть страх и хоть на миг почувствовать себя в полете. В то время Настя еще не знала, что умение преодолеть себя, когда от страха замирает сердце, очень пригодится ей на войне.

А война уже катилась по советской земле, пожирая города и села, человеческие жизни. Ее огненное дыхание чувствовалось и в глубоком тылу. Здесь, далеко от фронта, это дыхание было не огненным, а леденящим, сковывающим душу. Холодом дохнула война и на Шулеповых; вместо треугольных писем им один за другим пришли два скорбных листка: в самом начале войны погибли Федор и Андрей, два Настиных дяди. Ее брат Иван был уже на фронте. Готовилась в путь-дорогу и Анастасия: возраст-то призывной. И вскоре девушка не только почувствовала дыхание и отголоски войны, а увидела ее жестокое лицо, ее противочеловеческую сущность.

Это было в Калуге, в госпитале. Сколько раненых, сколько крови и боли!.. Вот на носилках старшина.

– Ну, дорогой, поедem!..

– Куда?

– Сначала в санпропускник: помыть тебя надо. А потом – на четвертый этаж.

– На чем же поедem?

Настя похлопала себя по плечу и молча улыбнулась.

– Да я придавлю тебя, кнопку этакую!.. – он пытался протестовать и, наверное, злился на себя за то, что, израненный, обессиленный, он вынужден подчиниться этой похожей на школьницу девушке и ехать на ее хрупкой спине.

«Вот уж надсада, так надсада», – думала Настя, сгибаясь под этой живой ношей, но, стиснув зубы, преодолевала ступеньку за ступенькой и подбадривала бойца и себя:

– Ничего, ничего, потерпи, потерпи, еще немного, скоро приедem...

И вот, наконец, старшина на больничной койке, а Анастасия,

выпрямившись, вдохнув полной грудью и улыбнувшись бойцу, торопится вниз. И так целый день: бегом по ступенькам вниз и медленно, с новым раненым – вверх.

В госпитале ей понадобились не только навыки сандружинницы, но и что-то неизмеримо большее. Она не задумывалась о том, откуда бралась у ней физическая сила. А если бы было время задуматься, то, вероятно, поняла бы и почувствовала, что сила эта идет изнутри, что это сила духа, сложенная из сострадания, из чужой боли, жгучего желания помочь раненым и такой же жгучей ненависти к войне, обрекающей людей на жертвы. Как и другие санитарочки, Настя делала перевязки, писала письма под диктовку раненых. А старшину, своего первого «пациента», она запомнила навсегда.

Однажды сказали:

– К твоему старшине мать приехала.

Настя проводила женщину до палаты:

– Подождите немного. Войду первая, подготовлю его.

И вошла:

– А для вас сегодня радость!

– Письмо принесла?

– Нет, не письмо.

– Неужели мама?

И когда гостыя вошла в палату, старшина первым делом сообщил:

– Мама, вот та малышка, о которой я писал... Такая сильная малышка...

– Спасибо тебе, девочка, – сказала растроганная мать.

Девочка, малышка... А ведь ей уже двадцать два. Но при добром и веселом нраве да при ее маленьком росте, очень живая и общительная, Анастасия и впрямь напоминала бойкого, даже озорного подростка.

– У вас откуда девчата? – услышала как-то она в госпитале разговор одного военного гостя. – Может, кто-нибудь из них пожелает быть шофером?

Желающие нашлись. Они написали рапорты. И через месяц учебы в Подольске двое из 25 человек (Настя да Вера из Рязани) получили водительские права. Остальные девушки были пока стажерами. Анастасия Евдокимовна до сих пор хранит «Удостоверение шофера третьего класса», которому 3 сентября 2003 года исполнилось уже 60 лет. Хранится у ней и талон, первый и единственный талон, на котором нет ни одного прокола.

Эти маленькие, поблекшие от времени документы – память о фронтовых дорогах, а точнее – о Второй военно-автомобильной дороге Москва-Брест. Именно туда, в распоряжение 12-го дорожно-комендантского управления (ДКУ), осенью 1943 года поступил свежеиспеченный шофер Анастасия Шулупова. Главной задачей командования дороги было обеспечение бесперебойного движения по этой автомобильной артерии.

Движение – хорошее слово, прекрасное состояние. Но когда идет война, кажется: весь мир пришел в какое-то адское движение. Бои, бомбежки, кровь и смерть, зловещие запахи и звуки... Никогда еще не видела Анастасия столько людского страдания и горя. Ей, человеку

деревенскому, невыносимо было смотреть на горящие поля, истерзанную землю. Утешало лишь то, что движение шло уже не на восток, а на запад: ведь в 1943-м Красная Армия на всех фронтах перешла в наступление. На запад, на запад – добить, остановить тех, кто завел эту адскую машину! Военная автодорога Москва – Брест протянулась дальше: на Варшаву и Берлин. И каждая передислокация радовала теперь больше и больше, хотя трудностей и лишений не становилось меньше. Совсем как в песне: «Шли мы дни и ночи, трудно было очень, но баранку не бросал шофер».

Не бросала ее и Настя. Она доставляла продукты на комендантские участки, возила раненых, вместе с машиной участвовала во многих операциях. До сих пор помнит Анастасия Евдокимовна, как (уже в Польше) ловили немецких парашютистов-десантников, как на ее машине везли их в комендатуру. А еще она помнит встречу с Рокоссовским. Зайдя как-то в комендатуру и увидев его, Анастасия не растерялась.

– Товарищ маршал, разрешите обратиться к командиру? – и четко отрапортовала.

– Чей это солдат? – статный красивый маршал посмотрел на девушку с высоты своего могучего роста, одобрительно отозвался о ней и сказал: – Да ей бы еще в куклы играть! – и эти слова прозвучали в его устах как приговор войне.

Да, рожденная не для войны, эта девушка-дюймовочка стала фронтовым шофером. И воевала достойно. Вот «Карточка взысканий и поощрений на красноармейца Шулепову А.Е., в/ч 12-го ДКУ (дорожно-комендантского управления)». Взысканий в этой карточке нет, а поощрений за 1943–45 годы более десятка. За отличное знание Устава Красной Армии и высокую воинскую дисциплину. За хорошее содержание оружия. За успехи в боевой и политической подготовке и хорошую выучку. За отличное выполнение задач, поставленных командованием автодороги. За отличное несение службы в период передислокации. Вот приказ. «За образцовое выполнение задач по обеспечению бесперебойного движения по дороге Москва-Брест в период весенней распутицы 1944 года объявить благодарность и наградить знаком «Отличный дорожник» рядового Шулепову А.Е.» А вот несколько строк из характеристики на красноармейца Шулепову А.Е. «За весь период службы (с сентября 1943 года) была образцом высокой воинской дисциплины и порядка в подразделении. Работая шофером, красноармеец Шулепова не имела ни одной аварии и катастрофы, ее машина всегда в исправном техническом состоянии. В работе Шулепова А.Е. трудолюбива и исполнительна. Выдержанна, морально устойчива, пользуется уважением личного состава».

А рядом с этими записями – фамилии, словно автографы на вечную память: младший лейтенант Кудинов, капитан Языков, начальник главного дорожного управления генерал-лейтенант Кондратьев... Где они сейчас? Все ли живы? Анастасия Евдокимовна бережно складывает эти истершиеся на сгибах листочки, улыбается: «Поизносились мы...». А из карих глаз льется свет ее далекой юности. Мы перебираем с ней эти документы-реликвии и награды. Медаль «За Победу над Германией», орден Отечественной войны второй степени, медаль Жукова и много послевоенных юбилейных медалей.

Есть у Анастасии Евдокимовны и еще одна послевоенная награда, самая свежая. Автомобиль «Ока», подаренный ей государством. В тот торжественный день, когда вручали ей эту награду, Анастасия Евдокимовна открывала дверцу «Оки» с таким волнением, будто садилась за руль своей первой машины. Она вспомнила и родимый «ЗИС-5», и чужой «студебекер», на котором колесила по Европе; вспомнила пыль и грязь военных дорог, те огненные версты, которыми шли к Победе. На какой-то миг ей показалось, будто она опять в том суровом времени, молодая и дерзкая. И будто нет шести десятков послевоенных лет...

Но они были, они есть. Об этом ей напомнила и новенькая «Ока», такая аккуратная и чистая; и этот город, тоже чистый и молодой; и чистое небо над ним; и мирные дороги, по которым предстояло бегать ее «Оке»... Справившись с волнением, А.Е.Шулепова уверенно взялась за руль и тронула с места так плавно, что сидящий рядом Сергей, муж ее средней внучки Ольги, искренне удивился. Машина была послушна рукам ветерана и, наверно, вместе с Анастасией Евдокимовной радовалась, что под колеса бегут первые километры, мирные километры.

Разве думала А. Шулепова, отважный фронтовой шофер, что когда-нибудь у нее появятся собственный автомобиль и личный водитель?.. Да, когда на твоём спидометре уже девятый десяток лет, то лучше сидеть не за рулем, а в салоне, хоть и небольшом, но таком уютном. А за водителя теперь старшая внучка Ирина, которая уже отвозила бабушку в госпиталь, а после лечения привезла обратно.

Внучек у Анастасии Евдокимовны три и пять правнуков. А живет она в трехкомнатной квартире с дочерью Людмилой Яковлевной и зятем Валерием Васильевичем, с младшей внучкой Юлей и ее мужем Олегом да с правнучкой Настей. Четыре поколения в одной квартире – явление в наши дни редкое, если не сказать уникальное. Беспокойно старому человеку при таком народонаселении? Наверно. И не будь баба Настя внучкой Петра Шулепова, не имей такого доброго, покладистого нрава, не пройди сквозь лишения и невзгоды – вероятно, роптала бы, привередничала, обижалась. Но Анастасия Евдокимовна на жизнь не жалуется. Она благодарна судьбе, что на своем веку повидала и прочувствовала многое: познала радость Победы, вместе со всеми преодолела послевоенные трудности, строила наш юный город. Она счастлива, что дожила до внуков и правнуков, которые, по ее признанию, «умирать не велят».

И пусть уверенно стучит ее сердце-мотор, пускай подольше крутится ее спидометр, и пусть все километры ее жизненного пути будут мирными. А в правнуках пускай продлится жизнестойкость прабабушки и подснежника, этого нежного и отважного цветка, который, вопреки холодам, первым пробивается к солнцу, чтобы украшать землю и радовать людей.

2004 год.

АХ, СЕМЕНОВНА!

С чем только ни приходят в редакцию газеты! С горем и радостью, с сердитыми и добрыми письмами, с вопросами и предложениями... А она пришла с частушками. В мыслях почему-то сразу пронеслось: «Эх, Семеновна!». Помните, была такая конкурсная телепередача, полная частушек, раскрывающих душу народа?

Познакомились. Эта невысокая пожилая женщина с доброй улыбкой и веселыми глазами и впрямь оказалась Семеновной. Частушки, которые она принесла, были о войне. К 60-летию Победы Галина Семеновна Жирнова выбрала именно их, хотя знает сотни других, грустных и веселых, лирических и задорных. Частушки сопровождали ее всю жизнь, скрашивали суровые будни, помогали выстоять в военное лихолетье. Узнав поближе эту женщину, я не произношу ни задорное «Эх!», ни сострадательное «Ох!» – я говорю восторженное: «Ах!» «Ах, Семеновна!», думаю, и вы, дорогие читатели, согласитесь с такой моей оценкой.

*На что, маменька, родила?
На что нежила меня?
Посадила бы в корзинку,
В омут бросила меня.*

Итак, сначала о рождении. У Семена и Надежды Трухиных было три сына и три дочери. Их большая и дружная семья жила в деревне Трухинской Костромской области. Лелеять и нежить детей особенно не приходилось, но и в омут никого не бросили. В доме царили доброта, взаимное уважение, понимание и общий труд. Дом был большой, двор – тоже. В этом дворе, в конюшнях жили колхозные коровы и телята, за которыми ухаживала мама, Надежда Васильевна, а дети ей помогали. Сколько воды надо было для скота! Сколько дров, чтобы нагреть большой котел, стоящий тут же, во дворе. Сколько нарубить соломы, заварить ее, сдобренную трухой, и напоить коровушек. Подоить их, вычистить конюшни, напоить-накормить телят – во всем помогала Галина матери в свободное от школы время.

А школа была в районном селе Шайма. Привыкшие по-крестьянски рано вставать, трухинские ученики каждое утро пешком отправлялись в школу. Три километра – это для них немного, обычно и привычно. А после уроков – в обратный путь. Зимой – на самодельных лыжах, осенью и весной – босиком. Учиться Галине очень нравилось, однако закончить семилетку не довелось. Начинала ходить в седьмой класс, но у мамы заболели ноги, и вся забота о коровах легла на Галину. Впрочем, не ей

одной пришлось в те годы забыть о партах и заняться взрослыми делами: началась война.

*Дорогому Сталину
Пошлю записку тайную,
Чтоб залетку моего
Не брали нынче в армию.*

В армию забрали всех, кто мог держать оружие. А такие, как Семен Трухин, в силу преклонного возраста были направлены в трудовую армию. На фронт сначала ушли Иван, старший из сыновей, и дядюшка Макар. «Я знаю, как погиб наш дядюшка: их эшелон попал под бомбежку», – сообщил вскоре Иван в одном из писем. Он воевал на Калининском фронте. «Шли с Иваном в бой, в наступление, – писал позднее земляк. – Видел, как его ранили, как он пытался встать и не мог... А когда мы отступали, Ивана там уже не было. Может, санитары, сестрички подобрали...»

Вот и все. Да еще казенная бумага о том, что «пропал без вести». Как «пропал»? Может, все-таки похоронен где-то? Как хочется узнать об этом, утешиться! До сих пор обращается в военкоматы Галина Семеновна – но пока безрезультатно.

Воевал и Алексей Трухин. С тяжелейшим ранением он был отправлен в тыловую госпиталь, в Нижний Тагил. Перебиты руки и ноги, осколки в легких, рана в голове – казалось, и шансов-то нет никаких. Но выжил! И был доставлен с Урала в родную Костромскую область.

– А от нашей деревни до железнодорожной станции Шарья, куда его привезли, 120 километров, – рассказывает Галина Семеновна. – Поехали за ним на лошадях. Привезли. Занесли осторожненько в избу, положили на полати... Уезжал в армию такой веселый, бодрый. Провожали его зимой. Помню, сел он в сани и запел. Так с песнями и уехал... А вернулся бессильный, беспомощный. Но очень хотел жить!.. Алексей у нас вообще упорный. Хотели ему в госпитале ногу отнять – не позволил. А дома привяжет камень – и тренирует, разрабатывает ногу. И начал ходить, правда, с тросточкой. Выучился на сварщика, стал работать в леспромхозе. И до сих пор там живет. Сейчас ему 60 лет. А еще один осколок совсем недавно из груди вышел...

Вот такие осколки, старые раны и просто память сердца не дают забыть о войне ни фронтовикам, ни тем, кто был в тылу. И Галина Семеновна хорошо помнит военное время, словно все это было вчера: и юность, и родная деревня, и колхоз...

*Нет у щуки молока,
Нет зубов у червяка –
Нет хорошего колхоза
У плохого вожака.*

Трухинская и еще несколько окрестных деревень входили в колхоз «Красное Заречье». А вожаки в колхозе были хорошие. Председатель Василий Фролович Голышев – человек в возрасте, инвалид. Бригадир Евлан Михайлович Хомяков и вовсе старый. Оба любили землю и умели работать на ней. И людей организовать умели, и больших, и малых.

– Сегодня у школьников закончился учебный год, а завтра утром бригадируже подокном. Пришел с нарядом: кому куда, на какую работу.

Например, возить навоз.

И идет Галина лошадь запрягать. Кто постарше, помогут хомут надеть, а с остальным сама справится. Вилы на телегу, вожжи в руки – и вперед. Уставала за целый-то день. Но не унывала. Однажды, правда, впала в такое унынье, что даже заплакала. Было это, когда она боронила поле и не заметила, как обронила завернутый в тряпочку кусочек хлеба. Где теперь его найдешь: поле-то большое. А есть хочется. А до конца дня еще долго. И покатались слезы отчаяния. Но подобной слабости, такого «детства» больше Галина не допускала. Работала наравне со взрослыми и все делала с желанием. Косила клевер, траву, носила копны. Умела жать серпом, снопы вязала.

– А еще мы, подростки, грузили и возили снопы на ток (а снопы-то выше нас). Женщины на току эти снопы скирдовали.

Колхоз «Красное Заречье» выращивал пшеницу, рожь, овес, ячмень. Но основная культура – лен. Галина Семеновна с детства знает весь процесс его выращивания и обработки. Не на словах знает, а на деле. Рвать лен лучше в дождь – так они и делали. Расстилать желательно на траву и на августовские росы. Эти росы – лучшие, а на траве самая хорошая лежка.

– Лежит лен, пока «рубашка» не отстанет. И волокно получается крепкое, эластичное, голубое. И столько радости доставляет тебе лен – от своего голубого цветения до голубого волокна!..

Да спросите вы Галину Семеновну, какая работа была ей не в радость. И она не найдет, что ответить. Приходилось нелегко – это правда. Но каторжницей никогда себя не чувствовала. На судьбу в то время не жаловались, все принимали, как должное.

По душе была Галине чисто женская работа – с пряжей и веретеном. А лесозаготовки? Конечно, не по душе. Но ведь надо! И целую зиму, до самого апреля была она на лесозаготовках, за 80 километров от дома. С Паней Соловьевой, сорокалетней женщиной, они справлялись с этой мужской работой и ежедневно выполняли норму. Инструменты – топоры да ручная пила (о «Дружбе» тогда и не ведали). Валили деревья, обрабатывали. И этот лес шел потом на сплав.

*Дорогие мама с папой,
А я розочка у вас.
Я пойду, вы посмотрите
На меня последний раз.*

Куда же она собралась от родителей? Да вот на этот самый сплав. Было это в 1944 году. Тогда собрали всех, кто не закончил семилетнюю школу и кому исполнилось 15 лет. Сказали, что отправляют на реку Ветлугу, на сплав леса.

– Кто у вас за главного? – спросили.

– Трухина.

– Такая вот сплавщица? – удивились руководители, глядя на маленькую, тоненькую, как хворостинка, белокурую девочку. Но, узнав, что она активистка, комсомолка, да увидев задорный блеск в ее глазах, смирились, согласились.

И вот полтора десятка подростков во главе с Галиной отправились в путь-дорожку дальнюю – 60 километров пешком. Выдержали не все. То ли кишка оказалась тонка, то ли кишка была голодная, только половина «сплавщиков», съев свои скудные припасы, подалась в обратном

направлении. В том числе и Коля с Толей – одноклассники Гали. Остались одни девчонки. Ну, что ж? Пошли дальше.

В какой-то деревне присели на завалинку отдохнуть.

– Вы куда? На сплав? Устали?.. Ну, заходите! Переночуете у нас, отдохнете, накормим. Только уж вы нам огород забороните, пожалуйста!..

Заборонили вскопанный хозяевами огород, отдохнули и пошли дальше. А на дворе май, дороги грязные, вода холодная. На ногах у девчонок лапти. Вода в них затекает быстро. Правда, так же быстро и вытекает, но ноги суше не становятся и лишь чуть-чуть согреваются при ходьбе. Ну, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли – а пришли, наконец.

Вот и деревня Вшивцево на берегу Ветлуги. Девчонкам сказали, что их участок – отсюда до деревни Красной, это километров восемь. У Галины тут же родилась частушка.

Раскачу катушку ниток

По зеленому лужку.

Хороша деревня Красная

Стоит на бережку.

Красная, может, и впрямь хороша, только до нее еще надо добраться. Идти вот по этому бережку, сплошь заваленному лесом, приготовленным к сплаву. И вот эти длинные, тяжёлые бревна (а не катушки ниток) надо скатить с бережка в реку – и поплывут они по Ветлуге до самого лесозавода. Багры в руки – и в атаку на бревна! Но с наскака с ними не справишься. Нужны сила и сноровка. А где их взять? Так что первые метры, первые километры в направлении Красной деревни оказались особенно трудными. Но девчонки не унывали и радовались, как дети, когда получалось – и бревно, ставшее в воде легким, подчинялось течению.

Ветлуга – река глубокая, а потому лес сплавляли не только молью (отдельными брёвнами), но и штабелями. Однажды штабель в шесть рядов сел посреди реки – образовался затор. Надо спасать сплав! И вот четыре девчонки добираются до штабеля и, орудуя баграми, опасно балансируя на этом сооружении, снимают один за другим три ряда – штабель всплывает. А река все течет и течет...

Так вот и река нашей жизни. Плыдем мы по ней – бревна, веточки, щепки. Заносит нас на крутых поворотах – сталкиваемся, образуем заторы обид, неурядиц, проблем; тонем, всплываем, ныряем с головой – устаем и хотим остановиться. Но течение вновь подхватывает, и река несет нас дальше. Мы не знаем, что там, впереди: речные перекаты и мели, глубокие омуты, крутые повороты или новые заторы – но плывем, ибо река все течет и течет...

Гитлеру хотелось остановить наше течение. Но когда на пути реки ставят преграды, она разливается, становится морем. И разлилось море народного гнева, чтобы смыть фашистскую нечисть. И в этом море ненависти к врагу и любви к Родине каждая капелька имела вес, была нужна и важна. Не тем ли и были сильны девчонки-подростки, что знали: они нужны! Нужны дома и в колхозе, на лесозаготовках и лесосплаве. И везде они успевали. Справлялись с делами в «Красном Заречье» – надо помочь отстающим колхозам: имени Калинина, имени Ворошилова,

имени Молотова. И молодежь отправлялась туда.

*Выходила за ворота
Слушать не одиново:
Не сыграет ли во полюшке
Гармошка милого.*

А эта частушка говорит нам о том, что молодежь военного времени и отдыхать умела. Частушки да песни, пляски да игры помогали сбросить усталость, забыть о лишениях, справиться с горем, которое несла война, и с надеждой войти в новый день.

Любили собираться на берегу речки Софоновки. Но если увидят их костры или даже огонек спички-папироски – придут и разгонят по домам. Фронт был хоть и не очень близко, но требовали соблюдать светомаскировку. Поэтому чаще вечеринки устраивали в какой-нибудь избе. Плотно занавешивали окна и веселились при свете керосиновой лампы-коптилки: электричества-то в деревне тогда еще не было. Герман Голышев, председателев сын, растягивал гармонь, и она, послужная его рукам, выводила мелодию за мелодией, будто выговаривала вместе с ребятами песенные слова. Эта музыка, простая и понятная, согревала сердца. И, конечно, не обходилось без частушек с притопом и прихлопом. Галина Семеновна вспоминает, как они с Германом, её ровесником, состязались, кто кого перепоеет-перепляшет. Да и другие не отставали. Частушки бойко слетали с языка и, казалось, витали в воздухе. И ребята уж не знали, какую они сочинили сами, а какую придумал кто-то другой.

*Ой, подружка моя,
Скоро кончится война –
Милые домой приедут,
С нами будут навсегда!*

Да, они ждали, они верили, что война закончится. И этот день настал.

С 4 до 9 часов утра боронили поля (весна ведь, сев начинается). Выпрягли лошадей на завтрак и короткий отдых. И стали снова запрягать. Вдруг бежит бригадир Евлан Михайлович.

– Девки, распрягайте лошадей! Домой пойдём!.. Победа! Кончилась война, кончилась!..

Быстро хомуты рассупонили, оглобли откинули, сбрую с собой прихватили – и домой. А потом все пошли в деревню Заречную, к правлению колхоза. А там уж народу полно, гармошки играют, люди поют и пляшут. И режут.

– Ой, как плакала-голосила Пинка Зиниха! Ее муж Зинко, крепкий, здоровенный мужик, погиб незадолго до Победы, две дочери остались, – рассказывает Галина Семеновна. – И радовались, и плакали – такой уж это наш праздник, такой день.

И она, и ее деревенские сверстники тоже, как могли, приближали этот день.

О том, что было после войны, скажем перечислительно. Пять лет Галина Семеновна работала дояркой в Сибири, куда Трухины подались, спасаясь от голода. Когда вернулись, жила в няньках. И 18 лет отдала льнозаводу, где пришли к ней трудовая слава и трудовые награды, там же судьбу свою повстречала и в 1953 году вышла замуж за Николая Жирнова, с которым вырастила троих сыновей. Качканарская биография

Г.С.Жирновой связана с горно-обогатительным комбинатом.

Всю жизнь работала, растила детей и постоянно училась, о чем говорят ее многочисленные свидетельства и удостоверения.

Такая вот наша Семеновна – деревенская девчонка, великая труженица, мудрая женщина, ветеран Великой Отечественной войны. Восьмой десяток живет на свете, а задора и душевной молодости не утратила. Попросите ее спеть частушку – она тут же выдаст вам вполне современную:

*Я девчонка боевая,
Поплясать желательно.
Путина не завлеку,
Лужкова - обязательно!*

А мне хочется спеть ей такую частушку:

*Ах, Семеновна, Семеновна,
Бодра и весела,
Потому что дает силы
Тебе матушка-земля!*

2005год

«А ЕСЛИ И ПОГИБНУ, КРАСНЕТЬ ЗА МЕНЯ НЕ БУДЕШЬ»

«Эхо войны», «Дети войны», «Письма с фронта» – так называются небольшие экспозиции, оформленные в подвальном помещении, ставшем с недавнего времени резиденцией хора «Журавушка». Певцы хора – мужчины и женщины пенсионного возраста. Их объединяют любовь к песне и память о детстве, опаленном войной. Помнить о войне им помогает их небогатый жизненный опыт, и воспоминания родителей, и документы тех суровых лет.

Расскажу об одной из «журавушек», которая бережно хранит эти пожелтевшие от времени и каким-то чудом уцелевшие документы. Давайте и мы с разрешения Ады Степановны Кокшаровой познакомимся с некоторыми из этих ценных для нее бумаг.

Удостоверение,

выданное 20 августа 1941 года Куйбышевским районным Советом города Ленинграда.

Документ удостоверяет, что предъявитель его Иванова Мария Васильевна с членами семьи: Домашневой Анной Петровной, 1877 года рождения, Ивановым Александром Степановичем, 1932 г.р., Ивановой Адой Степановной, 1938 г.р., – временно эвакуированы из Ленинграда в Свердловскую область.

В 1941-м Ада была еще слишком мала и не знала, что их семье уже приходилось жить в Свердловской области, куда в самом начале 30-х годов была выслана из города Рославля Смоленской области ее бабушка Анна Домашнева с сыновьями. Деда, работавшего на железной дороге, не выслали, а бабушка, видимо, попала под раскулачивание. Добрая, работающая, как и ее дети, кому не понравилась она в родных краях? До сих пор не поймет этого Ада Степановна. Знает только, что жить им пришлось в поселке Ис, где она и родилась. Знает, что в 1939 году они с братом и родителями переехали в Ленинград. Вот это переселение вполне объяснимо: к тому времени «в воздухе пахло грозой» и вспомнили о кадровом офицере, каким был ее папа Иванов Степан Алексеевич и который сосланным не считался. С. А. Иванову пришлось участвовать в финской войне.

Ада помнит ленинградский дом, где они жили, теплую атмосферу семьи, помнит отца, серьезного и в то же время веселого человека, который хорошо играл на баяне. Помнит – каким его сохранила ее детская

память и по рассказам мамы.

Началась Великая Отечественная. Очень скоро угроза нависла и над Ленинградом. И Степан Алексеевич убедил жену, что нужно эвакуироваться. Так Мария Васильевна с матерью и детьми оказалась

в Нижнем Тагиле,

что подтверждается тем же удостоверением, на обратной стороне которого стоит тагильский штамп от 20 сентября 1941 года.

– В этом городе мы жили долго. Там я росла и окончила 9 классов. В бараке, где было 33 комнаты, жили почти одни женщины с детьми, – рассказывает Ада Степановна. – Женщины трудились в поте лица, недосыпая, недоедая, чтобы только прокормить нас. Сейчас я думаю: ведь они тогда были очень молоды, а выглядели значительно старше своих лет. Мама работала на заправке паровозов углем. Были такие вагонетки на подвесных дорогах. Надо было загружать их, катить к паровозам, а потом выгружать это черное топливо. За длинный рабочий день так набросается лопатой – руки отваливаются.

Но об усталости приходилось забывать – думалось о детях. Ада Степановна вспоминает, как мама, выстояв с раннего утра в длинной очереди, прибежала к ней в школу с кусочком черного хлеба, чтобы с дочкой не случился голодный обморок.

– А чувство голода было почти постоянным. Хлеб, отпускаемый по норме, был ржаным и казался таким вкусным! До сих пор помню его запах. А как вкусен суп из крапивы и лебеды! А сколько было съедено сои, господи, как все вкусно!.. Но утолить голод было трудно. Весной еще выручала гнилая, перезимовавшая в поле картошка, которую мы собирали. Лепешки из гнилой картошки мы тоже очень любили... А уж если перепадал тебе пряник, то это вообще вершина блаженства. Случалось и такое по великим праздникам.

О праздниках, о самодельных елочных игрушках и украшениях, о многолюдных праздничных демонстрациях Ада Степановна вспоминает с теплым чувством.

– Мы умели радоваться каждому дню. На демонстрациях пели песни. Наши мамы, молодые вдовы, собравшись вместе, тоже пели. Пели и плакали, просили у Господа помощи. Навсегда запомнила маму красивой, сильной духом.

Рассказывая о тяжелой работе своей матери, Ада Степановна упомянула, кстати, что в Нижнем Тагиле есть памятник вагонетке. Вот бы еще и памятник женщине-труженице тыла!.. Что помогало ей выстоять в военную годину? Может быть, Господь, у которого она просила помощи. Может, тогдашняя обстановка, заставляющая забыть о себе и думать о Родине. Но прежде всего – сила духа, делающая женщину стойкой и выносливой. И, конечно же, помогали ей

письма с фронта,

которые женщина ждала с нетерпением и надеждой.

Весточки от мужа Мария Васильевна получала часто. Он очень скучал, беспокоился о семье и писал жене при каждом удобном случае. Но не все письма, к сожалению, дожили до наших дней. Сейчас у Ады Степановны, дочери боевого офицера, хранится лишь несколько папиных весточек из 1943-го и 1944-го. Почти все они начинаются одинаково: *«Здравствуй, дорогая моя семья: Маня и милые детки Шурик и Адочка! И сердечный привет дорогой Анне Петровне! Я пока жив, чувствую себя хорошо».*

В конце 43-го, когда отправлено одно из писем, Красная Армия уже гнала фрицев на запад и Степан Алексеевич надеялся: *«Скоро, возможно, увидимся. Числа 10 ноября выеду в Москву, учиться в академии, документы уже заготовлены все. Когда приеду в Москву, попрошу отпуск дней на 15 и надеюсь, что мне его дадут, потому что за три года я не имел ни дня отпуска и все время был в боях на передовой. Сейчас нахожусь в Ленинграде и ожидаю отправки. Получил письмо от своей матери. Она живет на старом месте. Пишет, что пробыла в плену 2 года 3 месяца. Я очень удивлен: ведь она старая, 85 лет. Очень хочется ее увидеть. Вот если мне удастся приехать к вам, то постараюсь вас забрать и отвезти в Рославль обязательно. Маня, если хочешь, пиши маме в Рославль. Поздравляю с великим праздником 7 ноября и желаю вам новых сил и здоровья! Маня, не пиши мне до следующего моего письма. Ну, до свидания! Целую 1000 раз! Ваш муж и отец С.А.Иванов».*

В следующем письме, отправленном через две недели, он сообщает, что ждет отправки в Москву и надеется на отпуск. *«Милая Маня, как хочется увидеть тебя, обнять и поцеловать крепко-крепко! Ведь уже три года, как мы с тобой разлучены. Ну что поделаешь: не одни мы с тобой такие. Жив буду – увидимся. А если и погибну, так за меня краснеть не будешь. Я немало сделал для Родины. Не один немецкий пес нашел от меня могилу на нашей родной земле. Скоро разобьем в пух и прах эту немчуру, и тогда я вернусь к тебе, моя дорогая. Самое главное – береги свое здоровье!»*

Беспокойством о здоровье семьи проникнуто и январское письмо 1944 года. *«Милая Маня, послал тебе много писем и два фото, но ответа получить не могу. Правда, сам виноват: нет у меня постоянного адреса. Предполагал побывать дома, но ничего не получилось. Сама понимаешь: время такое! Вот скоро разобьем проклятых фашистов и с победой приедем домой! Маня, обо всем писать не могу. Вот приеду – тогда и расскажу».*

У Ады Степановны хранятся еще два письма из 1944 года. Обратный адрес – полевая почта: воюет офицер Иванов.

«Маня милая, прости, что мало написал. Пишу на стоянке, то есть на привале в лесочке. Бьем немчуру. Чувствую себя хорошо. Целую 1000 раз.»

«Маня, открытку твою получил как раз перед боем. Бой был горячий. Я вторично представлен к награде. Жив буду – есть чем гордиться. Все время нахожусь на передовой. Чувствую себя хорошо. Только очень стал худой. Пиши, милая Маня, как здоровье твое, и детей, и мамы. С нетерпением жду ответа. Ну, пока до свидания»... Но

СВИДАНИЕ НЕ СОСТОЯЛОСЬ –

увидеть и прижать к сердцу жене довелось лишь извещение о гибели мужа.

Вместе с ним ей прислали справки о ранениях, удостоверения о наградах, гимнастерку и залитую кровью фотокарточку (на ней он с маленькой Адой), которую он носил у сердца всю войну, словно чувствовал дыхание своей дочки, которое согревало его в трудную минуту. Эти официальные бумаги немало рассказали милой Мане о ее муже.

Вот четыре стандартные справки о ранениях. «В боях за Советскую Родину старший лейтенант Иванов Степан Алексеевич был ранен...». Первое ранение он получил 9 сентября 1941 года, второе, очень тяжелое, – 25 июня 1942 года. Дважды С.А.Иванов, уже капитан, был ранен в 43-м: 10 марта и 18 августа.

Храбро бился с врагами русский воин Иванов, не жалел своей жизни, защищая великую Отчизну и свою маленькую семью. О том говорят его раны и награды: медаль «За оборону Ленинграда» и орден Александра Невского.

Из письма родные знали, что баян, с которым Степан Алексеевич шел по дорогам войны, он подарил солдату и отправился со своим батальоном освобождать от фашистов Прибалтику. Видимо, это было его последнее письмо, его последний бой. В похоронном извещении от 9 августа 1944 года сказано, что «командир стрелкового батальона майор Иванов Степан Алексеевич в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был ранен и умер от ран 1 августа 1944 года. Похоронен с воздаянием воинских почестей на кладбище Валкского уезда Латвийской ССР, индивидуальная могила №2».

– Так в 35 лет моя мама осталась вдовой с двумя детьми и матерью-старушкой. Нет цены таким женщинам, как моя мама! – говорит Ада Степановна.

Она, теперь уже и сама вдова, всю жизнь благодарна матери и свято хранит

память об отце,

от которого остались редкие снимки и эти пожелтевшие реликвии-письма.

В 1954 году Мария Васильевна Иванова с семьей переехала в поселок Федино, где жил ее брат. Ада закончила Исовскую среднюю школу №4, работала воспитателем в детском саду. Пять лет, с 1957 по 1962 год, они с мужем Николаем Кокшаровым отдали строительству Качканара. Потом в их жизни были Север, Якутия и снова Качканар. Мечтавшая стать учителем, Ада закончила педагогический техникум и почти 40 лет отдала работе с дошкольниками.

Но, где бы она ни была, что бы ни делала – всегда и всюду хранит светлую память о родителях, об их боевом и трудовом подвиге. Она

любила военные радиопередачи и песни, всегда внимательно слушала рассказы о поиске пропавших без вести солдат, а также неизвестных могил и захоронений. Тогда этот поиск шел очень активно. И однажды в 80-х Ада Степановна тоже обратилась на Всесоюзное радио, чтобы уточнить, сохранилась ли та индивидуальная могила №2, где был похоронен ее отец и за которой долгие годы ухаживал его брат, тоже фронтовик Николай Иванов, переехавший позднее в республику Коми. Юные следопыты сообщили ей, что могилы №2 уже нет, что ее отец перезахоронен. И тогда Ада Степановна обратилась в военный комиссариат города Валка Латвийской ССР, откуда в 1944 году пришло похоронное извещение. И в марте 1980 года получила ответ:

«Ада Степановна, сообщаю, что Ваш отец Иванов Степан Алексеевич был перезахоронен как один из неизвестных воинов на Звартавское братское воинское кладбище – Латвийская ССР, Валкский район, Звартавский сельский Совет. В настоящее время его фамилия занесена в списки погибших за освобождение Валкского района. В дальнейшем будет нанесена на надгробной плите. Высылаю Вам фотографию общего вида Звартавского братского воинского кладбища. С уважением полковник В.Сорокин».

С тех пор Ада Степановна точно знает, где покоится ее героический отец. Но братское кладбище она видит только на фотокарточке. Хотелось, очень хотелось, но не довелось побывать там в советские времена, а уж теперь в Латвию, эту независимую страну, где славят фашистов, попасть весьма проблематично.

– Сейчас я на пенсии. Вдова. Но живу и радуюсь жизни. Хожу петь в хор «Журавушка». Это делает меня молодой и энергичной. Песня помогает нам преодолевать трудности. Наш хор – это большая семья. Желаю всем быть оптимистами, любить песню и свой город!

Так заканчивает А.С.Кокшарова рассказ о своей жизни – комментарий к нескольким снимкам в альбоме, помещенном у «журавушек» на стенде «Дети войны».

2005 год

А ПУТЬ И ДАЛЕК, И ДОЛОГ

Ну далеко ли от колонки до дома? И ведра с водой разве так уж тяжелы? Но Иван Прохорович каждым шагом своим чувствует и это расстояние, и эту тяжесть. Сейчас, когда его сгибают не только ведра, но и годы, он отчетливо осознает, как нелегка телега жизни, в которую он впрягся очень рано.

В голодном 1931 году, когда большая семья Потешкиных в поисках лучшей жизни переехала из Пензенской области в Сибирь, Ивану было семь лет, но он, как и его старшие братья, уже считался мужичком и работал по силенкам. А силенок частенько не хватало – и мужичок надсаждался. В школу ходил мало. Зато в 1939-м успешно закончил курсы трактористов (технику он очень любил) и до самой войны пахал колхозную землю, не считаясь со временем, не жалея сил, не думая о последствиях. А следствием оказалась грыжа. И вместо фронта, куда рвался семнадцатилетний сибиряк, он попал на операцию, под нож хирурга.

Дорога на фронт началась для Ивана с Красноярска, с учебного полка, готовившего младший сержантский состав. Одиннадцать месяцев учебы – и молодой командир уже под Воронежем.

- Принимай отделение, – сказали ему. А в отделении том одни узбеки.
- Не смогу я ими командовать: они совсем не знают русского языка...
- Научи!
- Да разве на передовой до учебы?

Больше с ним на эту тему не говорили. А через три дня дали ручной пулемет Дегтярева (то ли в награду, то ли в наказание) – и в бой. Недолго был Иван пулеметчиком, всего пятнадцать дней, но бойцом оказался храбрым, сумел сбить вражеский самолет, за что получил орден Красной Звезды. А при форсировании Днепра был ранен – и попал в харьковский госпиталь. Четыре месяца лечился и работал. Да, в этом госпитале работали все, кто едва оправился от ран и у кого ноги ходят. На железнодорожной станции они для воинской части грузили кирпичи, бревна, жерди и прочее. Вот такая была военная трудотерапия. Ощущение надсады, знакомое Ивану с детства, осложнялось физической болью, которая временами была нестерпимой, но скрашивалось сознанием необходимости – для фронта, для победы.

К фронту и лежал их путь из госпиталя. Тот путь был тяжел и долгод. 400 километров пешком (поезда-то не ходили) прошли по израненной земле двенадцать человек во главе с трижды раненым старшиной и с пакетом под сургучом. И вот, наконец, они на месте, где в 15 километрах от передовой формировался запасной полк. Не успели дух перевести – их,

словно новобранцев, стали учить ползать по-пластунски и прочим элементарным премудростям. Выматывались до изнеможения. И вдруг однажды команда: «Бегом в штаб!». А в штабе полка – офицеры-«покупатели».

– Вы знаете, ребята, куда попадете?

– Знаем, бывали уже в таком пекле...

– Нет, вы поедете в тыл. Кто хочет в танковое училище?

Утром старший лейтенант повез их в учебный танковый полк, который стоял недалеко от Пятихаток. Навыки тракториста помогли Ивану без особого труда освоить танковую науку, стать механиком-водителем танка «Т-34». И в составе 84-го механизированного полка 25-го отдельного танкового батальона прошел старший сержант Потешкин до конца войны. Был храбрым солдатом, о чем говорят медаль «За отвагу» и благодарности главнокомандующего Сталина.

После войны Иван снова сел на мирную машину, возглавляя тракторную бригаду. Женился. А ныне, с расстояния в 52 года, глядит Иван Прохорович на себя тогдашнего, словно на знакомого незнакомца. Он понимает 23-летнего парня, который радовался мирной жизни и мечтал о семейном счастье. Это счастье они искали в Алма-Ате и Ташкенте, в Приморском крае и на Сахалине, потом надолго осели в Якутии. «Летун был хороший!» – констатирует Иван Прохорович, то ли осуждая, то ли оправдывая эту «охоту к перемене мест». А летун, видимо, хотел после военного ада найти рай земной. Не нашел, хоть искал его «от Москвы до самых до окраин».

Да и как можно найти то, чего не терял? Райской жизни у него не было никогда. Зато всегда имел он привычные к работе руки. И работал везде с неизменным старанием: на своем ли подворье, на колхозном поле или на производстве. Его добросовестный труд и общественная работа отмечены грамотами и благодарственными письмами Якутского горкома партии, дирекции, профкома и парткома Качканарского ГОКа, городского совета ветеранов и администрации Качканара.

А в Качканар Ивана Прохоровича привел несчастный случай. В августе 1980 года Потешкиным в Якутск прилетела тревожная телеграмма из Свердловска: «Ваш сын в тяжелом состоянии. Требуется уход в ожоговом центре». Их сын Николай, работник Северного карьера Качканарского ГОКа, получил серьезную производственную травму. И мама, Прасковья Яковлевна, очень скоро оказалась у его постели. Иван Прохорович беспокоился: как-то они там? И что это за год такой, 1980-й? В январе Потешкины похоронили старшего сына, скончавшегося так неожиданно, скоростижно. Еще эта рана кровоточит, а тут новый удар – справится ли мать, эта добрейшая и нежная женщина?.. Но ее доброты и ласки, ее материнской заботы хватило не только на сына – восемь месяцев ухаживала Прасковья Яковлевна за больными в ожоговом центре, удивляя всех терпением и милосердием. И выходила сына! Она так боялась потерять его! Николай лишился ноги, стал инвалидом в расцвете лет. Но он жив!

Вот такими судьбами Прасковья Яковлевна и Иван Прохорович оказались на Урале. Здесь же, в Качканаре, и их дочь Вера со своей семьей. А заботу о семье покойного Виктора взял на себя младший из

братьев Потешкиных – Владимир. Они по-прежнему живут в Якутии.

Мы рассматриваем фотографии детей и внуков Потешкиных. Перебираем другие документы, словно страницы биографии. Вот рядом два поздравления. Одно – от Ельцина: *«Иван Прохорович! Я не знаю, на каком фронте, в каком полку Вы воевали, на суше, на море или в воздухе били врага. Не знаю, были ли вы ранены. Я знаю только, что Вы ветеран, отстоявший Россию в самой страшной и жестокой войне... Спасибо Вам и простите нас!»* Второе поздравление от учащихся 7 «б» класса четвертой школы. Оба поздравления дорсти Потешкину. Первое – тем, что президент просит прощения, хотя не знает, да и не может знать всех ветеранов. А вот ребята лично знали Ивана Прохоровича и Прасковью Яковлевну, помогали им. Только было это давно. А сейчас, когда у стариков не остается ни сил, ни здоровья, школьники не знают дорогу в их дом.

Правда, недавно на президиуме городского совета ветеранов говорили о необходимости возобновить шефство учащихся над ветеранами, в первую очередь над проживающими в частном секторе. Хочется верить, что это не останется лишь словами, что качканарские школьники придут и в дом Потешкиных на улице Толстого, и по многим другим адресам.

А пока Иван Прохорович у водоразборной колонки думает о том, как много за его жизнь воды утекло. И, наполнив ведра, идет домой, склоняясь под их тяжестью.

1999 год

В ГОРОДЕ, ВОЙНОЮ ЗАТЕМНЕННОМ

Есть в нашем «Лукоморье» Александра Герасимовна Пастухова – по возрасту самая старшая, а по состоянию души – самая молодая в литературном объединении. Многие ее строки, поэтические и прозаические, – это зарисовки о прожитом и пережитом вместе с ее поколением, поколением победителей.

*Из далеких суровых лет,
Дней, прожитых под крышей одною,
Сохранился тропинки след –
Память сердца жива со мною.*

**Семье Ивановых
Нижний Тагил, 1941-1945 г.г.**

Таким посвящением-эпиграфом открывается один из сборников А.Пастуховой «Уральский город мой». Давайте, дорогие читатели, вместе с вами перелистаем эту небольшую книжицу.

Нижний Тагил. Когда говорят: «Урал – опорный край державы», я в первую очередь представляю именно этот город, где плавился металл, рождались снаряды, и прямо из завода отправлялись на фронт танки.

*Уральский город тыловой,
Ты стал моим суровым домом,
Началом жизни трудовой,
Совпавшей с пуском первых домен.*

Здесь, в Нижнем Тагиле, началась трудовая биография Александры Костицыной. Двадцатилетней девушкой, она, выпускница Лысьвенского механико-металлургического техникума, приехала сюда вместе с подругой в июне 1940 года, чтобы работать на Нижнетагильском металлургическом заводе (НТМЗ). Погода была прекрасная, настроение – тоже. Встретили молодых специалистов хорошо. Небольшой дом, где поселили девушек, находился на улице Ленина, там примерно, где теперь возвышается драматический театр. В маленькой комнатке, отведенной новоселам, стояли две железные кровати, два стула да стол. Выдали девушкам матрасы, подушки, наволочки и простыни. Одеяло у Шуры было свое – новое, ватное, подаренное ей родственницей по случаю получения диплома, который звал Александру в самостоятельную жизнь. И эта жизнь оказалась надолго связанной с НТМЗ.

Правда, некоторые шутники расшифровывали эту аббревиатуру так: Не ходи, Там Мало Заработаешь. А другие читали ее в обратном направлении: Заработать Можно, Только Не ленись. Ленишься не

приходилось. Завод был на подъеме. Уже работали две домны, готовилась к пуску мартеновская печь. И Шуре было приятно каждый день вливаться в многотысячный трудовой коллектив и сознавать, что в заводской продукции, в тагильском чугунае, есть и доля химика-аналитика, ее доля. Доменные печи работали исправно.

*А вскоре задышал мартен.
И первой плавки той анализ
Вели, не чуя перемен,
До коих месяцы остались.*

Этот день, 30 сентября 1940 года, когда из мартеновской печи полилась огненная река, воспринимался на заводе как настоящий праздник труда: рано утром пошла тагильская сталь! Первая плавка! И первый ее анализ, который, как помнит Александра Герасимовна, они делали в 6 часов утра. Качество – отличное! Впереди был новый день, долгая жизнь мартена, новые трудовые планы металлургов. Но...

*Еще вчера живя мечтою
О жизни светлой и большой,
Мы оказались за чертою,
Вмиг проведенною войной.*

Эта черта – 22 июня 1941 года.

– А 29 июня, – вспоминает А.Пастухова, – заходят к нам в лабораторию директор завода Овчинников, главный инженер Морозов, начальник цеха Прокопенко, сталевар Пологов, а с ними профессор-химик Тананаев из Москвы и заместитель министра черной металлургии Коробов.

Вероятно, московские гости побывали уже во всех цехах, посмотрели, как плавятся чугун и сталь. И вот теперь, окинув взглядом лабораторию и лаборантов, Коробов спросил:

– А где же ваше начальство?

– Так ведь сегодня воскресенье, выходной день, – начала было Александра.

– А как вы думаете: на фронте тоже сегодня выходной?..

Нет, они так не думали и готовы были тоже работать без выходных. Ведь уже в первые дни войны прозвучал призыв: «Все – для фронта! Все – для победы!» Как его выполнить?

Об этом и говорили на совещании, которое провели на НТМЗ гости из Москвы. Стране нужен металл, много металла; нужна сталь – высокопрочная, легированная. Значит, нужны новые мартеновские печи.

И заработал НТМЗ в новом ритме. Увеличивалось производство продукции, ударными темпами строились новые мартеновские печи (за войну их построили восемь). А лаборанты на двухнедельных курсах без отрыва от производства научились делать анализ легированной стали. Нижний Тагил работал для фронта, для победы.

*В городе, войною затемненном,
Шагаю я по улицам ночным
Туда, где спешно загружают домны,
Где над мартеном вьется желтый дым.
Не дремлют люди в задубелых робах,
Жарко у мартеновских печей.
Горячий скрап бегом несут на пробу:*

Как углерод?.. Да что же вы, скорей!
 И мечемся среди кислот и чада –
 Навески, реактивы и подсчет...
 Но знаем мы одно, что надо, надо!
 В победу общий вклад и общий счет.
 Течет металл, в орудья превращаясь,
 Не замедляя грозный, ровный шаг,
 Чтоб, на его лавину натываясь,
 Лавиной этой захлебнулся враг.
 Одетые в испытанную форму –
 Еще горячую уральскую броню, –
 Вползают танки сами на платформу
 И едут в бой, сражаться за страну.
 Идут, идут стальные эшелоны
 На запад, в пекло адское боев.
 А здесь опять мартен для обороны
 Уж наполняет мутьды до краев.

И этот труд, наполненный высоким смыслом, закалял людей, как сталь, выковывал удивительный уральский характер. Для людей с таким характером в то суровое время самым главным, определяющим было слово «надо!» А надо было очень много. Забыть о своих лишениях. Принять, разместить, приютить эвакуированных. А их, кого война лишила крова, были сотни и тысячи. Многие из них оказались на Урале вместе с предприятиями из-под Москвы, из Ленинграда, с Украины. Надо было поделиться с эвакуированными и куском хлеба, и своим душевным теплом. А как и в каком уголке души отыскать это тепло, если душа холодеет от печальных военных сводок?

Уже летели издалека
 Одна другой страшнее весть.
 И мы в труде не знали срока
 Да не досыта стали есть.

Да, привычный «срок» – восьмичасовой рабочий день – был забыт; трудились и по 12, и по 16 часов, потому что было надо. Недосыпали, недоедали. И самым ценным сокровищем были тогда хлебные карточки. Молодежи нашего времени, когда в магазинах, киосках, ларьках такое изобилие, такой выбор хлебобулочных изделий, трудно представить хлебные карточки. А наше поколение их хорошо помнит. Карточки с буквами: Р, С, И, Д – рабочие, служащие, иждивенцы и дети. Самая «сытная» была, конечно, рабочая карточка: 800 граммов хлеба на день.

Александра Герасимовна, как и любой рабочий человек (что уж говорить о сталеварах!), могла съесть эти граммы в один присест. Но надо было думать о целом дне. Обедали в заводской столовой тоже по карточкам, а точнее – по талонам. Хорошо, что на НТМЗ каждую декаду выдавали эти талоны – на крупу, жир, сахар, мясо. Правда, мясо зачастую подменяла вездесущая килька. А нередко могли объявить: «Талоны на сахар сдавайте: это пойдет в фонд Красной Армии». И сдавали, потому что надо! Зато иногда в качестве премии выдавали по 100 граммов хлеба, и это было самое щедрое поощрение. А в заводской столовой – прозрачный суп, колючая овсяная каша или пюре из картошки в мундирах

(хорошо, если с килькой), несладкий чай. Вот, пожалуй, и все меню. Чувство голода было постоянным спутником, а хлеб – самой ходовой, самой конвертируемой валютой.

*Жидкий суп из зеленой капусты,
На второе – колючий овес.
А в желудке по-прежнему пусто,
Только голод лишь больше возрос.
Осторожно кладу на газету
Сэкономленный хлебный паек.
За краюху бесценную эту
Надо выменять мыла кусок.
Да и платье вот-вот расползется
Со следами от капель кислот...
На ногах (только обувь зовется)
Брезентушки разинули рот.
Пребываю в печальном раздумье:
Сколько надо еще недовести,
Чтоб скопить подходящую сумму
На одежду, какую ни есть.
И внезапно, свистяще над ухом:
– Как я голоден!.. Девка, прости...
Пальцы цепко схватили краюху,
Чтоб надежду мою унести.
Я вскочила, горя возмущеньем.
Но грабитель мой не побежал.
Он кусал и глотал с нетерпеньем,
Только взгляд его страшный блуждал.
Подтянув деревянную ногу,
Он на месте остался стоять,
А глаза источали тревогу
И угрозу: попробуй отнять!
Посмотрев в те глаза, изумилась:
Сколько было в них боли немой!
О потере я вдруг позабыла
Перед горькой чужою бедой.
Надо было уйти поскорее.
Я ушла. Хлеб остался при нем.
Но ему-то гораздо больнее
Вспомнить будет об этом потом.*

Жив ли сейчас этот грабитель поневоле? Вспоминает ли он тот эпизод 1943 года?.. А Александра Герасимовна помнит и его, несчастного калеку; и эвакуированную 36-летнюю женщину, настолько изможденную, истощенную и седую, что походила на 80-летнюю старуху. Вспоминает А.Пастухова и тот дом – первую тагильскую пристань, всех своих соседей и печку-голландку, с аппетитом пожирающую дрова. Вспоминает, как они с Катюшкой пилили и кололи эти дрова, которые до войны им, как молодым специалистам, привозили бесплатно огромными кряжами, а уж в войну дрова приходилось покупать или выменивать на хлеб. Не замерзать же, когда, усталая и голодная, придешь с работы, а окно в комнатухе

подернуто куржаком и вода в кружке замерзла...

И, конечно же, помнит Александра Герасимовна семью Ивановых, с которою чуть позднее свела ее судьба. В низеньком домике на три окошка жили Валентина Семеновна, ее младшая сестренка и дочурка-крошка. Печка, кухня да комнатка с наперсток, где мирно соседствовали комод, диван и кровать. Тесно. Даже спала Александра вместе с девочкой-подростком. Но в тесноте, да не в обиде. Ивановы полюбили приветливую девушку с НТМЗ, а Шура, с ее щедрой душой и врожденным юмором, всячески поддерживала их. Так и жили одною ссмыею.

*А судьба все листала страницы.
Но неведомо было и ей,
Что в избушку беда постучится –
Похоронка хозяйке моей.
Серый лист той бумаги казенной.
Слов немного. Но трудно читать.
Смотрит дочка на мать удивленно:
Почему мама плачет опять?..
Чередю безрадостных буден
Потекли эти черные дни,*

когда Валентине Семеновне особенно нужна была Шурина поддержка и помощь, и та, как могла, помогала, не позволяя женщине поникнуть головой и окончательно упасть духом. А время было нелегкое.

*Один от голода спасался,
Чтоб только выменять кусок –
Другой на горе наживался,
Обманывать и грабить мог.*

Все пришлось испытать: непосильную работу и изнуряющий голод, потерю близких и бессовестный обман. Все пережили, все вынесли и выстояли. Потому что верили: все их лишения, их самоотверженный труд – во имя фронта, ради Победы. Люди ждали ее, чувствовали ее приближение.

*Апрель к исходу. Грозы мая
Снарядов гром идут сменить.
И первый ливень, все сметая,
Прошел, чтоб землю обновить.
Скоро, скоро... Все уж знали:
Бои последние идут.
Девятый май! И в синей дали –
Победы праздничный салют!*

В низеньком домике на три окошка встретила Шура Костицына День Победы. Двадцать лет она, химик-аналитик с НТМЗ, отдала Нижнему Тагилу, этому мужественному городу уральских металлургов. Там же в 1946-м встретила суженого – фронтовика Виктора Пастухова, который тоже работал на НТМЗ.

В 1961 году Пастуховы переехали в Качканар, но лишь десять качканарских лет отмерила судьба Виктору Анатольевичу. И с тех пор, вот уже 30 лет и три года, Александра Герасимовна одна. Но одинокой себя не чувствует. Живая, энергичная, большая выдумщица и затейница, все эти годы она в кругу друзей – детей и взрослых. Не забывают ее и родные. Сын

Анатолий – энергетик в Подмоскowie. Внучка Лена, ее муж Олег, правнучка Алеся всегда рядом с Александрой Герасимовной, где бы они ни находились: в соседнем ли городе Лесном, или в далеком сирийском Дамаске, где они долго жили и работали в 90-е годы и куда недавно отправились опять.

На судьбу А.Г.Пастухова не сетует. Живет с улыбкой. И на все руки мастер. При необходимости она столяр и плотник, маляр и сантехник, и уж, конечно, швея-мастерица. А еще художник и поэт. Но это уже для души. В ее однокомнатной квартире, оформленной в светлых и оранжевых тонах да освещенной ее доброй улыбкой, всегда уютно и солнечно. Таков и мир ее души: радостный, светлый, солнечный. И хочется Александре Герасимовне, чтобы на земле исчезли войны и жестокость, чтобы во всем мире было солнечно и светло.

2004 год

ЛЮБОВЬ, КОТОРАЯ ЖИЛА С ВЕРОЙ И НАДЕЖДой

В редакцию пришел мужчина и передал нам найденные на мусорке документы. Удостоверение к медали «Ветеран труда», удостоверения к знаку «25 лет Победы в Великой Отечественной войне», к медали Жукова, несколько удостоверений к медалям по случаю юбилеев Вооруженных Сил СССР и Победы в Великой Отечественной войне. А еще удостоверение к значку «Ударник коммунистического труда». Документов больше десятка, а имя везде одно: Токарева Любовь Николаевна. А вот и она сама – на маленькой фотокарточке, которая рядом с несколькими снимками ее мужа лежит в пустых корочках пенсионного удостоверения.

Бережно перебираю эти бумаги, волнуюсь и вместе с мужчиной, который их принес, недоумеваю: ведь место для этих документов – если уж не в семье наследников, то в музее или городском архивном отделе, но никак не на мусорке. Смотрю на маленький помятый снимок.

Ну, здравствуйте, Любовь Николаевна!.. Не думала, что встретимся при таких вот обстоятельствах... А помните нашу встречу в конце 70-х годов, когда вы, участница войны, обращались к читателям газеты и призывали их беречь мир?.. Позвольте же мне, Любовь Николаевна, сегодня рассказать читателям о вас. Думаю, я обязана это сделать: ведь вы – из поколения победителей.

Любе было 14 лет, когда началась война. Отец сразу ушел на фронт. Остались мать и семеро детей: три сестры и четыре брата. А жили они в городе Торопец Калининской (ныне Тверской) области, куда уже в первые месяцы войны пришли фашисты. Земля содрогалась от взрывов, город горел. Что делать? Как спастись от этого огня?

В конце августа многие горожане подались на восток, туда, где, как им казалось, стреляют наши. А немцы преследовали беженцев, которые вскоре оказались между нашими и вражескими войсками. Земля вздрагивала еще сильнее, и от огня спастись было невозможно. Налетели немецкие самолеты – и девочка-подросток увидела самое страшное: как в этом аду гибнут люди. В один миг у Любы не стало ни сестер, ни братьев, ни мамы. На ее глазах взрывом бомбы они вместе с другими земляками были разорваны на куски... Когда все утихло, девочка ходила около изуродованных тел, искала, надеялась, что хоть кто-нибудь, может быть, остался в живых. Но напрасно. Слез у ней не было, сердце словно окаменело от того, что пришлось увидеть. Ей казалось, что земля стонет. Стонет от боли, крови и горя...

Вот такую, в состоянии шока, ее подобрала наши солдаты и отправили

в тыл. Шла война. И Люба знала, что много обездоленных ребят, подобно ей, бродят по дорогам в поисках пропитания. А за ними (это она хорошо представляла) гоняется немецкий самолет, словно играет, наслаждается детским страхом. И понятно, чем заканчиваются такие «догонялки»: никого не щадили фашисты, даже детей.

В тылу было тихо. Прошел год, прошел второй. Они отделяли и отдаляли от войны. Но страшные чувства и ужасные видения, как и тот летчик-фашист, догоняли, преследовали девушку и стреляли в самое сердце – и оно переполнялось жгучей ненавистью к врагу. И Люба чувствовала, что отсиживаться в тылу уже выше ее сил.

В 1943 году, шестнадцати лет от роду, она надела шинель, стала солдатом – и начались ее военные дороги. Правда, в армию сначала не брали, говорили, что надо учиться. И уже с фронта хотели отправить в тыл, но она наотрез отказалась. Девушка-доброволец с таким нежным и мирным именем, оказалось, имела такой твердый характер, какого от нее совсем не ожидали. И в конце концов зачислили Любовь рядовым в 31-ю отдельную железнодорожную роту Первого Прибалтийского фронта. Девушка, к тому же, оказалась бесстрашной. Под обстрелом, во время бомбежек приходилось доставлять на передовую боеприпасы и продовольствие. Все в роте сознавали важность стоящей перед ними задачи – вовремя доставлять нашим воинам все необходимое. Все понимали, что они тоже приближают Победу, в которую очень верили. Солдаты часто говорили: «Вот, Любаша, закончим войну, будет над нами мирное небо – вот тогда и заживем! Отстроим разрушенные города. Отыщем родных, с которыми разлучила война».

Верой в Победу, надеждой на встречу с отцом жила наша Любовь. Тяжело было каждый день видеть смерть и кровь, терять боевых товарищей – спасала только эта святая вера. Но искать после войны ей будет некого: отец, последний родной человек, погибнет на фронте. А Любовь Николаевну, словно заговоренную, не тронут фашистские пули, и будет жить она долго – одна за всех своих родных. От Первого Прибалтийского до Забайкальского фронта – таков ее боевой путь, отмеченный орденом Отечественной войны третьей степени, медалями «За победу над Германией» и «За победу над Японией».

Закончилась война – и наша Любаша скинула солдатскую шинель. Но разве можно вместе с этой суровой одеждой скинуть тяжкий груз потерь и лишений? Разве сотрешь, разве вычеркнешь из памяти все бывшее?.. И когда говорят: «Никто не забыт, ничто не забыто!» – ох, как понятны ей эти слова! Она ничего не забыла.

Не забыли и ее. И годы мирного труда были скрашены юбилейными наградами как напоминаниями о славном боевом пути, который Л.Н.Токарева прошла вместе с Родиной. «За доблесть и отвагу в Великой Отечественной войне», – говорится в подписанном министром обороны СССР маршалом Советского Союза А. Гречко удостоверении к знаку «25 лет Победы в Великой Отечественной войне». Удостоверения к юбилейной медали «50 лет Победы» и к медали Жукова подписаны президентом Российской Федерации Б.Ельциным. Две медали в связи с

юбилеями Победы и Вооруженных Сил СССР от имени Президиума Верховного Совета СССР Любови Николаевне Токаревой вручал Кизеловский горвоенкомат, а четыре юбилейных медали – горвоенкомат Качканара.

Такое внимание государства радовало, придавало сил. И ей было как-то по-особому приятно жить в Качканаре и видеть, какие светлые города, какие мощные предприятия построили после войны советские люди. В этом городе они с мужем вырастили троих сыновей. И работалось здесь легко, с желанием, с хорошим настроением. 16 лет отдала Л.Н.Токарева Качканарскому ГОКу. Здесь стала ударником коммунистического труда, здесь в 1982 году ее наградили медалью «Ветеран труда». Ее работа отмечена благодарностями и Почетными грамотами. Во Дворце культуры и отделе подготовки кадров комбината, где работала Любовь Николаевна, о ней отзываются как о скромном и порядочном человеке, надежном товарище, добросовестном, инициативном работнике. И очень жалеют о ее безвременной и мученической кончине.

Родные рассказывают, что в последние годы Любовь Николаевна сильно болела. И, видимо, больше всех болела ее душа, пережившая страшное потрясение в 1941-м. Больная часто забывалась, путалась во времени и лицах. А смерть мужа в апреле 2004 года совсем ее подкосила. Ей все хотелось куда-то бежать. Что же не давало покоя ее больному воображению? Быть может, она опять видела себя девочкой-подростком, за которой гонится немецкий летчик? Может быть, ей виделась искореженная бомбами земля и изуродованные тела людей? И ей хотелось убежать от этого ужаса?.. Нам не дано знать. Мы знаем только, что Любовь Николаевна, как ни удерживали, как ни сторожили ее родные, все-таки убежала. Случилось это 3 мая 2004 года. Не прошло и 40 дней со дня смерти мужа. А может быть, она торопилась к нему?..

Близилось 9 Мая. И давайте для собственного успокоения думать, что юная Любаша ринулась в свой последний, победный бой. Давайте думать, что ветеран войны Любовь Николаевна Токарева хотела победить свой недуг, но силы оказались неравными. И 59-ю годовщину Победы она встретила не в колонне качканарских ветеранов, а на территории промбазы, за литейным цехом, где и было потом найдено ее тело.

Вот, пожалуй, и все о Л.Н.Токаревой. А как же ее документы, которые оказались на мусорке?.. Неужели их выбросили за ненадобностью? Нет, даже сама мысль об этом очень жестока. И я гнала эту мысль с того дня в конце лета, когда документы оказались у меня. Гнала и не знала, как по деликатнее подойти с этим вопросом к родственникам Любови Николаевны.

Наконец, познакомилась с ее снохой Алевтиной Николаевной. Скромная, добрая женщина. С уважением и почтением говорит о свекрови. С тревогой и болью рассказывает о ее последних днях. Казнит себя за то, что не уследила и позволила больной убежать. Нет, такая женщина не могла выбросить документы.

– Когда я их у вас увидела, меня прямо затрясло, – признается она. – Сохранилась орденская книжка, еще кое-что, а остальные, вот эти, найти не могу. Ведь они, думаю, нам еще понадобятся...

Да, видимо, в суматохе, в треволнениях кто-то нечаянно прихватил эти

документы вместе с другими бумагами, приготовленными на выброс...Мне пришлось извиниться перед Алевтиной Николаевной, что невольно заставила ее так волноваться. Да и сама успокоилась, будто камень тяжелый с души свалился.

А в завершение скажу вот что. В апреле прошлого года газета «Качканарский рабочий» и архивный отдел администрации города начали большой проект «Победители», посвященный 60-летию Великой Победы. Опубликовано уже немало материалов, героями которых стали люди, выстрадавшие Победу на фронте и ковавшие ее в тылу, то есть ваши родственники, уважаемые качканарцы. «Сохраним память о них и бесценные документальные свидетельства их бессмертного подвига!» – обращалась тогда газета к читателям. И сегодня еще раз хочется напомнить потомкам победителей, что подобные документы действительно бесценны как свидетельства нашей истории, которую мы должны беречь. А городской архивный отдел и «Качканарский рабочий» вам в этом помогут.

Думаю, уместно будет в связи с этим вспомнить Тамару Фоминичну Белову, о которой рассказывал в нашей газете М.Титовец. Глубокое уважение, даже восхищение стал испытывать он к ней, когда узнал и увидел своими глазами, как основательно, скрупулезно занимается эта женщина историей своей семьи, своей родословной. Результатом ее изысканий стал объемный труд, в котором собраны материалы о многих-многих представителях их рода. Там и достоверные сведения, и предания, портретные зарисовки и интересные случаи. То есть сделано то, что в принципе должно иметь место в каждой уважающей себя семье. Такой богатый материал может представлять интерес и для профессиональных историков, занимающихся популярной ныне родовой историей страны. А Михаил Титовец, познакомившись с родословной Т.Ф.Беловой, рассказал в газете об одном из ярких представителей этой семьи – Черняеве Фоме Вениаминовиче, родном отце Тамары Фоминичны.

Страстный любитель и собиратель истории, Михаил Иванович постоянно призывает читателей беречь все, что связано с прошлым вашей семьи. Кстати, в связи с 60-летием Великой Победы готовится к изданию книга о качканарцах – участниках Отечественной войны и тружениках тыла. И с прискорбием приходится отмечать, что в иных семьях мало что знают о своих славных предках, не хранят ни их военные документы, ни фронтовые письма, ни даже фотографии. Печально, что люди живут только одним днем, не думая о прошлом и будущем. Ведь без прошлого нет будущего. Если мы не чтим своих предков, то можем ли быть уверены, что потомки наши будут чтить и помнить нас?

Дорогие качканарцы, не будьте иванами, не помнящими родства, не берите грех на душу, не выбрасывайте документы-свидетельства, лучше отдайте их в городской архивный отдел.

Газетный проект «Победители» мы начинали в апреле прошлого года публикацией «Чтобы помнили». Давайте же хранить светлую, святую память о наших предках!

УЗНИЦА НОМЕР 246

Хорошая девочка Лида

Она была единственным ребенком в семье. Окруженная вниманием родителей и бабушки, взлелеянная под колыбельные песни раздольных донских степей, с детства впитавшая гордый шахтерский дух и уважение к труду, она росла неизбалованной и работающей. К шестнадцати годам смешливая белокурая девчонка, плясунья и певунья, превратилась в статную девушку, красивую и вольную, как цветущая степь. Жизнь текла спокойно и плавно, как воды тихого Дона. Лида была готова любить весь мир и чувствовала себя счастливой. И думала, что так будет всегда.

Но пришел 1939 год и заставил думать и чувствовать по-другому. Умерла мама – и завяли цветы в душе Лиды; там теперь выли холодные степные ветры. Завывали и не унимались, словно предвещая новые утраты и бури. А буря была уже близко: грянул 1941-й. Отца и других шахтеров отправили на Урал. Как хотелось Лиде поехать вместе с папочкой, как она умоляла его! «А как же бабушка?» – спросил отец. Нет, не могла Лида покинуть эту добрую женщину, которая была теперь для нее и бабушкой, и мамой. И остались они вдвоем. Лида пошла работать в эвакогоспиталь, куда каждый день привозили раненых.

А военная гроза, прорвав наши западные границы, быстро катилась на восток. Черные тучи накрыли Украину, полили ее кровавым дождем. И вот уже военный гром грохочет в Ростовской области. И настолько эта гроза была сильной и затяжной, что родной Лидин город Шахты семь раз переходил из рук в руки: только наши войска выбьют фашистов, только вздохнут люди посвободнее – а вражеские полчища вновь свирепствуют в шахтерском городке.

– И как придут, так опять загребают-выгребают молодежь, – вспоминает Лидия Николаевна. – Грузят в телячьи вагоны и отправляют в Германию. Сколько раз бабушка прятала меня от фашистов!..

Под номером 246

В июне 1942 года «загребли» и Лиду. Раньше она и предположить не могла, что когда-нибудь все ее жизненное пространство будет надолго ограничено тесной и вонючей вагонной коробкой. Равнодушно, как приговор, стучат под этой коробкой колеса, увозя в неизвестность. Катит длинный состав на запад, а Лида все думает и думает о цветущей

раздольной степи и не знает: успокаивают ее эти думы или еще сильнее терзают душу. Вот и граница с Германией. Распределитель. Выгнали всех из вагонов, построили. Холеный «покупатель» придирчиво и бесцеремонно выбрал 250 человек.

– И привезли нас в Берлин. Заключили в концлагерь. Он был очень большой. Там за колючей проволокой томились поляки и итальянцы, французы и русские, люди других национальностей. В бараках – трехъярусные нары, соломенные матрасы и подушки, колючие одеяла.

Но больше, чем эти одеяла, колело и унижало рабское существование под номерами. Забудь свое имя, забудь фамилию и национальность, уйми свою гордыню! А если не уймешь, помогут крепкие удары, которые помнятся долго. Забудь, что ты человек, прочно усвой, что ты рабочий скот, и помни свой номер – в этом здесь все равны. Все Лидино существо восставало против такого равенства: ведь даже у скота есть клички. У нее же был номер 246. Грубый, деревянный, он, как ярмо, висел на шее. А на рукаве и на спине лагерной робы красовалась нашивка "OST".

– Подъем был в шесть утра. Потом завтрак: половник баланды и кусочек хлеба, тонкий-тонкий, просвечивающий. Потом нас строили в колонну по три и считали, как скот. Отсчитают семьдесят человек и под надзором четверых фашистов выводят из-за колючей проволоки в город. Так небольшими группами шли мы на фабрику, где работали до самого вечера. Мы на пару с полячкой резали проволоку для каких-то приборов. Целый день нас не кормили, зато строго следили, чтобы никто не отлынивал.

И так каждый день, и каждый месяц, и целый год. А между тем все чаще раздавалась воздушная тревога, падали бомбы (говорили, что американские). Кончилось тем, что заключенных из Берлина перевезли во Франкфурт-на-Майне.

– Там тоже почти год работали мы на бумажной фабрике. А потом стали бомбить и здесь. И вывезли нас тогда в Черный лес, Шварцвальд, где в одном из городков мы работали почти до конца войны.

Вглавь – на свободу

Шварцвальд – это красивые горы по правобережью Рейна. Если бы оказаться здесь туристом или курортником, то можно залюбоваться и лесистыми склонами, и величавым течением Рейна. Только Лида, как и другие, попала сюда не по курортной путевке. Они – узники. Крепко держат эти колючие узы. Как разорвать их? Как вырваться из них?

А что, если бежать? Вернее, плыть. Броситься в Рейн – и плыть, плыть, плыть, пока хватит сил. Да, Рейн манил их, но не как красивое творение природы, а как дорога на волю. И настолько сильной была жажда свободы, что они решились. Однажды, выждав, когда охранники уйдут по берегу в другую сторону, узники бросились в воду. В них стали стрелять. Быстрее, быстрее! Доплыть бы только до середины реки – а там уже граница и другая страна... И у них получилось!

– На той стороне мы оказались как в раю. В зданиях барачного типа принимали врачи и санитары. Нас помыли, постригли и побрили. Сожгли

нашу одежду, дали другую. «Выбирайте, – говорят, – берите, чтобы и сменка была». Я выбрала юбку и жакет, туфли, две пары чулок. Надели на меня шляпку с сеткою – удивительно! Смотрим мы и не узнаем друг друга.

И вот их, таких преобразенных, посадили в машины и привезли в один из швейцарских городков. Поселили в многоэтажных отелях, таких шикарных, каких Лида отродясь не видела. Комната – на троих. Красивые кровати, по две пуховые подушки, белоснежные простыни и пододеяльники – все это казалось чудным сном. А сон у них и впрямь был чудный и крепкий.

– Глянула на нас хозяйка отеля и удивилась: «Дети мои, да как же вы спите! Ну-ка, вставайте, стелите простыни и ложитесь на подушку. Другую подушку на ноги кладите». А ее муж, видя наше удивление, добавил: «Ноги должны быть в тепле – тогда и голове будет хорошо!» Вот так мы жили в Швейцарии. Наш Красный Крест платил по три с половиной франка в месяц, можно было что-нибудь купить. Мы, конечно, работали, но рабами уже не были. И, несмотря на европейскую роскошь, очень хотели домой. Мы знали, что война уже кончилась.

Их мечта сбылась 27 июля 1945 года. В этот день на вокзале было торжественно: развевались флаги, играла музыка. Поехали!.. Польша, Брест-Литовск, граница. Дальше распределительный пункт. Рассортировали всех по областям, провели тщательную госпроверку. И добирайтесь, кому куда.

На Родине

Лиде надо было в Ростовскую область. Ехала в товарняке с углем. Вышла в Ростове-на-Дону. Чумазая, но счастливая. Еще 75 километров электричкой – и родные Шахты.

Бабушка Паша, пережившая оккупацию, спокойно доила корову, когда подошедшая тихонько Лида окликнула:

– Мам! – она всегда звала ее мамой. – Мам!

– Ах, батюшки! Да моя же ты доченька!.. Да живая! – приговаривает, а сама дрожащими пальцами щупает внучкины глаза. – Ты видишь меня, доченька? Ты видишь?.. А мне сказали, что фашисты тебе глаза выжгли.

Вот такая была встреча после долгой разлуки. Лидина душа снова пела. И покалеченный войной шахтерский городок, и скромный отчий дом были ей дороже всякой Швейцарии и роскошных отелей. А в простой домашней постели Лида, уставшая и отмытая после долгой дороги, чувствовала себя, как в колыбели.

Прошел день. И снова наступило утро. Лида проснулась от чьих-то всхлипываний. Открыла глаза и увидела отца, который, оказывается, давно уже смотрит на спящую дочь и плачет.

– Папочка! Ты уже проснулся? – Лидия бросилась к нему. – Какая радость!.. Папочка, ну почему ты не взял меня на Урал?..

Тогда Лидия Николаевна еще не знала, что доживать свой век ей придется на Урале. А пока в 1945-м она вышла замуж, родила сыночка. Через три года с мужем пришлось расстаться, а вскоре стать матерью большой семьи. У ее второго мужа было четверо детей, мал мала меньше

(жена умерла от тифа). Соседки отговаривали Лидию: «Зачем тебе эта орава? Одумайся!»

– «Но они же дети!» – отвечала она.

С той поры и навсегда дети стали главной жизненной ценностью Лидии Николаевны Дубининой. Большим и отважным было ее материнское сердце. И хоть время было нелегкое, и муж оказался не сахар, все вынесла, всех вырастила и выучила, всех любила, как родных.

Однажды дочка Вера, уехавшая в Качканар по комсомольской путевке, написала: «Мама, приезжай. Ты мне нужна.» И мама со всей семьей (куда же она без семьи?) приехала в город юности.

О качканарских страницах ее биографии, содержательных и созидательных, не только радостных, но и драматичных, говорить не буду: не о том сегодня речь. Скажу лишь, что 15 лет, до самой пенсии, проработала Л. Н. Дубинина каменщицей в СУ-1, и нянчила внуков, и 20 лет (с 1980-го по 2000 год) отдала качканарской СЭС. Скажу еще, что, получив от СУ-1 четырехкомнатную благоустроенную квартиру в домеклюшке, она живет сейчас на 12 квадратных метрах в «типушке»: настолько велика и жертвенна ее материнская любовь.

На судьбу она не жалуется, не стонет. Очень благодарна коллективу санэпиднадзора и главному врачу Юрию Ивановичу Григорьеву, который всегда внимателен к Лидии Николаевне, а в День медицинского работника и в День Победы всегда поздравляет и поддерживает материально. Видимо, он хорошо понимает, что война ощутимо, жестоко прикоснулась к судьбам узников, что День Победы – это и их праздник.

– Да и городские власти о нас вспомнили; впервые за полвека, но вспомнили, – говорит Лидия Николаевна, имея в виду апрельскую встречу, посвященную Международному дню освобождения узников фашистских концлагерей.

Без взаимопонимания

А коль есть такой день, значит, помнит об этих людях и международная общественность.

Начались выплаты компенсаций от немецкого фонда «Память, ответственность и будущее» и от австрийского фонда «Примирение, мир и сотрудничество» людям, подвергшимся в годы войны нацистским преследованиям. Выплата этих компенсаций производится Фондом взаимопонимания и примирения правительства Российской Федерации. А коли есть в России такой Фонд, значит, наше правительство помнит о бывших узниках. Пришло несколько компенсаций и в Качканар.

А Л.Н.Дубинина все ждет. Она показала мне интересные документы. Один из них – из российского Фонда взаимопонимания и примирения: *«Уважаемая Лидия Николаевна! Экспертная комиссия рассмотрела Ваше заявление и имеющиеся документы и приняла положительное решение по выплате Вам материальной помощи. Информацию о сроках и месте получения материальной помощи Вы получите в течение первого квартала 2002 года»*. В документе указан и размер помощи: 751,6 евро – на первом этапе выплат и 13,95,8 евро – на втором. Указаны и телефоны, по которым «можно обратиться с вопросами и проблемами».

Вопрос возник: почему первый квартал 2002 года давно истек, а из фонда ни слуху, ни духу, ни компенсации? Позвонила бывшая узница в Москву, заплатила за переговоры 50 рублей. На другом конце провода ответили, что в компьютере Л. Н. Дубинина значится как умершая.

Возникла проблема: надо доказать, что жива. Живому телефонному голосу, конечно, не верят – нужна бумажка. Пошла к нотариусу, получила «Свидетельство об удостоверении факта нахождения гражданина в живых» – еще заплатила 50 рублей.

Теперь эту бумажку надо отправить по факсу в Фонд – 26 рублей.

Снова звонит, чтобы узнать, получили ли факс – опять 50 рублей. Говорят, что получили, но есть проблемы: то ли нужного человека на месте нет, то ли он в отпуске.

И Лидия Николаевна написала Путину. Из Управления Президента РФ по работе с обращениями граждан в октябре ответили, что ее письмо отправлено в Фонд взаимопонимания и примирения. Круг замкнулся.

Минул уже первый квартал 2003 года. Так где же оно, взаимопонимание? И можно ли примириться с тем, что тебя уже считают умершей? Как доказать, что ты живой человек, а не безликий номер 246 и не мертвец?

– Хоть бы кто-то объяснил – и я бы успокоилась, – говорит Лидия Николаевна. – Да хоть бы какую-нибудь часть получить. Выплаты планируется завершить к 2005 году. Вряд ли я доживу...

В сентябре Л. Н. Дубининой исполнится 80 лет. До дня рождения надеется дожить и радуется, что в этом возрасте немного увеличится ее скромная пенсия.

2003 год

ВДОВИЙ ВЕК БАБЫ НАДИ

Начну, пожалуй, с небольшой осенне-летней картинки, хорошо знакомой качканарцам.

Вот к железнодорожному вокзалу подошла электричка, и садоводы, груженные урожаем, устремляются на штурм автобуса. Несколько минут толчеи и давки – и самые напористые да удачливые уже в салоне. Двери закрываются, и переполненный автобус, тяжело вздохнув, медленно трогается с места. Оставшиеся на привокзальной площади ждут следующего рейса. А некоторые пассажиры сразу с электрички направляются в город пешком. Среди них еще много лет назад заприметила я одну старушку. Маленькая, как гном, с рюкзаком за плечами, она в хорошем темпе шагала в гору, подобно туристу, для которого ходьба – дело привычное и даже любимое. А недавно я познакомилась с этой старушкой и поняла, что баба Надя всю свою жизнь прошагала пешком. Видно, не зря говорят: пешком ходить – долго жить. Давайте и мы, дорогие читатели, пройдем по ее жизни длиною почти в целый век.

Небольшая вятская деревня с говорящим именем Безденежная. Шел 1913 год, когда здесь, в семье Безденежных, родилась наша героиня. Впрочем, все в той деревне были Безденежных. Лишь одна семья, как вспоминает баба Надя, выделялась фамилией и достатком – Новокшновы. Остальные еле сводили концы с концами, хотя в поте лица работали стар и мал. Нет, нельзя сказать, что света белого не видели. Отмечали все православные праздники. В такие дни одевались понаряднее и шли в церковь в одно из соседних сел. Конечно, пешком и, конечно, не близко, но усталости не замечали, ибо знали, что идут к Богу, который даст им новые силы, просветит их разум, согреет и очистит душу. И весь обратный пеший путь несли они в себе этот божественный свет, чтобы вновь окунуться в деревенские будни. Жили с Богом. Если, к примеру, угрожала засуха – служили молебен, просили у Господа дождя. Во всякую минуту к Нему обращались и в то же время понимали: на Бога надейся, да и сам не плошай. И не плошали, надеялись на свои рабочие руки.

Такие руки были и у нашей Нади. Сложилось так, что отец умер, когда ей было пять лет; старшая сестра Нина уехала в Кирово-Чепецк, а мама не отличалась крепким здоровьем и все надежды возлагала на младшую дочь, которая вполне оправдывала свое имя. Учиться много Надежде не пришлось. В школу ходила один год в детстве да еще один год намного

поздней, «когда уже робенки были». Читать и писать научилась. Но раньше всего научилась она трудолюбию, знала всю крестьянскую работу: и на земле, и в избе. А еще была большая рукодельница: хоть шить, хоть вязать, хоть шерсть прясть. Придут, бывало, к ней: «Сын-то у меня в армию уходит. Не свяжешь ли, Надежда, ему носки?» И за ночь носки готовы.

Вот такая была Надежда Безденежных, безотказная и добрая, скромная и работающая. И красивая. Невысокого роста, круглолицая и ясноглазая, с длинной черной косой, задорная и веселая, она слыла завидной невестой. Многие деревенские парни, кто тайно, а кто явно, вздыхали по ней. А замуж Надежда вышла за Ивана Мамаева из села Одинцово.

Муж в ней души не чаял, свекор и свекровь тоже любили. Благополучно складывалась семейная жизнь. А в 1937-м у Мамаевых появился первенец – дочка Аля. И Надежда испытала доселе ей неведомую материнскую радость. Это новое чувство наполнило ее жизнь особым смыслом и уверенностью, что любые трудности можно и нужно преодолеть.

А трудности, тоже новые и доселе неведомые, уже подстерегали ее. Первая беда постучала в их дом, когда в магазине, где работал Иван, ревизия обнаружила излишки: 30 копеек. И ее муж, этот честный и скромный человек, был осужден на полтора года. А вскоре пришла другая беда, и постучала она не только в дом Мамаевых – началась война. В душе Надежды словно что-то оборвалось. Оборвалось с такой же болью и отчаянием, как и в 30-е годы, когда стали рушить церкви, превращать их в гаражи и склады. Не тогда ли и накликали эту большую беду? Эта мысль, это чувство боли не покидают Надежду Дмитриевну всю жизнь. Даже сейчас, в свои 92 года, когда многие факты и имена стерлись из ее памяти, она помнит местного антихриста Кузю Килуна, который тогда сбрасывал кресты с церкви. Отреклись – и пришел антихрист на землю русскую.

Когда началась война, Ивана Мамаева выпустили из тюрьмы. Освободили досрочно, чтобы бросить из огня да в полымя. Недолго побыл он с семьей и ушел на фронт. На фронте, судя по его письмам, дела были плохи: наши отступали. «Проходим по деревне, – писал Иван, – а из окошек смотрят дети. Виноваты мы перед ними! Вижу их – и вас вспоминаю. Такая тоска и тревога!»

В тоске и тревоге жили и в тылу, И хоть нерадостными были Ивановы письма – утешало то, что он жив. Писали ему о своем житье-бытье, стараясь не огорчать. А однажды сообщили радостную весть: у него родился сын Леня.

«Был сильный бой. Мою шинель прострелило, а меня Бог спас – остался жив. Будьте здоровы, берегите сына!» – писал Иван.

Как хотелось ему увидеть Леню, взять его на руки! И Надежда ждала такой минуты, Но это письмо от мужа оказалось последним. Потом пришли печальные известия. Из госпиталя написали, что Иван Мамаев был ранен в живот, что поврежден позвоночный столб, что десять суток раненый был без сознания. Спасти не удалось. Он погиб в том же 1942 году, в котором появился на свет его сынок. А немного позднее еще одна весть: «Уважаемая Надежда Дмитриевна! Сообщаем Вам, что Ваш муж

Мамаев Иван Архипович захоронен в братской могиле на воинском кладбище города Калуги. Его фамилия занесена на мемориальную доску».

Вот так Иванова дочка Аля, как когда-то ее мама, осталась без отца в пятилетнем возрасте. А Надежда Дмитриевна осталась вдовой с двумя малыми детьми, тоже повторив судьбу своей матери. Вдова в 28 лет!..

Ах, эти вдовы погибших фронтовиков!.. Такие молодые и такие самоотверженные, они забыли о своей личной жизни, полностью посвятив себя детям и стране. «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик». Эта меткая народная частушка - о них, взваливших на свои женские плечи всю тяжесть военного и послевоенного времени. И Родина должна поклониться им в ножки!.. Да что восклицать-то - давайте посмотрим, как жила молодая вдова Надежда Мамаева. Да разве все расскажешь? Вот лишь несколько штрихов.

Колхоз, где остались женщины, старики и дети, жил. Жил и работал. Работал для фронта, для Победы. Весной начинались пахота и сев. А как пахать, если почти все лошади тоже были призваны в армию? И запрягали быков да коров. Зачастую впрягались и женщины и тащили за собой тяжелый плуг или борону. За плуг тоже вставали женщины, старики да пацаны. И бабы, эти семижильные бабы, были самые надежные. Нелегко женским рукам держать плуг, управлять этим железным пахарем и вести ровную, глубокую борозду. Ох, как нелегко! Хорошо это знает Надежда Мамаева, которая исходила за плугом немало верст по весенним полям – в рваной обуви и босиком. Ноги мерзли и гудели. К концу дня так уставала, что казалось: не она правит плугом, а плуг тащит ее и скоро выдернет из плечей ее немеющие руки.

Летом и осенью – полив, прополка, жатва, сенокос – работа от зари до зари. А ближе к ночи садится Надежда на телегу, груженную мешками с зерном, и едет в село Оричи – сдавать хлеб государству. И только тут, на возу, чувствует, как она устала, и вот теперь за дорогу отдохнет.

Однажды на собрании председатель колхоза сказал: «Бабы, надо косить клевер. Кто выкосит гектар, тому сразу дадим муки». Надежда косила день, косила ночь. Утром бригадир Колька замерил: гектар и шесть соток. Пришла домой усталая, легла на печку отдохнуть. За мукой детей отправила. Вот несут они эту заветную муку, килограмма полтора, и напевают. Просеяла муку, напекла морковных пирогов – вот уж праздник-то был! К тому же, бригадир разрешил ей после ночной косовицы отдохнуть денек. «Мама, мы сегодня наелись досыта!» – сказали довольные Аля и Леня и снова замурлыкали. А у матери ком в горле, он так и пытается вылиться слезами – то ли радости, то ли жалости к детям.

– Жили впроголодь, – рассказывает Алевтина Ивановна. – Летом, конечно, было полегче. Варили крапиву, лебеду, щавель. Колхоз давал выжимки от подсолнечного масла, Собирали мы песты (полевой хвощ). И когда эти пестики мама поджарит с яйцом – очень вкусно!..

А весной, как только сойдет снег, деревенская ребятня отправлялась на колхозное картофельное поле. Полуголодные, полубосые дети, словно грачи на пашне, ходили по холодной, едва оттаявшей земле в поисках гнилой картошки. Перезимовавший клубень – это сморщенная грязная

оболочка, под которой тоже грязь да воздух, а внутри маленький, твердый крахмальный комочек – главная ценность. С полными посудинами этой ценности ребята возвращались домой. Ох, сколько нужно было принести воды, чтобы не один раз перемыть эти гнилушки и добраться, наконец, до белой серединки!.. Зато какими вкусными казались лепешки из гнилой картошки!

– Носить нам тоже было нечего, – вспоминает Алевтина Ивановна. – У меня одно платишко, у Лени единственные штаны на лямке. Летом, бывало, выстираем, повесим на огород и ждем, пока высохнут.. Валенки зимой – тоже одни на двоих, да и те дырявые. К школе купила нам мама лапти: «Берегите их». А мне неохота лапти надевать: онучи наматывать долго. И я почти до самого снега бегала в школу босиком. Техничка посадит меня на печку, отогреюсь немного - и на уроки... А после уроков – в поле, помогать картошку убирать. Или собирать колоски. «Кто больше колосков соберет, – скажут нам иногда, – тому дадим хлеба с медом (в колхозе была пасека)». И мы старались. А после работы усадят нас за стол в колхозной конторе и всех накормят. Вот такие случались редкие радости. Но чувство голода, желание поесть было почти постоянным. Приходилось и милостыню просить (чего скрывать-то?). Правда, до поры до времени выручала корова. Но содержать ее становилось все трудней. Сенокосных угодий у нас не было – кормили соломой, какую давал колхоз на трудодни. И в один из дней мама увела буренку в Киров – на бойню, на колбасу... А на обратном пути остановилась мама передохнуть да решила пересчитать полученные за корову деньги, порадоваться. И вот эту радость, эту невидаль (в колхозе ведь денег не видали) унес порывистый осенний ветер. И вернулась мама домой безденежная, убитая горем.

Но не согнулась Надежда Мамаева – выстояла. И не такое уже довелось выдержать. Теперь надо как-то пережить очередную зиму, а весной опять впрягаться в пахоту, чтобы вновь колосились поля.

Не удивительно ли, дорогие мои читатели? Шла война, в деревне бабы, старики да дети и почти ни одной лошадиной силы – а поля колосились! Не потому ли они колосились, что колхозная земля была обильно полита горячими женскими слезами, согрета душевным теплом женщин, обласкана их нежными, заскорюзлыми руками? Не потому ли, что женское упорство и нравственная сила падали в землю крепким зерном и прорастали добрым урожаем? И колосились поля, и жила деревня Безденежная, работала для страны, для Победы... А сейчас? Нет войны, есть мощная, умная техника – а деревни вымирают, и земля, в тоске по человеку, поросла бурьяном. Не колосятся поля. Не удивительно ли? Не печально ли?..

– А после войны, – продолжает Алевтина Ивановна, – мама увела нас в леспромхоз, где жила ее старшая сестра Нина... Уже осенью, по первому заморозку шли мы два дня (идти-то 40 километров). Помню, ночевали в какой-то деревне. И снова в путь. Леня шалью перевязан. На одной ноге у него ботинок, на другой галоша... Какой, спрашиваете, багаж? Детки-малолетки – вот и весь мамин багаж, сам ножками топает. Что дома осталось? А что там оставлять-то? Деревянный стол да корыто деревянное. В леспромхозе лучше. Я ходила в школу за пять километров, а Леня был еще мал. Мама работала обрубщиком сучьев, получала

деньги. У нас появилась кой-какая одежда, и питаться стали лучше. Собирали грибы, ягоды, ловили рыбу. В леспромхозе мы и выросли. А когда он ликвидировался, перебрались в Лесотехникум – поселок с барачными и щитовыми домами на берегу Вятки. Там располагалось лесничество, а техникум готовил работников леса. Мы с братом работали: я обрубала сучья, а Леня лес маркировал. Маме работать мы не разрешили: ей и дома дел хватало.

В начале 60-х годов переехали мы в Качканар: подруга меня сагитировала. Я устроилась кровельщицей в СУ-7. В это же стройуправление пришел и Леонид, приехавший в Качканар после службы в армии. А мама до самой пенсии работала в орсе.

За сорок качканарских лет выросла семья бабы Нади. Появились внуки и правнуки. Любит она этот юный город, который принял ее хорошо. Жила сначала в общежитии у дочери, потом в благоустроенной квартире с подселением. Сейчас у Надежды Дмитриевны однокомнатная квартира, в которой ей, как вдове погибшего, недавно сделали хороший ремонт. Благодарна баба Надя городским властям и А.А.Калугину, который принял личное участие, чтобы обеспечить ее слуховым аппаратом.

Но и на Урале не обошли Надежду Дмитриевну удары судьбы. Скоропостижно скончался ее младшенький, Леня. И уже 12 лет лежит на Именновском. А Алю разбил паралич, и сейчас она на группе. Но не поддается Алевтина Ивановна, борется с болезнью и по примеру матери много двигается. Вместе с мужем Леонидом Ефимовичем держат они на Именновском свой дом и хозяйство. И баба Надя помогает им летом и зимой, да и в баньку любит сходить.

Кстати, когда ей оформляли документы как вдове фронтовика, то на запрос пришел из Кирова ответ, что деревни Безденежной больше нет. С грустью говорит, об этом баба Надя, которой, наверное, очень хотелось бы, чтобы на месте исчезнувшей появилась деревня Денежная. Но уж это от бабы Нади не зависит. И вот она прикасается к деревенскому бытию, помогая дочери на Именновском и внучке в шестом саду, куда тоже чаще добирается пешком, чем на автобусе. «Да тут, – говорит, – недалеко». Внуки приедут, а грядки уже прополоты и политы: бабушка постаралась. Ей работа на земле – в радость. Да и по грибы минувшим летом она шесть раз на гору сходила.

Ну, что, дорогие читатели, не устали еще следовать пешком за бабой Надей?.. Недавно видела я, как она, в валеночках, пуховой шали, в пальтишке, с двумя сумками наперевес через правое плечо, бодро шагала по улице Свердлова – к электричке, чтобы уехать на Именновский.

Вот так и идет по жизни эта маленькая и великая женщина – вдова фронтовика, заботливая мать, бабушка и прабабушка. За ее спиной уже остался двадцатый век. Сквозь его бури и лишения пронесла она свое храброе, чистое сердце и добрую, светлую душу. Такою шагнула и в век двадцать первый. Давайте с благодарностью поклонимся и по-хорошему позавидуем этой женщине.

Милая баба Надя, пусть дольше ходят твои ноженьки, пусть не устанут твои рученьки! Будь здорова и уверенно шагай к своему столетию!

НА ГОРЕ ВЕРЕСОВОЙ

Володя знает, что бывают обелиски вдоль дорог, стоят мемориальные сооружения в городах и селах. А этот мемориал – в глухой тайге. Зимой здесь ни тропинок, ни дорог – лишь колыхается снежный саван под скорбные песни метелей. И гора Вересовая – словно белый курган, словно могила братская, где спокойно спят земляки.

К ним, землякам своим, отец отправился 22 июня 1987 года и взял с собой его, Володю. Из Качканара до Верх-Иса они добрались автобусом, а дальше – 25 километров – пешком. Пахло июньским разнотравьем и разноцветьем, день разгорался, а они с отцом все шли и шли, все выше и выше. Вот и гора Вересовая, вот и заветная скала-вершина с мемориальной плитой «Солдатам Каменушки, погибшим в 1941-1945 гг.».

Остановились, помолчали...

– Ну, здравствуйте! – сказал Георгий Павлович и ласково провел ладонью по знакомым буквам. Даже металлические, они согревали. Их тепло обволакивало сердце и горячим комком застревало в горле.

Сын стоял рядом с взволнованным отцом и медленно читал фамилии. Сын понимал, что сейчас сквозь десятилетия отец разговаривает со своими земляками. Егор Бабошин, Федор Турышев, братья Алексей и Михаил Глушаевы, Алексей и Василий Умриловы, Иван и Григорий Москалевы, Петр Шардин, Петр Васьков, Петр Рублев, Ким Мочалов, Алексей Филимонов, Кирилл Коранов, Федор Ладик и Фадей Камаев родимый брат. Многие из них были такими же молодыми, как Володя, стоящий теперь на этой святой вершине. Сможет ли он, Владимир Камаев, подняться до такой высоты духа, до какой поднялись эти семнадцать, отдавая жизнь за Родину, за солнечный нынешний день?..

Георгий Павлович глубоко вздохнул, поглядел вокруг. Сосны вплотную подошли к скале и стоят в почетном карауле.

А раньше лес на Вересовой был редкий: его вырубали на крепи для штолен и шахт, на дрова. Каменушка жила, Каменушка работала. Она была вон там, внизу. Камаевы смотрели с горы на тайгу, и младшему трудно было представить, что там когда-то кипела жизнь, а Камаев-старший словно вновь вернулся в свое детство.

...Таежный поселок в 25 домов, большинство из которых барачного типа, начальная школа с одной учительницей, пекарня, магазин, казенная баня – такой была Каменушка, жизнь которой начиналась лет двести назад. Теперь поселка нет – остался лишь альбомный снимок да память сердца.

Любит Владимир листать отцовский альбом со старыми любительскими фотокарточками, рассказывающими, как жил и работал старательский люд.

Вот забой. Люди с тачками. В тачках земля, которую возили к воде за два километра. А вот и река Нясьма, длинные желоба, в которых промывали землю.

Еще фотокарточки: бригада на отдыхе в балагане, старатели на заготовке дров. А под этим снимком написано: «В часы досуга» – каменушкинцы в лесу заготавливают кедровые орехи. Не совсем понятно Володе, что эта нелегкая работа считалась досугом, отдыхом. Да, таковы были будни.

А в праздники ходили отдыхать на гору – с гармошками и с балалайками, с песнями и плясками. Слышала Вересовая и буйное веселье старателей, и тихий шепот влюбленных, видела звонкие свадьбы.

Так и жила Каменушка. Подрастали ребятишки, бегали в школу. Леля (так в детстве звали Георгия Камаева) в школу пошел не рано, на десятом году. Учился хорошо, что подтверждают табеля успеваемости, подклеенные здесь же, в семейном альбоме. Закончил начальную школу. А в пятый класс надо было ходить на Верх-Ис, за 25 километров. И ходил, и учился. Вот и еще одна страница его жизни – табель за пятый класс. Думал закончить семилетку.

Но началась война – и все изменилось. Мужчины-старатели стали солдатами, поклонились горе Вересовой и ушли воевать. Мальчишки – школьники стали старателями, проводили солдат и пошли в забой. На них, подростков, смотрела теперь вся Каменушка. Рвались мальчишки на фронт и в сорок первом, и позднее, когда повзрослели, но их не пустили: какая же работа без мужиков?.. И они работали, как мужики, как солдаты тыла. Работали для Победы.

Ох и долгим был этот путь к Победе, усыпанный похоронками, улитый слезами вдов и солдатской кровью! Многие сгинули, не дошли. В маленькую Каменушку, где всего-то 25 дворов, не вернулось 17 человек... Но и они победители. И их имена должны знать и помнить те, кто остался жить, – сегодня, завтра, всегда. Это не столько понимал, сколько чувствовал Георгий Камаев всем нутром своим.

Когда родилось в нем это чувство? Может быть, в суровом сорок первом, когда в самом начале войны погиб его брат Фадей? Может, в победном сорок пятом?.. Чувство это тревожило, терзало, не давало покоя, пока через годы не стало отчетливой мыслью: поставить памятник героям. С этой мыслью, как со светлой мечтой, жить стало легче, но не спокойней. Он работал, растил детей, а мечта шла рядом, даже не рядом, а впереди. Как догнать ее, как воплотить в жизнь?..

В 1950 году старательский промысел был закрыт. Каменушка постепенно опустела. И начался для Георгия Павловича Качканар. Работал Камаев в геологоразведке, изучающей месторождение; позднее, в 1956-1957 годах, строил железную дорогу на Качканар; затем – корпуса горно-обогатительного комбината, теплоэлектроцентрали. Более 20 лет проработал электросварщиком на предприятиях растущего города. А Каменушку не забывал. И светлая его мечта все

была впереди и звала, манила.

И вдруг Георгий Павлович почувствовал, что прикоснулся к ней, словно к жар-птице, что она в его руках. Это случилось, когда Камаев вышел на пенсию. Уж теперь-то его свободные от работы руки не выпустят жар-птицу. Он чувствовал себя окрыленным, и эта окрыленность передавалась каждому, к кому Камаев шел со своей мечтой.

Он обратился в Качканарский городской совет ветеранов войны и труда – там поддержали; в Косьинском поселковом совете – тоже. Приехал в Нижнюю Туру, в военкомат – там удивились, восхитились и доверили Камаеву архивы военной поры. Терпеливо изучал их Георгий Павлович. И вот список погибших односельчан составлен. В нем семнадцать фамилий. Никто не забыт!..

Теперь оставалось главное – перенести эти фамилии с бумажного листа на каменный. Это непросто. Но нет невозможного для человека, если у него за спиной крылья. И вот в конце 1985 года устраивается пенсионер Камаев электросварщиком на завод по ремонту горного оборудования, в сталелитейный цех. Там у модельщиков и художников он между делом научился всему, чего требовала его мечта.

Потом всю зиму терпеливо и любовно вырезал из мягкой липы буквы и цифры – всего 260 штук. Аккуратно и старательно наклеивал их на деревянную основу, – буквы, словно солдаты, выстраивались ровными шеренгами, образуя фамилии. Модель готова. И снова обращается Г.П.Камаев на завод по ремонту горного оборудования, прямо к директору. Получил разрешение – и заводчане по камаевской модели отлили дюралевую плиту.

Глянул на нее Георгий Павлович – и помрачнел: его земляки, которых всегда помнил живыми, застыли теперь в холодном металле. Постоял, помолчал. Потом ласково провел по плите ладонью и мысленно молвил: «Ну, здравствуйте!.. Теперь поедем домой».

Он еще не знал, как и на чем поедет. Но Камаеву повезло: буквально на другой день на Каменушку пошла радиозаводская машина, ехали косить сено. Там, на земле своего детства, поблагодарил Георгий Павлович водителя Виктора Гурьянова, распрощался с попутчиками и остался наедине с былым и думами.

Вот она, гора Вересовая, его вершина, его мечта. Надо втащить туда эту плиту, пробить в камне четыре отверстия, укрепить в них болты, залить бетоном; навесить и прочно, на века укрепить священную плиту. Работал два дня – с раннего утра до поздней ночи. Спал в стареньком домике, построенном когда-то сборщиками живицы.

Закончив работу, Георгий Павлович долго молча стоял перед плитой: «Вот и вернулись... Вернулись с победой!». А день был приветливый, ясный. Пели птицы, шептались деревья, пахло разнотравьем; а внизу, где-то за бывшей Каменушкой, косили сено качканарцы. Жизнь продолжалась.

Камаев взял зубило и вновь подошел к заветной скале. Рядом с мемориальной плитой – гладкий, отполированный камень. Природа сама его отшлифовала-приготовила, будто все знала наперед. На этом каменном листе, освещенном солнцем, Георгий Павлович писал зубилом так же старательно, как когда-то в тетрадке писал он школьным пером при

свете керосиновой коптилки... Работал долго, высекая букву за буквой. Потом отошел подальше, посмотрел со стороны и прочитал; перефразированную им песенную строку: «Жизнь, ты помни солдат, что погибли, тебя защищая!». Она звучала как заклинание.

Было это летом 1986 года. А через год, 22 июня, Камаев пришел сюда с сыном. Пусть постоит на Вересовой, пусть словно в глаза посмотрит этим солдатам, простым кустарям-старателям, которые добывали стране благородный металл, а в грозную минуту заслонили Отчизну собой, оказавшись благородней и крепче любого металла. Пусть сердцем услышит сын их заклинание, а через годы приведет сюда своего сына...

Так стояли они на горе Вересовой и смотрели сквозь годы: Камаев-старший – вперед, в будущее, а Камаев-младший – в прошлое. Георгий Павлович думал о том, что следующим летом надо будет высечь звезду – вот здесь, под песенной строкой; а вот здесь, чуть правее, сделать место для цветов; под плитой с фамилиями растет олений мох – красиво, но цветы тоже нужны.

А Володя ушел мыслями в 1941 год. Он старался представить маленькую таежную Каменушку и этих мужественных людей, на свидание с которыми его привел отец. И Владимир благодарен ему за эту встречу, за его светлую память. Сын знает, что ему не дано понять до конца всю глубину отцовских мыслей и чувств: меньше прожил и пережил. Но свой сегодняшний и завтрашний день он, как и отец, уже не мыслит без этих солдат с горы Вересовой.

Да иначе, наверное, и нельзя: так сейчас все в мире взаимосвязано. Об этом и в песне поется, в любимой Володиной песне:

*Друзья, я речь веду о том,
что вся Земля – наш общий дом,
наш общий дом, просторный дом,
мы все с рожденья в нем живем.
Еще о том веду я речь,
что мы наш дом должны сберечь.
Давай покажем, что не зря
на нас надеется Земля.*

Эта песня в фотоальбоме Камаева-младшего – словно эпиграф к его жизни. Тогда, в конце 80-х, в альбоме заполнялись лишь первые страницы.

С тех пор прошло почти два десятка лет. Выросли внуки Георгия Павловича, появились правнуки – семейные фотоальбомы пополнились новыми страницами.

Многое изменилось в мире с тех пор. Но неизменными остались встречи Камаева с героями-земляками. Каждое лето бывает Георгий Павлович на горе Вересовой. Придет, постоит перед плитой, ласково погладит ладонями знакомые буквы, скажет привычное: «Ну, здравствуйте!» – и потом долго беседует с земляками. И всякий раз, оставляя им свое тепло, он уносит с собой силу их духа.

– А скоро поклонюсь им в последний раз и скажу: «До свидания!» –

говорит спокойно, без сожаления. – Годы-то мои уже преклонные...

Да, годы немолодые. А путь на Вересовую и далек, и долгод: автобусом, а потом пешком 25 километров по тайге. Но хочется верить, что не зарастет эта таежная тропа к горе, где рядом с памятной плитой Г.П.Камаев два года назад высек в камне: «Я люблю тебя, жизнь!» В этом признаются потомкам он и его погибшие земляки.

2005 год

ПАРТИЯ ВЕЛЕЛА – КОМСОМОЛ ОТВЕТИЛ: «ЕСТЬ!»

Двадцатый век, который прошел по планете с потрясениями и войнами, был, однако, не только разрушительным, но и созидательным. После Великой Отечественной войны в Советском Союзе были воздвигнуты крупные промышленные предприятия, построены новые города.

Наш город тоже своим рождением обязан XX веку. Тогда, в конце 50-х, короткое слово Качканар прозвучало на всю страну и собрало под уральским небом, в уральской тайге молодых энтузиастов-романтиков. Давно уж нянчат внуков наши первостроители, но никогда не забывают, как начинался их юный город.

Помнит это и Виктор Васильевич Гаркачев, чья общественная и служебная биография хорошо известна нашим читателям. Человек активной жизненной позиции, Виктор Гаркачев в середине прошлого века работал вторым секретарем Нижнетурина горкома ВЛКСМ; в 1956 году был на целине, возглавляя комсомольский отряд в количестве 200 человек на уборке урожая в Кустанайской области; в 1957-м в составе комсомольской делегации от Нижней Туры был в Москве, на шестом Всемирном фестивале молодежи. Он избирался делегатом двух Всесоюзных съездов профсоюза строителей и работников промстрой - материалов, неоднократно участвовал в работе пленумов профсоюза металлургов и строителей.

Но, пожалуй, самым памятным для Виктора Васильевича стало Всесоюзное совещание молодых строителей, которое проходило в Москве в марте 1961 года и в котором он участвовал как секретарь комитета комсомола качканарской стройки.

Мы попросили Виктора Васильевича рассказать об этом кремлевском совещании.

– От нашей стройки было три человека: я, мастер Тамара Светличная и бригадир монтажников Юра Азаренко. Он, кстати, сидел в президиуме этого совещания, рядом с членами Центрального Комитета партии, Верховного Совета СССР и Совета министров. Свердловский обком комсомола поручил мне выступить на совещании. Обкомовский инструктор, а в Москве инструктор ЦК комсомола помогли подготовить речь. Совещание вел Л.И.Брежнев, который еще до совещания сказал, чтобы выступающие не щадили представителей министерств и ведомств, объективно указывая на их недоработки и волокиту.

И вот наступила минута, когда слово предоставили мне. Сначала я

поблагодарил организаторов этого совещания за внимание к молодежным стройкам и выразил надежду на перемены к лучшему. А потом, позабыв о подготовленной речи, стал говорить о наболевшем, о том, что волновало и тревожило. А тревожило то, что с первых лет советской власти сложилась какая-то порочная традиция: наши руководящие дяди бюрократически относятся к нуждам молодежи, направляемой на комсомольские стройки. Почему, начиная великие и малые стройки века, не думают о создании хотя бы элементарных бытовых удобств для рабочих? Так начинались Комсомольск-на-Амуре, Магнитка, Уралмаш. Так начинался и наш Качканар.

Да возьмем хотя бы целину. «Партия велела – комсомол ответил «Есть!» Так пелось в песне, так было и на самом деле. По призыву партии поехала молодежь поднимать целинные земли. Но как мы добирались до Казахстана? Не нашлось для нас пассажирских вагонов, хотя бы общих. Ехали в товарных вагонах, совершенно не оборудованных для перевозки людей. Нам, мужикам, конечно, проще, а вот девчатам – беда. Туалеты на станциях не обеспечивали всех потребностей. И, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, начальник эшелона перед остановкой объявлял, что девушки идут на правую сторону состава, мужики – на левую. *(Эти мои слова были встречены бурными аплодисментами зала)*. И тем не менее у нас было приподнятое настроение. Мы гордились, что нам доверили помочь Родине в трудный час. Мы дружно пели родившиеся тогда новые песни:

*Ты ко мне приедешь раннею весною
Молодой хозяйкой прямо в новый дом,
С голубым рассветом тучной целиною
Трактора мы вместе рядом поведем.
Едем мы, друзья, в дальние края,
Станем новоселами и ты, и я.*

А еще в песне были такие слова: «Мама, не скучай, слез не проливай, к нам на новоселье поскорее приезжай!»

И вот мы приехали в совхоз Узункольский. И что увидели? Во втором отделении, где я по заданию местных руководителей разместил половину отряда, было четыре тракториста. Ребята жили в вагончиках. Нет ни дров для печек, ни столовой, ни туалета. Никакого благоустройства. И где тут «прямо в новый дом»? Какое может быть новоселье? *(Опять бурные аплодисменты)*. Я говорю, конечно, не обо всей целине, а только о том, что видел в конкретном хозяйстве в августе 1956 года. Мы приехали со своими палатками, посудой, немного помогли ребятам. Ну ладно, Казахстан – это степи, там нет строительных материалов для домов.

Но перейдем к нашей стройке. Качканар находится в Свердловской области, в глухой уральской тайге. Так неужели нельзя было заблаговременно заготовить брус и построить общежитие?.. Неужели нельзя было для этого привлечь рабочую силу из мест не столь отдаленных, чтобы пилить лес и готовить брус? Вот и получилось, что, оказавшись на качканарской земле весной 1957 года, к зиме мы подошли не готовыми и до ноября жили в солдатских палатках. Кто виноват? Руководителей, которые приехали вместе с нами, винить нельзя: они с самых первых дней заботились о том, чтобы создать хотя бы

элементарные бытовые удобства. Молодежь сама валила лес, готовила брус, строила общежития. Справились! (*Аплодисменты*).

Пойдем дальше. На зов Качканара откликнулись многие. Из других областей приехали к нам и ребята, но в основном девчата – и появились новые проблемы, особенно с девушками. Нет для них спецодежды. Обувь только 43-го размера, комбинезоны – 56-го. Работают наши девушки в бригадах: штукатурят, укладывают бетон. Они же, девчонки, и доставляют его от бетонно-растворного узла на тачках да на носилках... Я вот вижу: в президиуме совещания руководители в основном молодые, и, наверное, все должны понимать, что основное предназначение женщины – пополнять население нашей страны, а не надрываться, не уничтожать себя непосильной работой. Что мы делаем для облегчения их труда? Пытаемся приобрести самосвалы, заказано пять штук. И вот я езжу, добиваюсь их поставки. Не один раз был на заводе Лихачева – не дают; не однажды был в министерстве, в ЦК комсомола – вопрос не решается. И я вынужден говорить об этом здесь и сейчас. А в следующий раз на завод Лихачева я привезу девушек, пускай они потрясут директора (*бурные аплодисменты, смех*).

Построили мы несколько временных и одно капитальное общежитие, но нигде не можем достать для них 500 динамиков, никак не можем решить эту, казалось бы, несложную проблему.

Вопросов у меня много. Но один из главных – стройке недостает ребят. Думаю, Министерство обороны может направить нам матросов-балтийцев и ребят, закончивших службу в войсках, находящихся в ГДР. Нужно лишь постановление руководящих органов. Надеюсь, что оно будет.

Закончил я свое выступление заверением, что город и комбинат мы построим в срок. И обратился к ЦК комсомола, Совету министров и Верховному Совету с просьбой создать оперативный штаб, который бы держал на контроле все проблемы молодежных строек. В этом штабе должны быть и мы, исполнители.

Закрывая совещание, Л.И.Брежнев сказал, что завтра рабочий день мы начнем у своих министров, а во второй половине дня подведем итоги этой работы у министров. Мне же он пообещал, что самосвалы будут в Качканаре раньше, чем я вернусь из Москвы. Так и случилось: самосвалы и даже радиопродукторы прибыли в Качканар раньше меня. А на другой день, открывая собрание, Брежнев рассказал, куда нам следует обращаться, если не решается тот или иной вопрос. В конце дня нам вручили удостоверения членов Всесоюзного штаба комсомольских строек и познакомили с инструктором ЦК КПСС, который будет помогать нам.

Кстати, это удостоверение хорошо послужило Качканару. Пользуясь им, я бывал в разных столичных инстанциях, помогая своевременно получить то или иное оборудование, необходимое для строительства и пуска комбината. Задания на это оборудование мне давали главные инженеры комбината и треста. Удостоверение члена Всесоюзного штаба комсомольских строек помогло также решить вопрос с финансированием строительства Дома культуры и спортивного зала для молодежи. Когда появилась необходимость в детских дошкольных учреждениях, я ездил во

Всесоюзный штаб и добился строительства дошкольных учреждений, за что награжден грамотой Министерства просвещения. Но главное – не грамота; главное – мы решили проблему с размещением детей.

Построили комбинат, я уже не работал в комсомоле, меня пригласили на заседание штаба и попросили сдать удостоверение, что я безропотно и сделал, хотя не хотелось вставать в общий строй. Но все же проторенные в Москве пути я постоянно использовал в дальнейшей работе.

Хочется сказать еще вот о чем. Примерно через 15-20 дней после этого кремлевского совещания меня и Федора Селянина пригласили в Центральный Комитет комсомола на рассмотрение мероприятий по устранению замечаний, высказанных на совещании. Оказывается, Н.С.Хрущева, познакомившегося с этими замечаниями, больше всего заинтересовала критика в адрес целинных совхозов. И он попросил начальника штаба направить к нему человека, который высказал эти замечания. Инструктор назвал его лидером Свердловской комсомольской организации. Этого лидера, то есть Селянина, и пригласили к Хрущеву.

Федор Тимофеевич потом рассказывал, что Хрущев попросил его повторить песни, которые он озвучивал с трибуны кремлевского совещания. Селянин сказал, что на том совещании был не он, а комсорг качканарской стройки Виктор Гаркачев. После этого к Никите Сергеевичу пригласили меня, и он попросил, чтобы я повторил свое выступление. Я начал, но он быстро остановил меня, сказав, что остальное прослушает на пленке. Зато внимательно выслушал мою критику в адрес целинного совхоза. А про песню «Ты ко мне приедешь раннею весною молодой хозяйкой прямо в новый дом...» Никита Сергеевич спросил: «А это к чему?» Я сказал, что не надо обманывать молодежь, надо прекратить подобную агитацию. Вопросов больше он не задавал, наверное, потому, что в своем выступлении я дважды повторил, что критикую не всю целину, а конкретный совхоз, где мы были на уборке урожая. Прослушав мое выступление, Хрущев сказал, что проверит факты и примет меры. А на очередном заседании штаба мне объявили благодарность за информацию и вручили памятные часы. Что же касается Ф.Т.Селянина, то хочу сказать: я благодарен судьбе, что она свела меня с таким человеком, как Федор Тимофеевич, с которым я долгие годы был рядом и у которого многому учился.

Рядом с комсомольской путевкой целинника В.В.Гаркачев хранит в своих папках свой комсомольский значок, многочисленные благодарности и грамоты – за активную работу в комсомоле, в партии и в профсоюзе; есть там даже благодарность от газеты «Труд» «за добрый и полезный вклад в дело издания и распространения» этого печатного издания. Все эти документы дороги Виктору Васильевичу как вехи на пройденном им пути, имя которому двадцатый век.

2005 год

МОРСКАЯ ДУША

Как в родной дом, приходит Василий Алексеевич Попов в школу № 3, с которой его связывает многолетняя дружба. Учителя и школьники всех возрастов рады увидеть и послушать ветерана войны, первостроителя Качканара. Он интересно рассказывает о Российской армии и Военно-Морском Флоте, о том, как они в разные времена защищали наше Отечество. Говорит взволнованно и убедительно, и ребята слушают с большим вниманием. И всякий раз просят ветерана рассказать о себе.

Он смотрит в пытливые детские глаза и задумывается, окидывая мысленным взором всю свою жизнь, богатую событиями и свершениями. Какие из них выбрать? Для него важно и значительно всё, но обо всем за короткий школьный час не расскажешь.

Может, начать с детства? Кажется, давно ли оно было, но сколько воды с тех пор утекло и как изменилась жизнь! Нынешняя детвора вряд ли представляет себе босоногого мальчишку из деревни Елкино и большую, дружную семью. Есть ли теперь такие семьи, где все десять человек: отец и мать, шестеро детей и две бабушки – живут под одной очень скромной крышей и не жалуется на тесноту. А кормилец в семье один.

Отец был старателем. Что знают об этой профессии юные слушатели Василия Алексеевича? Зато он, старший из детей, рано приобщился к этому труду. В 14 лет освоил мутилку. Это такая деревянная колода в старательском станке, с помощью воды отделяющая платину от породы. Два года "старался" подросток вместе с отцом. В 16 лет его приняли матросом на драгу. А пока ты матрос, значит, вся грязь – твоя. Засорилось что-нибудь – "Васька, беги!". Корень вместе с землей попал в дражный ковш – "Васька, сбрось!" И Васька тяжелым багром цепляет этот корявый корень, сбрасывает его на палубу, а оттуда – за борт.

Борт, корма, палуба, матрос. С юности привык Василий к этим словам и не знал еще, что где-то его ждет настоящее море и не дражный, а Тихоокеанский флот.

Уже шла война, металла стране требовалось больше – и старателей из Елкино перевели на Маломальский, на драгу № 33. Семь километров пешочком туда, 12 часов на рабочем посту – и семь километров обратно. Василий уже был масленщиком. Как и все, уставал, недоедал и недосыпал. Но, как и все, знал: работает ради фронта, ради Победы.

А в 1942-м старших Поповых призвали в армию: отец ушел в апреле, а Василий – в августе. И осталась мама одна с малыши да старыми. Путь Василия лежал на восток. Почти месяц в товарном вагоне, полуголодные, добирались они до Владивостока. Зеленый свет был лишь для встречных составов, которые спешили на запад с войсками и техникой.

И вот Дальний Восток. Сначала рубили капусту и копали картошку – для флота. Потом комиссия, баня, флотская одежда, учебный отряд на острове Русском. Выучился Василий на радиста, потом освоил радиолокацию и стал радиометристом. Зорко наблюдали они за небом и морем.

– Японцы постоянно угрожали: в наши бухты заходили их подводные лодки, в небе летали их самолеты, – говорит Василий Алексеевич. – А нам было приказано: ни единого выстрела, чтобы не спровоцировать войну на Дальнем Востоке, когда на западных фронтах идут тяжелые бои.

Значительно позднее, но вступить с войну с Японией всё-таки пришлось. Василий Алексеевич служил на «морском охотнике». Не раз его небольшой команде в 18 человек приходилось брать на борт до 250 морских пехотинцев и забрасывать их десантом, освобождая от японцев Корею, Манчжурию, Китай. Японцы жестоко обстреливали «морских охотников». И в боевой обстановке Василий Попов умело держал связь с командиром, с соседними «охотниками», с наблюдателями, со своим штабом, проявляя хладнокровие, внутреннюю собранность, бесстрашие.

– Двадцать один день длилась война с Японией, а погибло в ней около ста тысяч человек, – говорит ветеран, – ведь, кроме Тихоокеанского флота, в той войне участвовали Забайкальский фронт и два Дальневосточных. Порт-Артур мы тоже брали десантом. Там, в Порт-Артуре, я служил до весны 1947 года.

3 мая 1947-го он был уже в родном Елкино. Радовался мирной жизни, женился, с удовольствием работал. За десять послевоенных лет Василий Алексеевич прошел путь от секретаря комсомольской организации Исовского прииска до инструктора Нижнетуринского горкома партии. А 22 мая 1957 года в горком партии пришел управляющий трестом «Качканаррудстрой» М. В. Левитский:

– Мне нужен начальник отдела кадров!

И все указали на Попова.

– Дела передашь потом, а завтра выходи на работу в трест.

Пришел Василий Алексеевич в трест, размещавшийся в одном из нижнетуринских общежитий, а там только один управляющий. Других работников еще не было.

Управляющий сказал:

– Найди коменданта – пусть покажет комнату для отдела кадров. За пять дней нужно принять на работу 150-200 человек и отправить их в Валериановск. Оттуда и будем начинать строительство.

Успешно справился с первым заданием новоиспеченный начальник отдела кадров. Выпросили в ГРЭСе бортовые машины (своего-то еще ничего не было) и по старой бушуевской дороге поехали на Валериановск. На головной машине трепетал на ветру яркий лозунг «Даешь Качканар!».

И город юности был построен. Ему Василий Алексеевич посвятил всю оставшуюся жизнь. Строители знают его и как первого начальника отдела кадров, и как бессменного секретаря партийной организации треста «Качканаррудстрой».

А школа № 3 всегда, со дня своего рождения, имела в лице качканарских строителей добрых, заботливых шефов. С той поры и по сей день Василий Алексеевич относится к этой школе с отеческой теплотой. Как в родной дом, приходит он сюда – и учителя, и ребята всех возрастов рады встрече с ветераном.

В ШЕСТНАДЦАТЬ МАЛЬЧИШЕСКИХ ЛЕТ он начал строить город юности и свою судьбу

С Юрием Анатольевичем Спиридоновым мы встретились однажды в поликлинике. В ожидании приема разговорились. Юрию предстояло отправиться в госпиталь, и теперь он оформлял медицинские документы. Когда он зашел в кабинет, сидевшая рядом со мною старушка сказала: «Ветеран Отечественной войны – а такой молодой!»

Нет, он не воевал, однако приравнен к участникам войны. Но об этом позднее. Он один из ветеранов Качканара. Но об этом тоже потом. А пока обратимся к его детству.

Юра

Золотой прииск, каким в ту пору был Ис, дышал полной грудью. Работали гидравлики, драги добывали драгоценный металл. Люди жили, трудились, думали о будущем. Секретарем поселкового Совета работала Клавдия Григорьевна Спиридонова – ответственная, внимательная к людям женщина. Ее муж, Анатолий Иванович, был военным, в Еланских лагерях обучал молодых бойцов.

Весной 1941 года побывал офицер в краткосрочном отпуске, чтобы помочь жене посадить огород да понынчиться с сыном, которому шел первый годик. Этот живительный запах земли, ароматы пробуждающейся природы, тепло домашнего очага и родного детского тельца увозил он с собой в обратную дорогу, которая, как оказалось, вела прямо в войну. А сынок был еще слишком мал, чтобы запомнить тепло отцовских рук, чтобы сохранить в памяти образ отца, погибшего в 1942-м.

Зато хорошо помнит Юра свою маму и свой дом, а также маленький, похожий на баню домик через дорогу, в котором жила Яковлевна, добрая, известная всей Песчанке женщина. С мамой, которая всю войну крутилась как белка в колесе, да с мудрой, заботливой Яковлевной и прошло раннее детство Юры Спиридонова. Из той поры навсегда запомнил он один весенний день 1947 года. Был апрель. Весело пригревало солнце. На улице и в огороде уже чернели и дышали проталины. И на душе было по-весеннему тепло.

– Знаешь что, сынок? – сказала в тот день смущенная и растерянная Яковлевна. Она обняла его, погладила по голове. – Маму твою... в тюрьму посадили...

Шестилетнему парнишке трудно было понять, что это значит. Да и никто в поселке не знал, за что посадили. Все только удивлялись.

– Взяла Яковлевна лопату, перекопала огородную проталину. Нарыли мы с десяток перезимовавших картофелин, сварили и пошли в милицию, – вспоминает Юрий Анатольевич. – Передачу у нас взяли, но встретиться с мамой не разрешили.

И началась жизнь без мамы, без Яковлевны – в Исовском детском доме, где воспитывались около сотни обездоленных детей и подростков. Детдомовец Юра Спиридонов пошел в первый класс – и потянулись семь долгих, нерадостных лет. Нет, были, конечно, редкие радости, были хорошие друзья, была добрая воспитательница Зинаида Константиновна Золотавина – и все-таки жизнь без мамы не идет, а тянется. Позднее Юра узнал, за что осудили Клавдию Григорьевну. Как секретарь поссовета она оформляла пенсии родственникам погибших на фронте и пропавших без вести. Как и полагалось. А после войны, к всеобщей радости, некоторые из пропавших без вести вернулись домой. «Как же так? Кто посмел? Кто оформлял документы на пенсию?» И маму да еще двоих посадили за решетку.

В 1954 году детдом расформировали. Председатель поссовета Василий Иванович Попков, возглавлявший инвентаризационную комиссию, внимательно читал списки воспитанников: решали, кого и куда определить.

– Спиридонов?.. А Клавдия Григорьевна не твоя ли мама?.. Где она сейчас?..

– В Буйнакске Челябинской области... В шахте, вагонетки толкает... Переписываемся... Осудили на десять лет...

– Вот тебе бумага и перо... Садись.

И под диктовку Василия Ивановича Юра написал письмо в Москву, Маленкову. Вскоре маму отпустили, реабилитировали. И подросток не в первый уж раз убедился, что этот мир, который бывает очень жестоким, все-таки не без добрых людей!

Потом в их жизни был поселок Сахалин, где Клавдия Григорьевна после реабилитации заведовала детским садом. Учился Юра в поселке Ниновском, что в девяти километрах от Сахалина. В школе был прилежным учеником, дома – надежным маминым помощником, хотел поскорее стать взрослым.

А в воздухе уже повеяло Качканаром: все чаще доносились слухи о том, что начнется большая стройка. Вскоре эти слухи обернулись реальностью. Юра тогда жил в Станционном поселке Нижней Туры, в большой семье Лобановых (родственников по маминой линии). Здесь о Качканаре они услышали по радио и узнали, что вновь организованный трест «Качканаррудстрой» набирает рабочих для разгрузки вагонов на перевалочной базе.

И вот Юра с Борисом Лобановым (это младший мамин брат) оседлали велосипеды и поехали в город искать перевалочную базу. Юре – 16 лет, Борису – 19. Нашли. Людей там было уже немало. Их встретила Лидия Ефимовна Коробкова – прошедшая войну энергичная, с командирским голосом женщина, которая, как поняли ребята, представляла тут отдел кадров рождающегося предприятия. В числе самых первых кадров оказались и Юра с Борисом. Было это 5 апреля 1957 года. До 27 мая, который назовут днем рождения Качканара, еще недалеко, а эти люди уже

жили и трудились во имя его.

6 апреля – их первый рабочий день на перевалочной базе. Первый груз для будущей стройки, первое оборудование для будущего комбината. Придет состав утром – к вечеру он должен быть свободен от груза: простой вагонов обходился железнодорожникам очень дорого. А потому грузчики работали весь световой день. Тяжело? Конечно. Уставал? Безусловно. Порой не хватало силенок. Но не жаловался, не хныкал. Он ведь добровольно в свои шестнадцать мальчишеских лет связал свою судьбу с Качканаром, вполне осознанно выбрал эту дорогу. Дорогу, которую, кстати, надо было еще прорубить.

– 25 мая, – вспоминает Юрий Анатольевич, – нас предупредили, чтобы 27 мая мы пришли к отделу кадров с топорами и пилами.

И вот на нескольких бортовых машинах полторы сотни добровольцев из Нижней Туры, Косьи, Иса поехали по весенней грунтовой дороге в Валериановск. Там расселились в школе (одноэтажном деревянном здании), в шалашах, на сеновалах у местных жителей. А днем состоялось собрание. Семен Степанович Мальцев, первый начальник первого строительного управления, рассказал молодежи о конечной цели и ближайших задачах. В первую очередь нужны были трасса под ЛЭП и дорога на Качканар. Трассу под линию электропередач предстояло прорубить бригаде Павла Григорьевича Лобанова (старшего из маминых братьев, фронтовика). И ребята, которые под его руководством работали грузчиками, стали лесорубами.

Я обращаюсь к нынешним шестнадцатилетним. Представьте, ребята: где-то там, на перевалочной базе, разгруженные вами первые стройматериалы и оборудование; за вашей спиной – Валериановск, а впереди – только лес, густой лес. Он не расступится перед вами, как расступился перед горящим сердцем Данко. Вам надо вступить в единоборство с тайгой и с самим собой, чтобы вслед за вами поднялись опоры линии электропередач и пролегла дорога к будущему городу. Найдутся ли у вас силы и решимость, чтобы пройти этот путь?.. Очень хочется верить, что найдутся, как нашлись они у тех, кто пришел сюда на полвека раньше вас. А почему (как вы думаете?) у первостроителей нашлись и силы, и мужество? Да потому, что, кроме топоров и пил, этих примитивных орудий труда, была у них великая цель – построить Качканар и комбинат. В мечтах они уже видели светлый город, в котором вы сейчас живете. И эта мечта, словно горящее сердце Данко, освещала им путь через лес и придавала силы. Звенели топоры, визжали пилы, пищали и кусались назойливые комары – валялись деревья...

Трасса уходила все дальше от Валериановска, и возвращаться после работы в поселок становилось утомительно. А потому лесорубы сооружали шалаши, чтобы, переночевав прямо на рабочем месте, дав короткий отдых натруженным рукам и ногам, утром снова взяться за свой нехитрый инструмент. Шалаши да костры, их верные помощники, защищали и согревали лесорубов на всем пути длиной почти в полтора месяца... И настал знаменательный день: пройдена трасса, лесорубы поселились в палаточном городке – какой это комфорт, какая цивилизация в сравнении с шалашами!.. Для Юры это было забываемо еще и потому, что в тот день, 9 июля 1957 года, ему исполнилось 17 лет.

Юрий

В его багаже уже хорошо освоенные профессии грузчика и лесоруба. Впереди – наука строительная.

С бригадой Туполева строит Юрий самые первые деревянные дома, овладевая плотницким мастерством. Землекоп – так, наверное, можно назвать еще одну профессию, которая тоже оказалась необходимой на стройке. В руках зубило, ломик, кирка, топор – долбили скалы на горе Любви, добывая бутовый камень для фундаментов будущих домов. И поднимались в тайге первые улицы рабочего поселка, который первостроители уже звали городом юности. Палатки уходили в прошлое. В конце 1958 года в одном из домов получили небольшую комнатку и Юрий с мамой Клавдией Григорьевной, которая стала заведующей первым дошкольным учреждением Качканара.

А в трудовой биографии Юрия появилась еще одна достойная строка: первый моторист первого бетонно-растворного узла. И молодой рабочий гордился тем, что через его руки шли бетон и раствор для строящихся домов и для фундаментов корпусов крупного и среднего дробления, фабрики обогащения.

Рос Качканар – рос и мужал один из самых юных его строителей Юрий Спиридонов. Летом 1958-го ему исполнилось 18 лет, а зимой он увидел объявление о курсах автомобилистов. Около ста качканарцев окончили вместе с ним эти курсы при Исовском техникуме. И с весны до осени 1959 года водитель Спиридонов на самосвале возил бетон и раствор на строящиеся промышленные объекты. А в сентябре его проводили в армию.

Служил Юрий на Дальнем Востоке, в городе Уссурийске. На аэродроме. Его «МАЗ-500», переоборудованный в тягач, перетаскивал к взлетной полосе и обратно «МИГи-15». И однажды во время ремонта этот тягач, сорвавшись с высоты, упал прямо на Юрия. Серьезнейшая травма: двойной компрессионный перелом позвоночника. Полуживого Юрия с трудом высвободили из-под тяжести.

Очнулся он в палате 310-го военного госпиталя г.Уссурийска. Все больные – очень тяжелые: лежащие или колясочники. Некоторые находятся в госпитале уже по десять-пятнадцать лет, бледные, худые, как мумии; в лицах ни кровинки, в глазах ни искринки. «Вот и моя такая же участь», – подумал Юрий и снова потерял сознание – то ли от этой страшной мысли, то ли от сильной боли в позвоночнике... Очнулся уже в другой палате.

– Ты, солдат, под счастливой звездой родился, – говорил военврач. – Такой тяжелый перелом, а спинной мозг оказался целым. Будем надеяться...

Лечение было длительным и трудным.

– Долго лежал на вытяжке, рассказывает Юрий. – Кололи морфий. А как только проходит его действие – не знаю, куда себя девать: такая невыносимая боль!.. Потом начал ползать по-собачьи... А потом и на костыли встал...

Да, он вынес даже невыносимую боль, он все перенес. Юрия комиссовали, и в сопровождении двух солдат, с неразлучными костылями

он прибыл в Качканар... Что теперь делать, чем заниматься? Хотелось работать шофером. Но, провозжая из госпиталя, врач категорически запретил Юрию даже думать об этом. В Качканаре ему давали третью группу инвалидности – отказался: так не хочется быть инвалидом в 20 лет! Он упорно борется с немощью и, наконец, расстается с костылями.

А встав на собственные ноги, пошел учиться на автомеханика в филиале Исовского геологоразведочного техникума и устроился в качканарский радиоузел Нижнетуриной конторы связи. Работал монтером, а значит приходилось лазить по крышам и столбам. Конечно, рисковал, но о перенесенной травме никому не говорил. Техникум он окончил успешно и был принят в Качканарский ГОК – механиком кранового хозяйства обогатительной фабрики.

А через год его пригласили в систему профтехобразования.

– Тебе же нельзя на фабрике работать, по состоянию здоровья нельзя, – сказал Н.Л.Спиркин. – Пойдем-ка к нам в училище!

Юрий подумал и согласился.

Юрий Анатольевич

Трудно охватить взором почти три десятка лет, отданных Ю.А.Спиридоновым профессионально-техническому образованию. Скажем об этом кратко, перечислительно.

СПТУ №87 сразу стало для него родным домом: легко влился он в большой педагогический коллектив, быстро нашел контакт с учащимися, словно и был рожден для того, чтобы стать прекрасным преподавателем и мастером производственного обучения.

Юрий Анатольевич готовил автомобилистов, слесарей по ремонту автомобилей, машинистов автокрана, мостового крана, экскаваторщиков. Кроме того, в вечернее время по заявке Качканарского ГОКа обучил не одну группу (около сотни) комбайнеров; был с ними на практике в Верхотурском и других районах области, а также помогал при устройстве на эту сезонную работу. Теоретические и практические занятия в училище проходили очень интересно. Ребята буквально смотрели в рот преподавателю. Им передавалась его увлеченность, глубокое знание предмета, им нравились его умелые, умные руки.

Он учил и сам постоянно учился. Юрий Анатольевич закончил педагогический факультет вечернего института марксизма-ленинизма. Он учился в строительном техникуме и получил диплом техника-строителя. Свое педагогическое мастерство шлифовал в Челябинском институте повышения квалификации руководящих работников и специалистов профтехобразования.

Для ребят Юрий Анатольевич был примером. Он не любил читать нотации, а воспитывал конкретными делами, всем своим образом жизни. Он был с учащимися на уборке картофеля в Верхотурском, Белоярском, Ирбитском районах, на уборке арбузов в Краснодарском крае, работал с ними на птицефабрике (зарабатывали деньги на бензин для обучения езде на автомобиле). Он учил любить труд и свою Родину. Ребята с Юрием Анатольевичем побывали в Волгограде и Ташкенте, в Севастополе и

Симферополе, в Ульяновске и Бресте, в других городах Советского Союза. Много раз ездили в Москву, познакомились с достопримечательностями столицы. В одной из московских поездок побывали в городе Люберцы и в ГПТУ №10, где в свое время учился Юрий Гагарин, посетили Звездный городок, встречались с космонавтами, привезли в Качканар фотографии на память и автограф летчика-космонавта СССР Павла Поповича.

Ю.А.Спиридонов вел большую общественную работу. Более десяти лет был активным членом городской комиссии по делам несовершеннолетних. Ему, бывшему детдомовцу, были близки и понятны большие проблемы маленьких граждан, которым он старался помочь. Как общественный инспектор по трудоустройству молодых кадров Юрий Анатольевич проверял готовность предприятий к приему выпускников профтехучилищ, осуществлял контроль за соблюдением законоположений о трудовом и бытовом устройстве молодежи.

В 1991 году Ю.А.Спиридонов был приглашен в городскую администрацию – заведовать хозяйственной частью. Начавшаяся в стране перестройка потребовала значительной перестройки, внутренней реконструкции и ремонта главного городского здания. За полтора года работы в новой должности Юрий Анатольевич сделал на удивление много и качественно. И не потому, что так требовало время или начальство. А потому, что во все времена, в любом возрасте и на любом посту он отдавал делу всю свою творческую душу – и перестраиваться ему не требовалось. Еще на заре Качканара, в далеком 1958 году, Юра Спиридонов был награжден значком ЦК ВЛКСМ «Молодому передовику производства» – за успешное выполнение заданий шестой пятилетки, за творческое отношение к труду. И ныне ветеран труда Ю.А.Спиридонов – такой же творец и созидатель.

Но с годами все сильнее напоминали о себе последствия армейской травмы. В 1993 году Юрий Анатольевич получил вторую группу инвалидности, позднее был приравнен к участникам Отечественной войны. Уже неоднократно поправлял он здоровье в госпитале и собирается туда в очередной раз.

Однако и на заслуженном отдыхе творческая душа не знает покоя. Всю жизнь не расстается Юрий Анатольевич с художественной самодеятельностью. Начинать в 1959-м в клубе «Строитель», пел в академическом хоре под руководством Ивана Шевякова, вместе со своим баяном участвовал в конкурсах «Играй, гармонь!», в качканарских праздниках. В настоящее время поет в народном хоре «Журавушка».

А еще он общается со своими урожайными грядками – земля питает ветерана живительными соками. Силу и вдохновение дают также дети и внуки – его молодые росточки, продолжение его судьбы. Пусть же счастливыми, наполненными добрым смыслом будут их пути в непростом и противоречивом XXI веке! И пусть останется светлой качканарская дорога Юрия Анатольевича, которую он выбрал в шестнадцать мальчишеских лет.

ДОРОГА К ДОМУ

Вот эта улица – Набережная: длинная шеренга деревянных домов, обращенных окнами на качканарское «море».

Вот этот дом на три окошка. Отсюда сквозь прозрачный весенний лес хорошо видны и «море», и гора Качканар. К дому ведет широкая дорога, которая гладкой асфальтовой лентой весело бежит по Набережной. Но если мы вместе с хозяевами дома Евгением и Анастасией Смирновыми станем раскручивать эту ленту, то увидим, что не всегда она была веселой и гладкой. Дорога к их качканарскому дому началась не в далеких краях, но в далеких 30-х годах прошлого века.

В деревне Малая Именная в те годы был создан колхоз, который одно время возглавлял Александр Еловигов, мудрый крестьянин, преданный советской власти человек. Когда его, отца большого семейства, жена упрекала, что он мало внимания уделяет детям, Александр Андреевич говорил: «Я на общее благо тружусь». Он искренне верил, что коллективный труд приведет к всеобщему благу. Но увидеть его Александру Еловигову не довелось.

«Моего отца арестовали 14 августа 1937 года. Нас осталось шестеро детей. И сразу же на нас навешали ярлык «враги народа». Мама и 14-летний брат, старший из детей, работали в колхозе, получали на трудодень 500 граммов муки. Чтобы прокормиться, пришлось пойти на работу и сестрам, которым было 12 и 10 лет. Работу давали наихудшую; протестовать нельзя было: «Молчите, враги народа!» Близкие и родственники от нас отвернулись: боялись, что из-за нас и их арестуют. Только и слышалось: «Враги народа! С корнем бы вырвать всех!» Дрова из леса на себе таскали: лошадей нам не давали. Жили в унижении, в постоянном страхе. Старшая сестра не вынесла всего этого – покончила жизнь самоубийством.

Была у нас корова, но сенокос нам не выделяли, и мы собирали траву в лесу, где придется. А налоги государству надо было платить – и молоком, и маслом, и мясом.

Мама рано стала нетрудоспособной. Врачи прописали легкий труд – поставили маму сторожем на ферму. Но и там обязали ее и корма заваривать, и варить картошку, и выполнять другую работу – то есть двойная нагрузка. А мы, малолетки, в холодном доме одни, дрожим от холода, голода и страха. Ждали отца. Мама умерла рано, не дождалась его реабилитации. Старший брат прошел всю войну, вернулся израненный, с наградами. Его тоже уже нет в живых.

Нам, девочкам, работу давали не всегда, нигде мы были не нужны. И сверстники-то нас укоряли: «Где отец – и вас туда же надо!» И в школе – так же: даже в комсомол долго не принимали. Но все же мы выжили. Сейчас в живых нас четыре сестры, все пенсионерки».

Это строки из письма Анастасии Александровны Смирновой, которое она приложила к заявлению в прокуратуру Свердловской области с просьбой признать ее и сестер жертвами политических репрессий.

Вот справка из прокуратуры, выданная А.А.Смирновой в том, что в 1937 году ее отец, Еловиков Александр Андреевич, был необоснованно репрессирован по политическим мотивам и расстрелян, в связи с чем Анастасия Александровна в несовершеннолетнем возрасте осталась без попечения родителя и является пострадавшей от политических репрессий.

Еще один документ – из Свердловского областного суда: справка о реабилитации Еловикова Александра Андреевича. Постановление Тройки при УНКВД Свердловской области в отношении А.А.Еловикова отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Вот так. Преступления не было, а человека расстреляли.

– В том году, – говорит Анастасия Александровна, – из нашей деревни забрали пять мужчин, и всех от больших семей.

Забрали, не задумываясь о дальнейшей судьбе детей, о нелегких их дорогах в жизни... Давайте пройдем по одной из этих дорог – вместе с Настей Еловиковой.

Летом главная Настина дорога – на работу в колхоз, зимой – на учебу, сначала в соседнее село Большая Именная, где была начальная школа, а с пятого класса – в Нижнюю Туру. До Большой Именной – два километра, до Нижней Туры – двенадцать. И все ножками, все пешком. Ходила Настя эти километры и годы, еще не подозревая, что именно отсюда и началась ее дорога к дому на берегу качканарского «моря».

Потом эта дорога пролегла через большую стройку: в 40-х годах прошлого века возводилась и вошла в строй Нижнетуринская ГРЭС. Совсем рядом. Но автобусного движения тогда не было – и пять километров по городу до стройки, а после работы обратно ходили пешком. Участвовала в строительстве; потом Настю,мышленную девушку, взяли учеником счетовода. Позднее она окончила курсы бухгалтеров.

На строительстве ГРЭС было много молодежи и комсомольцев – работали ударно, жили активно. И на одном из комсомольских собраний Настя Еловикова познакомилась с Евгением Смирновым, простым работающим парнем. Он тоже был из большой семьи, тоже очень рано лишился отца, тоже учился в школе и работал в колхозе. Тогда город Нижняя Тура снабжал себя сам: были сенокосные угодья, животноводческая ферма, мельница, на месте нынешней «семерки» (Лесного) простирались колхозные поля.

На Нижнетуринскую ГРЭС Евгений в числе самых первых был принят учеником токаря и вскоре стал хорошим специалистом: работал на английских и американских токарных станках, на немецком расточном (после войны было много иностранной техники). Отличный работник,

добрый и скромный человек, и просто красавец – таков был Евгений Смирнов, в котором Настя Еловицова сразу почувствовала родную душу. И вскоре их жизненные дороги слились в одну: в феврале 1951 года Евгений и Анастасия поженились. Жили в Нижней Туре, в семье Смирновых. Работали, ждали первенца.

Родился Саша, наполнив жизнь молодых родителей новым светом, новым смыслом и радостью. С отцовской радостью в сердце ушел Евгений служить на флот. И почти четыре года жена и сын были ярким маяком на его морских путях-дорогах. Вернулся в 1956 году – в семью и на производство. А вскоре уже призывно протрубил Качканар.

Анастасия Александровна Смирнова оказалась в числе первых работников треста «Качканаррудстрой»: с 30 мая 1957 года ее дорога, тоже пешая, протянулась через всю Нижнюю Туру к железнодорожному вокзалу, на перевалочную базу, где А.Смирнова работала бухгалтером. Через эту базу долго шли грузы для Качканара.

В том же направлении, на Качканар, в 1959 году отправились и Смирновы с сыновьями: первоклассником Сашей и двухлетним Толей. Александр до сих пор помнит свои детские впечатления от дороги, которая показалась ему длинной и тряской; от квартиры в деревянном доме с печным отоплением и «удобствами» во дворе. В этой трехкомнатной квартире на втором этаже вместе со Смирновыми жили еще Ульдановы и семья литовцев. Кухня – общая. Помнит Александр свою первую школу в деревянном одноэтажном здании, первую учительницу Елизавету Григорьевну Лобанову, свой первый класс, вместе с которым в одной комнате учились еще второй и третий классы, а всего 12 человек. Помнит, как дружно все жили, как ходили с тазиками в маленькую деревянную баню. Саша учился, папа работал токарем в управлении механизации, мама – бухгалтером в конторе материально-технического снабжения треста «Качканаррудстрой», а Толя под присмотром соседки или один сидел дома и ждал Сашу из школы. У всех были свои дела, свои тропинки в неуютные новостройки, и была у них одна общая дорога, которая довольно скоро выринула на Набережную.

Нет, берега пока не было, поскольку не плескалось еще качканарское «море», кругом было лишь «зеленое море тайги». А улицу уже звали Набережной, так как верили, что «море» здесь обязательно разольется. Улица уже обозначилась: стройно в один ряд стояли свеженькие дома тех, кто получил участки и начал строительство раньше. Смирновым тоже был выделен участок – и вот четко определился маршрут, который станет для них привычным и навеки родным. Каждый день после работы и в воскресенье, единственный в ту пору выходной, спешили они к своему будущему дому. Помогали родные, помогали друзья по работе, соседи-первопостроители. И вот уже есть четыре стены, есть крыша – можно заселяться. И Смирновы заехали в эти родные стены, под эту крышу, новенькую и такую надежную. А потом уже ставили внутренние перегородки, доводили до ума прочие элементы благоустройства. И у нового дома по Набережной появился свой документ – домовая книга, начатая 21 декабря 1960 года.

Дом ожил, в нем поселились тепло и радость. А в августе 1961-го дом

принял под свой кров коренную качканарочку: у Смирновых родилась Танечка. Девочка росла вместе с рабочим поселком, в котором каждый день появлялось что-нибудь новое. Еще недавно окна домов на Набережной видели только лес, густой лес, где было много грибов и ягод, где бегали зайцы (привяжешь петлю к березе – и обязательно попадетса косой), где Евгений Михайлович косил траву для козы и коровы, где в зарослях бежала говорливая Выя – и вот уже не стало леса и обозначилось дно будущего «моря», и вздохнула Выя, будто вырвалась на свободу. Но на пути ее встала плотина. Ее строительство, помнят Смирновы, завершилось большим праздником, на котором присутствовали нижнетуринцы и высокие областные гости... Прошло время – и маленькая Выя подарила Качканару большое «море», а рабочий поселок стал современным городом, самым юным на Урале.

Во имя этого жили и трудились качканарцы, трудились Смирновы. Вся качканарская биография Евгения Михайловича связана с одним коллективом – управлением механизации. Токарь самого высокого разряда, он работал и на фрезерном, строгальном, долбежном станках, мог выточить любую деталь – от самой мелкой гайки до огромных и тяжелых анкерных болтов; делал все, что необходимо было для ремонта строительной техники, для нужд комбината. Руки его были умелыми, мысль пытливей. Недаром Е.М.Смирнов был признан лучшим рационализатором главка. До сих пор хранится у него нагрудный значок «Отличник изобретательства и рационализации».

Анастасия Александровна в 1962 году перешла из треста в ГОК – работала старшим бухгалтером энергоцехов, заведующей конторой энергоцехов, потом в главной бухгалтерии комбината начальником бюро затрат на производство, не раз исполняла обязанности главного бухгалтера. Постоянно повышала она свою квалификацию; успешно закончила двухгодичный финансово-экономический институт, защитив диплом на «отлично».

Жить Смирновы тоже всегда старались на «отлично». Добросовестные, неравнодушные, они никогда не были в стороне от общих дел. Благоустроивали свой маленький дом на Набережной и свой большой дом, каким стал для них Качканар. Вместе с другими участвовали в субботниках, наводя порядок на улице и на площади, при строительстве кинотеатра «Юность», чистили завалы на фабриках. Евгений Михайлович был активным спортсменом, имел первый разряд по лыжам. Анастасия Александровна избиралась депутатом Качканарского поселкового Совета, Евгений Михайлович – депутатом городского Совета трех созывов.

Оба они награждены юбилейными Ленинскими медалями, значками «Ударник коммунистического труда». Кстати, на удостоверении к этому значку – ленинское изречение: «Мы придем к победе коммунистического труда!» Верил в это Ильич. А разве не так? Разве не был коммунистическим труд поколения, к которому принадлежат Смирновы? Труд бескорыстный, вдохновенный.

– Мой отец работал на общее благо, – говорит Анастасия Александровна, – и мы всю жизнь, не жалея сил, трудились ради светлого будущего.

И вот он, светлый город Качканар – результат их самоотверженной работы, отмеченной медалями «Ветеран труда». Кстати, Смирновы, как и все труженики тыла, теперь по праву считаются ветеранами Отечественной войны. Высшая награда Евгения Михайловича – орден «Знак Почета».

Смотрю я теперь на этого ветерана, у которого уж и ноженьки-то плохо ходят (более сорока лет простояли они у токарного станка, а сколько верст по земле исходили!), смотрю я на Евгения Михайловича и думаю о том, что эти люди, отдавшие всю молодость созиданию, достойны в старости если не знаков великого почета, так хотя бы знаков малейшего внимания. А нынешнее время так скупо на подобные знаки!

А время идет, и все дальше бежит дорога, наматывая на спидометр жизни километры и годы. Заканчивалась зима 1951-го, когда Евгений и Анастасия Смирновы отправились в общий путь. И вот позади уже 55 лет и зим. И снова весна. Вместе с ними встречают ее два внука, внучка и правнук Смирновых. Оживает и вновь молодеет зеленый берег качканарского «моря» – Набережная примеряет весенний наряд. И весело бежит вдоль улицы гладкая лента дороги.

2006 год

ОНИ НУЖНЫ БЫЛИ СТРОЙКЕ И СТРАНЕ

«Люда, пока не было от тебя писем, я и не вспоминала о Качканаре. То ли некогда было, то ли не хотелось вспоминать о нелегкой жизни, о неопытной жизни. Хоть и были мы молодыми и должны эти годы быть самыми лучшими, но для меня это не так»...

Это строки из письма, которое пришло Лидии Павловне Бебковой из Белой Церкви, что на Украине, от Зинаиды Комар. Она, Зина Дымчук, приехала на качканарскую землю в одно время с Лидой Бебковой. Тоже жила в палатках, работала и не сетовала на судьбу. Но неуют новостройки оказался сильнее этой красивой чернобровой девушки. И через несколько лет Зина вместе с мужем (танкист Сергей Комар приехал на молодежную стройку из армии и работал механизатором) покинула Качканар.

И вот теперь, растревоженная письмами подруги, Зина возвращается в свою качканарскую юность, которая хранится в уголках ее памяти и на фотокарточках. Их в семье Комар-Дымчук немало.

«Внук Максим нетерпеливо ждал, когда я освобожусь и покажу ему то место, где были наши первые палатки. А Люда еще помнит, по какой дороге она ходила в школу №4, и показывает эту дорогу Вове (он тогда был еще мал, три с половиной годика, и, конечно, не помнит)».

В этом письме Зинаида Комар вспоминает Шуру Ладыгину, Аннушку Спиркину и других первостроителей, сохранивших верность Качканару.

«Передавай привет Картавцевой. Пусть вспомнит, какая у нас на работе стояла глубокая тишина, как усердно мы работали и порою под эту тишину клевали носом. А болтать нельзя было в свободную минуту, а только глядеть в бумаги. Строгая была Людмила Дмитриевна Подкопаева, но человек она неплохой».

Из письма ясно, что хотя качканарские годы Зина не считает самыми лучшими, но воспоминания о них согревают сейчас ее душу. Вместе с Сергеем перебирают они старые снимки и возвращаются в молодость. Вот первый на качканарской земле День строителя. Вот Сергей на экскаваторе, а около него его друзья-механизаторы: помощники машиниста экскаватора валериановские парни Василий Плетнев и Николай Ероховец, бульдозерист Миша (фамилию Сергей не помнит), бульдозерист Саша Попов (они с Мишей жили в индивидуальных домах выше улицы Мира).

«Вышлю фото с первой электростанции, где Сергей был дежурным. В этом деревянном здании стояли два танковых двигателя. Один работал, а другой запасной. Неизвестно, по какой причине это здание загорелось и сгорело дотла, а в нем и все станки. После этого срочно

подвели электроэнергию. Другое фото – поднятие трубы первой котельной в 1957 году. Сергей давал команды, а машинист крана был кто-то другой. А как она была нужна тогда, эта котельная!»

А до этого была временная котельная. Лидия Павловна вспоминает, что привезли паровозный котел с «семерки», поставили на основание из бревен, зашили в деревянный каркас. К общежитиям по Октябрьской и Качканарской улицам проложили по земле трубы, одетые в деревянные короба и утепленные опилом. Составили график дежурств – следить, чтобы где-нибудь трубы не прорвало. Эта временная котельная дала первое тепло в качканарское жилье. В это же время шло строительство постоянной котельной, где мастером была Галя Маркина (она училась в одном техникуме с Лидой Бебковой), а прорабом – В.И.Кусов. Это кирпичное здание и теперь живет, но уже не в окружении густого леса, а в дружном соседстве с другими домами. Подойдите к нынешнему «Горэнерго» – и вы увидите это низенькое здание, которое, как и многие люди, давно сменило свое предназначение.

Еще об одном снимке Зина пишет так: *«Сергей Комар с Савульчиком Николаем (его уже нет в живых) у трактора Т-140 №28. У того самого трактора, которым тянули самый первый тепловоз от станции Качканар в карьер. Тепловоз поставили на большой лист железа и за него тянули. Тракторов было штук двенадцать, а трактор Комара был первым, и Сергей был за бригадира. А руководил перевозкой Шалагинов, тогда у него нога болела, и он был с палочкой... Лида, эти фото нам, конечно, дороги. Ты их или вышлешь, или привезешь, когда, может, надумаешь приехать в гости. Ведь все возможно, если задаться целью».*

На четвертом снимке, присланном Зиной, – первый качканарский «четвертак» и первый его водитель Карпович Петр. Он сфотографировался у колеса, чтобы родные, которым он послал снимок, представляли, какую могучую технику доверил ему Качканар. *«Он друг Сергея. Вместе они жили в общежитии, а потом он жил у нас на квартире по улице Чехова. А кто в кабине – не помним».*

Из письма Зинаиды, длинного и искреннего, видно, что в памяти ее сердца живут люди и события первых качканарских лет. *«А о первом растворо-бетонном узле что говорить? Хоть Селянин в «Качканарском рабочем» в апреле 1972 года (нам кто-то выслал этот номер) и писал, что на первом бетонно-растворном командовала Зина Дымчук, но какой из меня был командир? Тогда прислали зеков (в основном водителей, сделавших аварии). Они в ящик подъемника вручную засыпали составляющие бетона или раствора, поднимали в бетономешалку, добавляли воды, сколько хотели. Всё делалось на глазок, пока не приспособились. Получалось: то много воды, то мало. И пошли валиться фундаменты. Хорошо хоть, что тогда только деревянные одноэтажки строили. Тяжести высоких домов такие фундаменты и вовсе бы не выдержали...».*

Теперь с расстояния в сотни километров и в десятки прожитых лет Зинаида Комар пристально вглядывается в свою качканарскую молодость и оценивает то героическое время.

«Да, Качканару 45! Сколько времени прошло! Сколько воспоминаний!»

Но они, думаю, дороги только нам, участникам тех событий. А потомки, если и прочитают наши воспоминания, не смогут реально оценить ту обстановку, то время, ту жизнь. Мне же самыми хорошими запомнились дни до первых осенних холодов 1957 года. Жизнь в палатках, на свежем воздухе, первые знакомства молодых людей, первый День строителя. Все новое, впечатляющее, все молодые, здоровые, не знающие еще трудностей жизни.

Хорошо запомнились наши первые руководители: С.С.Мальцев, Е.А.Вергелес, А.А.Ерофеев, их забота о нас, молодых. Тогда казалось, что они намного старше нас, а теперь думаю, что не намного. Я всегда удивлялась, как они могли так много знать, так много делать за короткий срок. Казалось, что все делается словно по взмаху волшебной палочки: вчера тут еще ничего не было, а сегодня уже построено! Оказывается, все делалось не вдруг и не по мановению волшебной палочки, а живыми людьми, простыми и мужественными. Сейчас, прожив жизнь, я могу понять, как трудно было нашим руководителям, да еще с такими молодыми, неопытными помощниками, как мы. И надо же было додуматься послать столько молодых специалистов на новую стройку!

Да что я удивляюсь? Ведь мы все были комсомольцами, а это много значило! А если еще послушаешь Федора Селянина, вдохновляющего на большие дела, то веришь, что мы нужны стройке, а Качканар нужен стране.

Навспоминалась я... А Сергей говорит, что ночью проснется и не может уснуть: всё вспоминает имена и фамилии. И потом что-нибудь выдает на-гора из глубин своей памяти...»

Да иначе и быть не может. Качканар никогда не сотрется из памяти тех, кто в те славные годы прикоснулся к ударной молодежной стройке. Так считает Лидия Павловна Бибкова, навсегда сохранившая, как и большинство первостроителей, верность городу юности.

2002 год

ЕГО ДРУЗЬЯ

В коридорах и классах вечерней школы оживленно: негромкие голоса, вопросы и восклицания, дружный смех: есть о чем поговорить после долгих летних каникул.

В 11-ом классе свои заботы: учебный год только начинается, но ведь он особенный, выпускной, и все разговоры – о предстоящих экзаменах. Несколько лет совместной учебы, общие школьные дела, успехи и неудачи, постоянная взаимовыручка сделали этот класс дружным коллективом.

Прозвенел звонок, отворилась дверь, и вошла Нина Петровна Цепелева – преподаватель математики, любимый учитель и классный руководитель. Она внимательно посмотрела на всех, улыбнувшись одними глазами, приветливо поздоровалась, разрешила сесть. Минутная тишина сменилась оживленной беседой, какая бывает после долгой разлуки с родным человеком.

– В нашем классе будет учиться Игорь Бызов, – сказала Нина Петровна. – Но школу посещать он пока не может: недавно привезли его после операции из Свердловска, и теперь он лежит дома. Ему нужна наша помощь.

Это случилось 18 ноября 1965 года. Бригада слесарей-монтажников работала на строительстве второй очереди агломерационной фабрики.

– Скоро три часа, и маленьким пора домой, – кто-то полушутливо напомнил, что рабочий день для несовершеннолетних окончен.

Игорь помнит, что он собирался домой, помнит где-то впереди огонек электросварки и, кажется, помнит чей-то крик.

...Он открыл глаза и увидел маму. Почему у нее такой взгляд? Какой вопрос застыл в нем?.. Рядом на стуле сидит отец, у кровати стоят люди в белых халатах. Все смотрят на Игоря и молча спрашивают о чем-то.

– Мама, – Игорь протянул руку и вдруг почувствовал резкую боль в спине, он стиснул зубы и закрыл глаза. – Я хотел перепрыгнуть, мама... – сказал он, словно извиняясь: чувство вины перед родителями было таким же сильным и острым, как боль в поврежденном позвоночнике. И он лежит, не зная, что сказать, не в силах пошевелиться: левая нога в гипсе, а правая, а правой ноги нет... ниже колена. Беспомощно и растерянно сын смотрит на мать.

– Ничего, Игорь! – теперь в ее глазах и на лицах окружающих он читает не вопрос, а молчаливую поддержку: «Крепись!»

И потянулись дни, и потянулись ночи. Длинные-предлинные. Они шли

бесконечной вереницей, задавая совсем не простые задачи семнадцатилетнему человеку. Сколько раз за это время прожил он снова и снова свою недолгую жизнь!

...Летний солнечный день, ослепительно яркий день раннего детства. Высоко в небе летит самолет, а Игорь несется во весь дух по земле, словно надеясь догнать его; потом, прикрыв глаза ладонью, долго смотрит в чистое небо, где скрылся самолет, унося с собой его мечту. Когда и откуда явилась эта мечта, на каких прилетела крыльях, он не знает, только ничто не волновало так сердце мальчишки, как звук самолета, как его стремительный полет. Научился читать – и у школьника появились удивительные друзья: Валерий Чкалов, Анатолий Серов, Николай Гастелло, Алексей Маресьев. Они говорили: «Мечтай и верь, учишься и добивайся!» И он верил, он стремился: успешно учился в школе, занимался спортом, много читал.

После девятого класса ушел из дневной школы: хотелось скорее стать взрослым и ближе к своей мечте. Послал письмо в училище и скоро получил оттуда заветные «Правила приема». Но, оказалось, и в вечерней школе не десять, а тоже одиннадцать классов. Огорчился ненадолго. Учился в школе и на курсах мотоциклистов, а работал монтажником – на высоте, поближе к небу. Окончил 10 классов, получил права водителя мотоцикла. Начинался последний школьный год...

«Вот и «слетал»... – с горькой иронией думал Игорь. – Сколько в том пролете: шестнадцать или восемнадцать метров?.. Маль-чиш-ка!» – сердце сжималось в комок, мысли исчезали, оставалось одно только чувство, горькое, обидное, страшное...

Но тут открывалась дверь, и в палату обязательно кто-нибудь входил: мама или папа, сестра или братья, товарищи по работе или ребята из класса, медицинская сестра или врач. Они будто слышали тревожное биение его сердца и приходили как раз тогда, когда одному ему становилось просто невмоготу.

Особенно тяжелы бывали ночи. Они несли светлые видения из недавнего прошлого и мрачные раздумья о будущем. «Рожденный ползать... рожденный ползать... ползать... с семнадцати лет... ужасно!»

Да, когда тебе только семнадцать и ты прикован к постели, жизнь кажется конченной, и кажется: не будет утра – ночь, беспросветная ночь... Но утро обязательно приходит.

Однажды утром, в приход которого не верилось, Игорь увидел на тумбочке небольшой пакет: фотокарточка, письмо, книга. На фотографии трое мужчин – стоят, разговаривают о чем-то. Двое незнакомых, а третий очень похож на кого-то... Неужели Маресьев?.. Откуда здесь эта фотокарточка? И письмо. Игорь быстро пробежал глазами листок, а потом стал медленно читать, жадно вникая в каждое слово. С ним, качканарским парнем-монтажником, разговаривал Герой Советского Союза Алексей Маресьев.

«Дорогой Игорь! Я случайно узнал, что тебя постигло несчастье, что ты лежишь сейчас в больнице и очень переживаешь, что твоей мечте не суждено осуществиться. Игорь! Ты уже самостоятельный человек, и я не советую так мрачно смотреть на случившееся. Ведь не обязательно всем быть летчиками, на свете много интересных

профессий и дел, где ты сможешь применить свои силы. Я прекрасно понимаю, что тебе сейчас тяжело об этом думать, но только человеку со слабой волей, бесхарактерному может показаться, что выхода никакого нет. Но ты, Игорь, не такой. Рядом с тобой родные и твои друзья, которые всегда окажут необходимую поддержку. Ты найдешь в себе мужество, преодолешь несчастье, которое тебя постигло, и снова встанешь в строй тружеников. Ведь ты же советский человек, и нам не положено раскисать, в каких бы положениях мы ни оказались. Посылаю тебе книгу Б. Полевого и желаю скорейшего выздоровления».

Игорь читал еще и еще, и каждый раз эти простые слова наполнялись новым, глубоким смыслом. Он читал, а за окном вставало белое, зимнее утро, и на душе становилось светлей. Вспомнились школьные товарищи и классный руководитель Ольга Николаевна Чугунова. Игорь почему-то не сомневался, что это они рассказали Маресьеву о заветной мечте Игоря и о несчастье.

Снова посмотрел на фотокарточку, теперь он знал, что двое незнакомых мужчин – те самые мальчишки, что нашли замерзающего летчика в зимнем лесу. Потом открыл книгу и углубился в чтение. Знакомые с детства строчки воспринимались совсем по-другому: теперь Игорь читал сердцем.

Палата наполнялась молодыми голосами. Это пришли студенты энергетического техникума. С тех пор как Игорь лежит в Свердловске, они постоянно его навещают. Сначала было как-то неловко от этого шефства, а теперь он искренне рад каждой встрече с ребятами и в душе глубоко благодарен Лиде Кондратьевой: ведь это придумала она, комсомольский секретарь «Востокметаллургмонтажа».

Потом пришли и ребята-востоковцы из бригады П.Н.Скрыльникова, в которой работал Игорь, рассказали про Качканар, поздравили с днем рождения и подарили часы – «в честь совершеннолетия». Приехали родители, пришли письма и открытки – в этот апрельский день было много улыбок, дружеского тепла и весеннего солнца.

Кто-то постучал. Игорь встал и открыл дверь – на пороге стояла девушка.

– Мне нужно Игоря Бызова из одиннадцатого класса.

– Это я. Проходите.

– А нам сказали...– начала было девушка и умолкла: зачем говорить человеку, что она надеялась увидеть его лежащим в постели. Но он не заметил смущения девушки, так как сам стеснялся.

Потом они сидели и говорили о школе. Девушку звали Галя Кудрявцева. Она приходила каждый день, и они брались за книги. Ученик был прилежным и старательным, а «учительница» – терпеливой и строгой.

– Все понятно? – спрашивала она. Игорь молча кивал, а проводив девушку, вновь брался за задачу и убеждался, что он многое забыл в математике. Много не понятно, а Гале не сказал: мешало ложное самолюбие, надеялся разобраться сам. Долго сидеть не мог: болела спина. Продолжал заниматься лежа.

– Ничего не понимаю! Все забыл! Ничего не получится! – почти кричал

он, с злостью бросая книгу.

На другой день приходила Галя.

– Не буду заниматься. Ни к чему все это. Ничего из меня не получится! – заявлял он, а девушка смотрела спокойно, и, перехватив ее взгляд, Игорь умолкал: становилось стыдно.

– Успокоился?.. Давай начнем.

И снова задачи, теоремы, упражнения. Так в жизнь Игоря вошел еще один друг. Однажды он рассказал Гале о том, о чем никому еще не говорил: о своем втором рождении. Оно началось с 20 июля, когда Игорь впервые после восьмимесячного лежания встал на протез и костыли. Как это, оказывается, трудно – заново учиться ходить: болят ноги, спина, болит душа, до боли сжимаются зубы. Он говорил и говорил, не боясь показаться смешным или слабым. А Галю поражала та теплота, с какою он всегда говорил о людях. Чем ближе она узнавала Игоря, тем больше убеждалась: главное в этом парне – огромная благодарность и любовь к людям.

И вот Игорь в бригаде электрослесарей. Растерялся. Откроешь шкафы управления сепараторами – и глаза разбегаются: попробуй разберись в этом хитросплетении множества проводов, идущих в разные стороны. Помог Анатолий Михайлович Лобачев. Электрослесарь седьмого разряда, опытный рабочий, отзывчивый и чуткий человек, он оказался прекрасным учителем, не скрывающим от новичка секретов мастерства. С его помощью за короткий срок Игорь стал электрослесарем самой высокой квалификации. А в настоящее время его имя занесено на Доску почета, как победителя в соревновании «Лучший по профессии».

Теперь без этого небольшого рабочего коллектива Игорь не представляет своей жизни. Здесь все знакомо, здесь каждый – родной. Вот бригадир Галина Петровна Маврина – знающий свое дело специалист, принципиальный товарищ и чуткий руководитель. Вот Алла Борисовна Борисевич – пример добросовестности и ответственности. Если работу выполняла Алла Борисовна, то можно не проверять: тут все в порядке. Г.С.Новоселов и И.П.Стариков – ветераны войны и труда, Простые и по-отцовски внимательные, они учат молодежь и добрым словом, и живым делом. Владик Шестериков. Он пришел сюда после армии и сначала тоже испугался многочисленных проводов, а теперь работает по шестому разряду. Недавно пришел в коллектив Николай Семенов – веселый, общительный парень. А больше всего Игорь благодарен энергетiku отделения Ф.А.Янбердину, который тепло встретил его, когда он пришел в этот коллектив, который всегда поддерживает его морально и оказывает практическую помощь в работе.

Когда Игорь говорит о своем коллективе, в глазах его столько света, а в голосе столько теплоты, что становится ясно: здесь – источник его силы, здесь его рабочее счастье.

На обогатительной фабрике Бызова знают как активного члена комсомольского бюро, как начальника штаба «Комсомольского прожектора». Здесь, рядом с друзьями, вырос он как общественник, здесь стал коммунистом. Коммунист И. Бызов – депутат горсовета.

До предела наполнен каждый день его жизни. А вечером Игорь

занимается домашними делами, спешит в детсад за двухлетней дочкой. Потом они с Аленкой читают сказки и ждут с работы маму: сегодня Галя придет не рано.

...Тихо в квартире. Галя укладывает Аленку спать, а Игорь сидит над книгами: он заканчивает пятый курс Свердловского горного института. Волнистая прядь упала на лоб, на лице спокойная улыбка. Тихонько шелестят страницы...

1972 год

ОН ВОССТАНАВЛИВАЛ КЕНИГСБЕРГ И СТРОИЛ КАЧКАНАР

У Сергея Андреевича Ставрова хранятся два первых номера газеты «Качканарский рабочий». Нередко, склонив седую голову над пожелтевшими страницами, он возвращается мыслями в апрель 1968 года, словно в другую эпоху, когда расправлял крылья горно-обогатительный комбинат, когда уверенным и четким был трудовой ритм Качканара, которому еще предстояло стать городом.

Те годы, отлившись в газетные строки, уже стали историей. И думает Сергей Андреевич о том, как быстротечно и как изменчиво время. Сам он историю не пишет. Зато история отлила в его памяти и в сердце стальные строки, способные и жечь, как расплавленный металл, и холодить душу, покрывая ее инеем. Душу свою Сергей Андреевич умеет отогреть, а вот голову иней покрыл навсегда.

Память же не заморозишь, не сожжешь. Она неожиданно и чаще беспорядочно высвечивает различные строчки – и Сергей Андреевич, словно в калейдоскопе, вновь и вновь рассматривает свою историю, свою жизнь.

Вот папа, термист Лысьвенского металлургического завода, мечтающий о пенсии. С доброй улыбкой уходил он вечером в последнюю рабочую сиену. А утром нет его и нет: наверно, пенсию оформляет. Вот и день прошел, а папы все нет. Зато вечером пришли в квартиру Ставровых с обыском. Все перевернули – и, огорченные, злые, удалились. Сергей видел, как один из проверявших написал на какой-то своей бумаге: «Оружия не найдено». И все-таки папу не отпустили. Больше его никто и никогда не видел: ни земляки, ни жена, ни семеро его детей. Шел 1942 год, была война...

Вот школа. Доска почета, где и его, Сережин, портрет. А вот кабинет завуча, куда неожиданно вызвали мальчика. Обычно приветливая и добрая, завуч на сей раз резким официальным тоном сказала: «Иди, устраивайся на работу. Дети врагов народа нам не нужны». И выгнали его из шестого класса... Шел парнишке в ту пору тринадцатый год.

Потом ремесленное училище и номерной дважды орденоносный завод, куда Сергея приняли учеником слесаря-лекальщика в инструментальный цех. Фронтвые бригады, в какую попал вчерашний школьник, выполняли заказы государственного комитета обороны, работали по-ударному, по 12 часов и ежедневно получали по стахановским биркам 50 граммов хлеба да ложку гороховой каши. И все ребята в этих бригадах были комсомольцами. Кроме Сергея, которого

помощник мастера тоже агитировал в комсомол.

До сих пор сердце Сергея Андреевича холодеет от инея и сжимается от страха. Как боялся он, что его, сына «врага народа», не примут в комсомол! Как стоял он, прижавшись к горячей батарее, и ждал позорного суда! Как было ему обидно и больно!.. Но – вот диво-то! – вопросов по биографии не задавали, спрашивали лишь о комсомоле и его орденах. Видно, «стопроцентный охват комсомолом» был важнее. Приняли! И опять вместе с бригадой вкалывал Сергей до изнеможения – ради фронта, ради Победы. Заканчивался 1943-й. А к концу 1944-го, без заказа ГКО, стало полегче – перешли на восьмичасовой рабочий день.

А вот в калейдоскопе памяти ярко мелькнул 1945 год с его победной весной и жарким летом. Тем летом 70 человек из Пермской области по комсомольским путевкам отправились на восстановительные работы в Восточную Пруссию, в Кенигсберг, который позже станет Калининградом.

Ехали не в вагонах, а в огромных водогрейных котлах. До сих пор помнит Сергей Андреевич их особый запах и копоть, в которой за долгую дорогу перепачкались все комсомольцы-добровольцы. Когда подъезжали к станции назначения, то увидели, что горит пассажирский состав, прибывший несколькими минутами раньше. «Видимо, с этим поездом ждали нас, – говорит Сергей Андреевич, – и потому устроили такую жаркую встречу на прусской земле».

Посланцев из Советского Союза на станции ждали крытые брезентом военные машины, куда быстро переселились обитатели мрачных котлов. И поехали в Тильзит. Предстояло восстанавливать этот почти полностью разрушенный город. Не потому ли с 1946 года Тильзит зовется Советском, что первыми его послевоенными жителями и строителями были советские люди? Больше года в сложной и опасной обстановке им приходилось не только строить, но и сражаться, участвуя в ликвидации многочисленных банд. Наши ребята получали ранения, погибали от бандитских пуль в это мирное время. Однажды и Сергей был ранен в грудь и руку осколками разорвавшейся мины. И очень страдал, что вышел из строя в шестнадцать мальчишеских лет.

Болью резануло это воспоминание, рассыпавшись в калейдоскопе темными осколками-стеклышками. Но тут же их сменил узор светлый и радостный.

Год 1946-й. Родная Лысьва, родной инструментальный цех. И работающая в этом цехе удивительная девушка Рая, которая станет для Сергея самым родным человеком на долгие годы, на всю жизнь. В 1949 году они поженились, а в 1950-м Сергей ушел в армию. Четыре года – на границе с Афганистаном.

А после армии семья Ставровых поселились в Нижнем Тагиле, где жил брат Сергея. Повзрослевший, возмужавший, Сергей с головой ушел в работу. Впрочем, «с головой» – не совсем верно, потому что подручному сталевара в мартеновском цехе нужны были крепкие руки и большая физическая сила. С головой он ушел в учебу, которая так драматически прервалась более десяти лет назад. Он снова сел за парту – сначала в школе рабочей молодежи, потом в горно-металлургическом техникуме, откуда вышел с дипломом техника-механика по ремонту горного оборудования.

Присутствовавший на защите дипломов первый секретарь Нижнетагильского горкома партии впервые рассказал о Качканаре, которому очень нужны молодые специалисты. И Сергей поехал посмотреть. Очень понравилось. Какой чистый воздух! Какая природа! Какой размах строительства!.. Был июнь 1961 года. На качканарской земле все только начиналось.

В рядах начинателей оказался и С.А.Ставров, полный желания работать, делать все, что требовал Качканар, ставший большой строительной площадкой. И требовались ему стройматериалы. Принятый в цех крупнопанельного домостроения, Сергей Андреевич вскоре вплотную занялся раствором узлом, который по приказу управляющего трестом «Качканаррудстрой» требовалось в течение месяца расширить, реконструировать. Задача непростая, тем более что вся материальная база находилась в Нижней Туре. Приходилось крутиться сутками, но с заданием справились в срок. И пошел раствор без задержки и на комбинат, и на каменное жилье, которое в то время уже возводилось в рабочем поселке.

Потом в жизни Сергея Андреевича была ТЭЦ, которая в ту пору переживала пусковой период и очень нуждалась в кадрах. Принятый машинистом парового котла, С.Ставров после трехмесячных курсов в Тюмени работал механиком топливоподдачи.

А когда ТЭЦ отделилась от ГОКа и перешла в энергосистему, Сергея Андреевича пригласили механиком участка на аглофабрику. Там тоже горячее предпусковое время. Дневали и ночевали в цехе: в медпункте поставили кровати, питались в столовой. Шла прокрутка оборудования - шума и грохота было столько, что у Сергея Андреевича капитально сел слух, и врачи запретили ему там работать. «И тогда Гикалов забрал меня к себе, в КИП», - вспоминает С.А.Ставров. И работал он в этом новорожденном цехе начальником одной из лабораторий.

А в начале 70-х на базе ремонтно-механического цеха ГОКа был образован завод «Качканаррудремонт», и С.А.Ставрова попросили возглавить отдел кадров нового предприятия. Людей для завода пришлось подбирать по всей Свердловской области. Дело хлопотное, но Ставров понимал, что кадры решают все. Скромный, добрый, ответственный, прошедший хорошую школу жизни, Сергей Андреевич оказался умелым руководителем, и директор завода дал отличную оценку работе отдела кадров.

И вдруг в один прекрасный день в кабинет вошла интеллигентного вида женщина и заявила, что отныне она начальник этого отдела кадров. С трудом и удивлением переваривал Ставров эту информацию. Но потом сообразил, что в школе жизни им пройдены еще не все уроки, что есть в ней предметы, недоступные его пониманию.

Оказывается, он плохо усвоил, что если не подписался на газету «Правда» - значит, ты близорук и политически незрел; если ты в тяжелом состоянии оказался на больничной койке - значит, отлыниваешь от колхоза; а уж если сына секретаря партийной организации не принял на работу сталеваром (совесть не позволила, поскольку у парня были противопоказания, как сказали бы медики) - значит, ты развалил

отдела кадров. А коли не усвоил таких прописных истин – значит, тебе не место в партии. И исключили. Оказывается, «крутые» были уже тогда... Шли славные 70-е, город юности приближался к своему 20-летию.

А Сергея Андреевича подкосил обширный инфаркт; четыре минуты больной находился в состоянии клинической смерти – но выкарабкался! Дали вторую группу инвалидности – свободен!

Да, вторая группа освобождает человека от работы, но не освобождает от тягостных мыслей, от желания жить и быть полноценным. Гонимый этим желанием, Сергей Андреевич занялся чеканкой и гравировкой, которыми увлекался с детства.

С детских лет любил он и музыку. В ремесленном училище играл на струнных инструментах, на заводе его знали еще и как баяниста, умеющего подобрать на слух любую мелодию, а в армии, в сержантской школе, он играл в оркестре, и очень успешно, что подтверждает грамота ЦК комсомола Казахстана. Став инвалидом, Сергей Андреевич вновь обратился к баяну. Он поступил на музыкальный факультет Московского заочного университета искусств имени Крупской и успешно там учился, о чем свидетельствуют скромные «корочки».

Музыка – отдохновение для души, но кнопки баянные не утоляют тоску рабочих рук. И Сергей Андреевич был очень доволен, когда его приняли гравером в быткомбинат и, к тому же, часовых дел мастером. А когда он «выздоровел до третьей группы», сам попросился в ПТП слесарем-инструментальщиком. Шли годы, менялась жизнь, менялись рабочие адреса Ставрова. Но неизменным осталось его отношение к труду, его постоянная потребность и готовность работать.

Пять лет назад в Качканаре родился клуб «Надежда», объединивший и обогревший всех пожилых людей. И стал этот клуб для Сергея Андреевича вторым домом, где тебя всегда ждут, где тебе рады. Дважды в неделю он приходит туда со своим баяном. И с удовольствием отмечает, что клубный хор вырос уже до сорока человек, а в его репертуаре более ста песен. Самодеятельные артисты «Надежды» выступали во Дворце культуры и в «Юности», во многих цехах комбината, в «белом доме». Всегда с нетерпением ждут баяниста и в доме престарелых, куда он вместе с Анной Игнатьевной Сазоновой тоже два раза в неделю приходит, чтобы скрасить быт этих людей, которые с удовольствием слушают музыку, поют песни, пляшут – общаются. И радуется Сергей Андреевич, видя, как светлеют их лица.

В скромной квартире Ставровых немало удивительных вещей, сделанных умными руками хозяина. Они украшают это скромное жилище. А освещает его, согревая родителей, добрая улыбка сына, который глядит с большого портрета. Их единственный сын Сашенька работал в «Уралспецстрое» и трагически погиб на производстве в 1991 году в возрасте 33 лет.

Его портрет, как и каждая вещь в доме, словно страницы биографии С.А.Ставрова – эпические, лирические, драматические. Прикасаясь к ним, вспоминает он прожитые годы. Нередко обращается Сергей Андреевич и к первым номерам «Качканарского рабочего»: приятно вернуться в то время, когда ты был молодым.

НЕСУЩАЯ СПОСОБНОСТЬ ЕГО ДУШИ

Ленинградец

В вагоне было тесно и душно. У мальчишки кружилась голова – может, от духоты или от голода, а может, оттого, что за окном кружились деревья. Мальчишка закрыл глаза и сразу почувствовал, как сильно качает вагон, как громко стучат колеса, выбивая одно слово: «Ленинград, Ле-нин-град!» Этот перестук согревал душу. А поезд шел на восток, туда, где не было войны.

«Ле-нин-град, Ле-нин-град!» – стучат колеса, и мальчишка вспоминает большой и добрый город, его широкие улицы, каналы и мосты, красавицу Неву. Но светлые видения уходят – он видит зарево пожара, черный дым. Это горит зоопарк. Горят Бадаевские склады, и расплавленный сахар течет по улице рекой.

«Ле-нин-град, Ле-нин-град!» – и вновь улыбается мама, о чем-то щебечут сестренки, а отец, высокий, по-военному стройный, стоит навытяжку перед сыном, отдавая честь и пряча улыбку. Хлопочет заботливая бабушка, и из кухни пахнет так аппетитно!.. Но вкусные запахи исчезают – и мальчишка видит большую кастрюлю, в которой они из клея варили холодец.

Бабушка была изобретательна. В эту холодную и голодную зиму, когда в городе не было ни света, ни дров, бабушка старалась всех накормить и согреть. А сама, как свечка, таяла на глазах и вскоре угасла. Несколько дней лежало ее тело в холодной квартире; потом бабушку запеленали и свезли на санках к Смоленскому кладбищу. Там принимали трупы. Трупов было много.

Потом умерла и другая бабушка. Отец, кадровый офицер, дни и ночи защищал город. Однажды он пришел домой, прилег отдохнуть – и не проснулся больше. А вскоре умерла и мама, умер дядя... Шесть человек, самых родных и близких, потерял в эту зиму ленинградский мальчишка Гена Глой. И теперь под стук колес катятся из его закрытых глаз молчаливые слезы.

«Ле-нин-град, Ле-нин-град!» – и вспоминаются недавние дни. Машины, на которых везут детей из блокадного города, идут по льду Ладожского озера. Под колесами вода. Начинается весна. Гена прижимает к себе семилетнюю сестренку. Кроме него, у Риты никого больше нет. Правда, есть еще у них старшая сестра, но она вместе со своей типографией осталась в Ленинграде.

Поезд остановился. И вновь, как на каждой станции, бегут вдоль состава санитары. «Трупы есть?.. Трупы есть?» – спрашивают в каждом вагоне. Трупы, конечно, есть. Их выносят.

– Ах, какая хорошая девочка! – говорит девушка-санитар. Это она о Рите. С длинными волосами, с большими глазами на худом лице, Рита то ли нравится взрослым, то ли вызывает жалость. – Хочешь, буду твоей мамой? Пойдем со мной?..

«Да что они все, сговорились, что ли?.. И эта туда же!» – с досадой думает Гена. Что же у него останется в жизни, если заберут Риту? И вновь, как на предыдущей станции, он плачет горькими слезами. И Риту оставляют с ним. А поезд следует дальше.

Да, видно, не суждено было им остаться вместе. Гена Глой оказался в одном из детских домов Казахстана, а куда попала Рита – неизвестно... Хорошо в детдоме: чисто и сытно. Но не спокойно у мальчишки на душе. То ли горе, какое не высказать, то ли тоска по Ленинграду, то ли надежда найти Риту не дают ему спать. И он убегает из детского дома. Находят, возвращают или определяют в другой детдом, а он убегает снова.

Шли годы. Закончилась война. Мальчишка подрос, но все еще кочевал по стране. В 1946 году он оказался в Донбассе. В шестнадцать лет захотел быть шахтером. Но долго работать в шахте не пришлось: получил тяжелую травму, лечился. А поправился – и уехал по оргнабору в Таганрог.

Вдвоем

Почему именно в Таганрог?.. Да кто его знает. Быть может, сама судьба привела его в этот город, где недавний мальчишка впервые почувствовал себя взрослым, стал рабочим человеком, где он впервые за многие годы начал забывать об одиночестве, потому что встретил ее, свою Валентину.

Так же, как и он, Валя родилась и росла в большом и добром городе. И был этот город Москва. Жила в большой и дружной семье, где было четверо детей. Так же, как и Гена Глой, как все советские дети, ходила в школу. Была озорной и смешливой девчушкой. И совсем не думала, что в ее мирный город когда-нибудь придет война. Не думала, что все изменится как-то сразу, вдруг...

Еще вчера был знакомый московский двор, родимый дом, а сегодня – многолюдный вокзал, сутолока, длинный гудок паровоза, и вот уже поезд увозит ее из Москвы, увозит из детства. Отец остался на строительстве оборонительных сооружений на подступах к столице, а дети с мамой эвакуировались в Горьковскую область. Жили там недолго; при первой возможности вернулись домой.

Валя знала, что эта возможность досталась нелегкой ценой: сколько людей погибло за то, чтобы она, девчонка-москвичка, могла вернуться в город своего детства!

А детство-то кончилось. Заботы и дела теперь были взрослые. Закончила школу ФЗО, работала на небольшой фабрике, где шили одежду для фронта. Отца она потеряла. Нет, он не погиб, он просто ушел из семьи: по-разному война калечит человеческие судьбы. Волнений у Вали было в ту пору немало. Выручали ее веселый нрав и какое-то недетское упорство, стремление быть самостоятельной. Вероятно, это

стремление и увело Валентину далеко от Москвы – сначала в Астрахань, потом в Таганрог.

Была весна 1950 года. Расцветала природа, оживала земля, уставшая от войны, преображенная трудом людей. И в душе Валентины тоже пела весна. Ей, девушке задорной, боевой, повстречался простой рабочий парень, скромный и молчаливый.

– Увидела Геннадия – и пожалела его, – улыбаясь, вспомнила Валентина Ивановна. – С тех пор и живем вместе, скоро уж тридцать лет. Тридцать лет... Вот до чего жалость довела!...

Из песни, говорят, слова не выкинешь – за эти годы всякое случилось, но до сих пор живет в их сердцах та таганрогская весна.

Дети военного времени, они были непритязательны, умели довольствоваться малым, зато много, самозабвенно работали – сначала на арматурном заводе в Таганроге, потом в колхозе на кубанской земле. Вдвоем они добились того, чего не смог сделать в одиночку детдомовский мальчишка: они нашли Риту.

Было это в 1953 году. Геннадий и Валентина встречали ее на станции Усть-Лаба. Очень волновались: узнает ли брат сестру через двенадцать лет? Семилетняя девочка с косичками, с большими глазами на худом лице... Нет, ни за что не узнал бы он ее в девятнадцатилетней красавице, которая подошла к ним сама, когда перрон опустел. Рита тоже не узнала брата, подсказало сердце, родная кровь... Как они были счастливы!...

Рита и поныне живет на Кубани. А Геннадий Германович и Валентина Ивановна теперь уже навсегда качканарцы.

В Качканаре

Он появился здесь в то время, когда полным ходом шло строительство горно-обогатительного комбината, когда многотиражная газета «На стройке Качканара» писала: «Корпус крупного дробления является сейчас тем главным звеном в цепи строительства, которое решает судьбу своевременного пуска в строй всего комбината». Здесь, на корпусе крупного дробления, работал и он со своей бригадой. На стройке Г. Г. Глой не новичок: за плечами были Кушва и Тагил. Но то, что увидел он в Качканаре, буквально поразило его: и масштабы строительства, и трудовой энтузиазм. Поразило, но ненадолго. «Да, строить новые города нужно только так!» – думал он и не удивился, что именно в это время в нашей стране появились первые бригады коммунистического труда.

Жить и работать по-коммунистически стало законом и для бригады Глоя. Строили свои взаимоотношения, возводили корпуса комбината, и всюду об этом рабочем коллективе шла добрая слава. А в 1964 году за успехи, достигнутые при строительстве и освоении первой очереди Качканарского ГОКа, бригадир СУ-7 Г. Г. Глой был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Прошли годы. Многие члены бригады работают теперь на других предприятиях страны и Качканара. А Геннадий Германович верен профессии строителя. Изменился, обновился состав бригады, но в коллективе по-прежнему живы старые и добрые традиции. Активный

рационализатор, Г. Г. Глой был награжден в 1963 году Бронзовой медалью ВДНХ. И сегодня так же пылливо работает творческая мысль бригадира. Только в 1970 году он подал три рационализаторских предложения, направленных на изменение, улучшение организации бетонных работ на пульпонасосной второго подъема.

Здесь, на пульпонасосной, уже второй год работает комплексная бригада, которую Геннадий Германович возглавляет сравнительно недавно. Многолетний опыт арматурщика и монтажника служит бригадиру добрую службу. Небольшой коллектив в два десятка человек делает буквально все: изготавливает арматуру, монтирует каркасы, ставит опалубку, бетонирует конструкции, ведет монтаж сборного железобетона и металлических конструкций, ведет и разработку грунта, если того требуют условия работ.

А условия работ на стройке (это Глой знает хорошо) не всегда идеальные. Зачастую не бывает нужной арматуры, профилированного металла. И приходится самим из товарной арматуры делать на месте сложные заготовки, которые по правилам-то должны изготавливаться в заводских условиях. Сами ведут резку, сварку, делают все, что необходимо; ведь важно, чтобы конструкция не потеряла своей несущей способности. Выручает смекалка и огромный практический опыт бригадира, которому нередко приходится решать инженерные и снабженческие вопросы.

Да, Геннадий Германович – мастер своего дела. «Мастер – золотые руки». Это почетное звание было присвоено ему в 1972 году. Руки у Глоя поистине золотые – ловкие, умелые, умные. Словом, такие руки, какие и должны быть у настоящего рабочего.

А рабочий – самый главный человек на земле. Это Геннадий Германович понял давно, еще в годы своей юности. Он видел тогда, как простые рабочие люди поднимали из руин города и села, работали дни и ночи, не требуя ничего в награду себе; работали без громких слов, с каким-то молчаливым упорством, надеясь на руки свои трудовые, веря в свой завтрашний день. Именно тогда утвердился Геннадий Германович в мысли: если работать, то так – или уж совсем не работать. С этой мыслью живет он и сейчас.

– Главное для него – работа, – говорят о Глое в СУ-7. Он не признает лозунгов, не любит красивых фраз – признает конкретные дела, любит людей труда. Правда, – сокрушаются в СУ-7, – идеологической работе в бригаде Геннадий Германович не придает большого значения. Не признает бригадный подряд...

Хорошо или плохо? Видно, уж такой он человек. Признавая конкретные дела, он и воспитывать предпочитает не словом, а делом, личным примером. И бригадный подряд у него не в почете потому, наверное, что все еще остается он фразой, формой и у них, в СУ-7, и в тресте «Качканаррудстрой». Геннадий Германович знает: если слова не подкрепляются делом, то любую идею загубить можно, даже самую хорошую. Это – как и конструкция: при нарушении технологии строительства она может потерять свою несущую способность.

«Несущая способность должна быть и в каждом человеке. И формировать ее надо как можно раньше», – думает Г. Г. Глой, глядя на

молодых строителей, глядя на своих детей.

Дети

Их в семье Глоев двое: Таня и Толя. Любят Качканар, вместе с которым выросли. Любят труд. Закончили учебу в школе и пошли работать. Трудовая биография Татьяны началась на заводе по ремонту горного оборудования, в коллективе сталелитейного цеха. А Анатолий несущую способность своего характера вырабатывает на стройке. Рядом с отцом это получается неплохо.

Поначалу, правда, не все ладилось. Присматривался отец к сыну, помогал и однажды, придя домой, сказал жене:

– Ничего, наверное, из него не получится...

– Да чего же ты хочешь от пятнадцатилетнего? Ведь он еще ребенок. А ты, наверное, очень строг.

Да, строг и требователен был отец-наставник. И терпелив, как настоящий учитель. Учил и словом, и делом. А ученик оказался прилежным, упорным и плюс ко всему – способным. И дело сдвинулось с мертвой точки. Пришли первые удачи, потом – победы.

Нелегко, конечно, приходилось вчерашнему восьмикласснику. Но трудностей не испугался. Приобрел специальность арматурщика, сдал на третий разряд. Сейчас овладевает смежными профессиями в трудовом коллективе, рядом с отцом... А кроме того, Анатолий Глой учится в техникуме. Днем – работа, вечером – за парту. И так уже четвертый год. Встает рано, ложится поздно. И жаль парня, и в то же время отец доволен: растет настоящий мужчина. Может быть, и рано загадывать: впереди у сына армия, годы мужания, многое может измениться – но неизменной останется, верит отец, верность профессии строителя. Любовь к ней Анатолий уже сейчас доказывает своими делами. Недавно в Качканаре прошла городская отчетно-выборная комсомольская конференция. Среди ее делегатов был комсомолец-строитель, победитель социалистического соревнования Анатолий Глой.

На одном из почетных удостоверений Г. Г. Глоя написаны слова, прозвучавшие на XV съезде профсоюзов: «Передовой рабочий сегодня – это человек, обладающий глубокими знаниями, широким культурным кругозором, сознательным и творческим отношением к труду, он чувствует себя хозяином производства, человеком, ответственным за все, что происходит в нашем обществе».

«О ком эти слова?» – думает Г. Г. Глой. Конечно, о нем, о Геннадии Германовиче. Но больше все-таки об Анатолии. Таким Анатолии, каким его хочется видеть отцу в ближайшем будущем.

1980 год

СВЕТЛАЯ РЕКА ЕГО ЖИЗНИ

Василия Васильевича Туруева я застала за чтением. Сейчас, когда нет недостатка в свободном времени, он читает много. Книги в основном исторические. О русских императорах и полководцах, о государственных и политических деятелях, вершивших судьбы России в веках минувших и веке нынешнем, о русском народе-труженике, народе-воине... Читает внимательно, вдумчиво; иногда сомневается, часто соглашается с авторами, а порою готов с ними поспорить. Он ведь уже не школьник. За плечами – восемь десятилетий, а это без малого век, это целая эпоха, которая до сих пор пульсирует в каждой его жилке. В союзе с книгами Василий Васильевич пытается лучше понять жизнь, осмыслить свою эпоху. У него вообще, как считает дочь Ирина, философский склад ума.

– Папа – умный и добрейший человек, – говорит она. – По натуре он крестьянин. Душевная щедрость, работоспособность, любовь к земле, к человеку труда, чуткость и мудрость – все это оттуда, от земли, от его крестьянских корней.

Крестьянские корни

Есть в Калужской области село Понизовье. И протекает там река Болва (приток Десны) – такая прозрачная и светлая, что на глубине пяти метров отчетливо просматривается дно. Места в тех краях очень красивые. Не зря когда-то облюбовали их бояре Нарышкины, чье имение, с его изысканной архитектурой, не один век украшало Понизовье. И величественная церковь, построенная на пожертвования прихожан. Да еще устремившийся ввысь обелиск – на том месте, где по дороге с юга останавливалась императрица Екатерина и, по слухам, купалась в светлой калужской реке.

Ушли в историю века и унесли с собой былое величие бояр и дворян. Но многое хранит народная память. И Василий Васильевич хорошо помнит Понизовье, где родился он 1 мая 1926 года. С этим селом да с хутором Супонино (по фамилии столыпинского землеустроителя) связаны детство и юность Василия Туруева.

Да, он – человек от земли. Его крестьянские корни – прочные и глубокие. Не будем говорить обо всем генеалогическом древе. Скажем лишь, что у крестьянина Василия Исаевича Туруева (отца нашего героя) было три брата и три сестры. Да и сам он, женившись, растил четверых. Семьи были дружные, работающие.

В Супонино жили пятнадцать семей. Хозяйство Туруевых было середняцкое: две коровы, три лошади, овцы, куры. Как и другие хуторяне, сеяли лен и рожь, выращивали овощи. Жили в ладу с собой и с природой, которая снабжала их грибами и ягодами, рыбой и орехами. Заросли орешника в тех краях очень богатые.

– Рвать незрелые орехи нам, пацанам, не разрешали. Сорвешь – получишь крапивой и никому не пожалуешься. Зато когда фундук созреет – ешь, сколько душа пожелает.

Взрослые хуторяне были едины в своих требованиях. Помогали друг другу, выручали во всем. Траву косили вместе и сено делили на всех, не забывая и тех, кто не смог участвовать в сенокосе.

– А случился пожар у соседа, так за месяц всем миром ему новый дом построили, – вспоминает Василий Васильевич. – Дружные были, сплоченные... Когда начался колхоз, приобрели конную молотилку, веялку, льномолотилку...

С любовью говорит Василий Васильевич о хуторянах, тепло вспоминает долгие зимние вечера при лучине да керосиновой лампе. А я думаю о том, каких светлых людей родила эпоха лучины и керосиновых ламп, какими здоровыми и животворными были крестьянские корни моего собеседника.

Зимой, когда земля отдыхала, многие уезжали на заработки в город или на лесозаготовки. Норма жизни – это постоянный труд. Такой урок вынес хуторской мальчишка из своего детства.

А в школу он ходил в село Понизовье, что в полутора километрах от Супонино. Потом хутор ликвидировали.

– До сих пор помню, как плакала мама, – говорит Василий Васильевич. – Ложилась на землю, будто хотела обнять ее, и горько плакала: «Ведь это наше поле! Ведь тут мы корчевали лес, пахали, сеяли!..» Теперь-то я осознаю всю глубину ее горя. А тогда не понимал, но тоже начинал плакать.

Жаль было расставаться с хутором, да ничего не поделаешь – переехали в Понизовье. Здесь в 1941 году Василий Туруев окончил неполную среднюю школу.

– Семь классов – и прощай, учеба: началась война!..

Военная юность

Война быстро катилась на восток. Вот она уже совсем рядом – в Ельне Смоленской области, в 60 километрах от Понизовья. Что делать?..

Весь колхозный скот, чтобы он не достался врагу, спешно отправили в Саратовскую область. Правда, председателя колхоза Василия Исаевича Туруева объявили паникером и едва не посадили за решетку. А через два дня в селе уже хозяйничали немцы, устанавливая «новый порядок».

Василий тоже узнает этот «порядок», а пока ему, 15-летнему подростку, предстоял длинный и нелегкий путь. Вместе с отцом, другими сельскими активистами он прошел пешком 200 километров – до Вязьмы. Стойко переносил все лишения и опасности (фронт дышал где-то совсем близко). Мальчик знал, что рядом отец, что они уходят от немцев, чтобы

влиться в какую-либо организованную борьбу с врагом. А враг-то был уже в Вязьме. Под этим городом шли жестокие бои и, как потом сообщали, четыре наших армии немец взял в плен.

Тут пришлось расстаться. Василия-младшего, в кровь стершего ноги, оставили у какой-то крестьянки, Василий-старший с мужчинами пошли дальше. А младшему, выросшему среди добрых людей, на мирной земле и светлой речке, привелось увидеть такое, что никак не укладывалось в его голове и сердце. Людское столпотворение, беженцы, пленные, плач, крики и окрики, выстрелы и автоматные очереди... Немцы строили пленных в колонны, чтобы угнать их в концлагеря или в Германию. А таким тщедушным, как Вася, скомандовали: «Марш отсюда!»

И Вася начал марш длиною в те же 200 километров – обратно, домой! Что за путь это был в условиях военного времени, сколько дней и ночей тянулись нескончаемые версты, сколько страху пришлось натерпеться, то ни в сказке сказать, ни пером описать... Описывать не будем. Скажем только, что в путь отправлялся он мальчиком, а домой пришел взрослым, совсем, как в сказке. Но то была не добрая сказка и не страшный сон, а кошмарная явь, жестокая реальность, заставляющая детей рано взрослеть.

Василий и впрямь оказался в семье главным мужчиной: отца не было, а старший брат Александр – в армии. Дома мама, младшие братья Евгений и Иван да сестра Анна. Месяца через два отец, а с ним председатель сельского Совета, еще несколько мужчин тоже вернулись, чтобы создать в родных краях партизанский отряд. Но сначала весь колхозный хлеб раздали односельчанам, чтобы он не достался немцам.

А немцы злобствовали. Русская зима застала их врасплох. Фашисты раздевали и разували, расстреливали мирных жителей. Расстреляли и председателя колхоза Василия Туруева. Унижения и голод, жестокие расправы – все вынесли наши люди.

– Но никто не перешел к фашистам, ни один не стал полицаем, – с гордостью за своих земляков говорит Василий Васильевич.

Фашисты хозяйничали на чужой земле. Но по-прежнему несла свои светлые воды речка Болва, и нельзя было остановить ее, повернуть вспять, как невозможно было убить светлые мысли наших людей, сломить их веру в то, что оккупация не вечна. И настало время, когда захватчики покатались на запад.

В 1943 году, когда ребят 1926 года рождения на военную службу еще не призывали, Василий Туруев пошел в армию добровольцем. Начинать с полковой школы в Кирове (есть такой город в Калужской области). Школа готовила средний командный состав для артиллерии. Через полгода учеба закончилась, и Василия да еще пятерых выпускников оставили в учебном дивизионе – готовить командиров артиллерийских орудий. А потом артиллерист В.Туруев храбро сражался с врагами, был ранен, освобождал Белоруссию, с боями прошел до Кенигсберга.

– Мне Лукашенко прислал медаль за освобождение Белоруссии, – сказал Василий Васильевич.

Когда мы заговорили о его боевых наградах, ветеран принес свой парадный пиджак. Орден Отечественной войны, медали «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», медаль Жукова, юбилейная медаль

«60 лет освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков», много других юбилейных медалей. Гордится В.В.Туруев и трудовыми наградами, среди которых медали «Ветеран труда», «За трудовое отличие».

Начав военную службу 17-летним добровольцем, Василий Васильевич отдал армии семь лет и вернулся в родные края лишь в 1950 году.

Небо над Россией давно уже было мирным, а фронтовику все еще слышалось эхо прошедшей войны. Искореженная воронками земля, пылающие поля, разрушенные города и села, раненые, убитые и плененные соотечественники да страшная боль в душе – с таким тяжелым грузом солдат пришел домой. Но в его багаже было также страстное желание жить. Все так же несла свои чистые воды река его детства, рождая в нем светлые мысли и чувства; а земля, питающая его крестьянские корни, давала новые силы. И вчерашний фронтовик с головой окунулся в созидательный труд, чтобы вместе со всеми возрождать и обновлять родную землю: восстанавливать разрушенное, строить новые города, подобные нашему Качканару.

Мирный труд

А дорога в Качканар пролегла через Красноуральск, куда Василий Туруев приехал в 1955 году к своим родственникам.

И на многие годы связал свою судьбу с трестом «Востокметаллургмонтаж». Начинать на красноуральском монтажном участке слесарем четвертого разряда. Но разряды, как и его мастерство, быстро росли, так как этот человек постоянно учился у опытных производственников, овладевал смежными профессиями. А вечерами ходил в школу рабочей молодежи. А еще он учился в Челябинском монтажном техникуме, закончил годичную школу мастеров по монтажу промышленных предприятий. Из крестьянского парнишки получился хороший производственник и руководитель.

Он радовался, что жизнь прочно вошла в мирную колею. И шел по жизни уже не один: рядом была его Машенька. Они познакомились на танцах в вечерней школе. Родом Мария Курмеша из-под Чернобыля. Она хорошо помнит голодный 1933 год, хотя была еще совсем ребенком; помнит и нелегкую жизнь в Луге Ленинградской области, куда семья переехала перед войной в поисках лучшей доли; помнит блокаду Ленинграда и знаменитую, опасную «дорогу жизни» по льду Ладожского озера; и переполненные, идущие на восток поезда, сопровождаемые частыми воздушными тревогами и бомбежками; помнит потерю родных и жизнь в эвакуации. Вот с таким, тоже нелегким багажом шла Мария по своей жизненной дороге, которой суждено было привести ее на Урал, а потом на вечер в школу рабочей молодежи. И встретились две судьбы – и стали одной. Уже полвека вместе. В июле – их золотой юбилей. И почти весь этот путь Туруевы прошли с Качканаром.

На качканарский участок треста «Востокметаллургмонтаж» Василий Васильевич был переведен в 1960 году, когда полным ходом шло

строительство промышленной базы. С качканарскими «востоковцами» он, опытный руководитель, запускал бетономешалку на заводе ЖБИ, строил холодильник, хлебозавод, кислородную станцию, склад ГСМ для треста «Качканаррудстрой». Успешно использовали электросварку, что позволило в 10-15 раз увеличить производительность труда. За опытом к ним приезжали из Челябинской области. Качканарские «востоковцы» впервые в Советском Союзе применили конвейерный метод монтажа оборудования. На счету у прорабского участка В.Туруева пролет мокрой магнитной сепарации на обогащении, пульпонасосная с пульповодами, насосы осветленной воды, насосы второго подъема, все технологические трубопроводы и другие важные объекты... «Востоковцы» жили одной семьей, где каждому небезразлично, как учатся твои дети, что тебя огорчает и радует.

«Востокметаллургомонтаж» – непростая, очень интересная и светлая страница в биографии В.В.Туруева. Но давайте перевернем ее – и увидим далее еще много страниц, посвященных Качканарскому ГОКу, которому наш герой отдал три десятка лет. И все они связаны, главным образом, с мазутным хозяйством комбината. Давайте на этих страницах познакомимся хотя бы с одним эпизодом.

Случилась авария. Сильный ливень затопил топливоподачу ТЭЦ и мазутонасосную – сплошное озеро. Остановились аглофабрика, ТЭЦ, рудоремонтный завод. Что делать?.. Собрались специалисты и директор комбината Толочко.

– Сколько потребуется дней, чтобы ликвидировать аварию? спрашивает Толочко.

– Суток пятнадцать...

– Десять...

– Может быть, пять...

Директор положил руку на плечо Туруева, заглянул в глаза и так тихонько спросил:

– Сколько?

– К утру, – сказал Василий Васильевич.

Он вызвал своих людей (восемь человек), потребовалось четыре пожарных машины, поставили дополнительные насосы на понтонах; сняли электродвигатель, просушили, включили в работу, а насосы продолжали откачивать воду.

Утром пришел Толочко. Походил молча, посмотрел. Потом, глядя на перепачканного Туруева, спросил:

– А чем ты теперь отмываться будешь?

О главном не спрашивал, не надеясь, видимо, услышать положительный ответ.

– А вы посмотрите наверх. Дым-то из трубы идет...

– Так, наверно, дровами топишь?

– Да нет, мазутом.

Вот такой случай... Если мы перелистаем другие страницы трудовой биографии В.Туруева, то узнаем, как преданно служил он Качканарскому ГОКу, как четко работала его творческая мысль и в привычные будни, и в такой ответственный период, как переход комбината с мазута на голубое топливо – газ. Не один десяток рационализаторских предложений внес

Василий Васильевич, осваивая и улучшая технологию производства.

Благодарности, грамоты, премии, Доска почета – за рацпредложения, за высокие производственные показатели, безупречный труд, выполнение спецзаданий, за большую помощь в строительстве Западного карьера... Поощрения в День строителя и в День металлурга.

Это мы с вами уже листаем трудовую книжку В.В. Туруева. Посмотрите, какие в те годы были премии: 3 руб., 5 руб., 7 руб. 50 коп., 10, 20, 47, 50, 100, даже 200 рублей. Удивительные премии! Теперь бы сказали: смешные! Еще более удивительно и уж совсем не смешно, что вся жизнь человека, работавшего до 70 лет, уместилась вот в этой маленькой серенькой книжечке с гербом СССР на обложке. Конечно, каждая запись в ней говорит ее хозяину значительно больше, чем нам с вами.

Правда, теперь он дружит с другими книгами. Открывает неизвестные страницы истории, узнает «рассекреченные жизни», переосмысливает историю страны. Нередко огорчается. Но все-таки и в книгах, и в нынешней жизни старается найти повод для радости.

– В нем русская харизма, – говорит о Василии Васильевиче его дочь Ирина. – Папа – очень светлый человек, он любит русскую литературу, до сих пор помнит много стихов Пушкина и Тютчева. Он всегда учил нас, что огнем и мечом ничего не добьешься – надо уметь убеждать, надо думать о людях хорошее. В чем-то романтик и философ, он в то же время человек конкретного дела.

1 мая Василию Васильевичу исполняется 80 лет. Заглядывая вперед, он размышляет о будущем. И хочется ему верить, что жизнь его детей и внуков будет лучше, что все жестокое и грязное смоем чистый поток истории. А я думаю о том, что крестьянский мальчик с берегов светлой речки через всю жизнь пронес свою светлую душу и достойно встретил мудрую старость.

2006 год

ОНА ПОДАРИЛА ДОЧЕРИ ГОРОД

В скромной, опрятной квартире живут две женщины, тоже скромные, опрятные, приветливые: Тамара Николаевна Бакина и ее дочь Катя.

Степенная мудрость одной и юное изящество другой – вот, пожалуй, единственное их отличие. В остальном же мать и дочь очень похожи. Одинаковые лица, оттененные лишь возрастными тонкостями. Ясные глаза, добрая улыбка, умелые руки, легкий и в то же время уверенный шаг. А главное – искренние, доверительные отношения, какие могут быть лишь между родными по духу людьми, умеющими понимать друг друга с полуслова, с полупамятка. И работают они на одном предприятии, в ООО «Эмальпровод».

Несмотря на разницу в возрасте почти в четыре десятка лет, Тамара Николаевна и Катерина с одинаковой добротой, пониманием и даже благодарностью относятся к жизни.

– А чего жаловаться-то? Все у нас есть: хорошие друзья, квартира, работа, сад-огород. По-моему, если человек не бездельник и цель в жизни имеет, он многого достичь может, – говорит Тамара Николаевна.

В конце февраля ей исполняется 60 лет, и она вправе подвести некоторые итоги.

– Думаю, прожила я не зря: вырастила трех дочерей и много построила, даже вот этот дом, в котором сейчас живем.

О ее дочерях. Катерина – с мамой; старшая, Галина, в Братске, у ней два сына; Светлана работает в Качканаре. И все они очень дружны. Тамара Николаевна с Катей, Светлана с мужем и дочкой вместе работают в саду, вместе пользуются плодами своего труда на земле-матушке.

– Запасов на всю зиму хватает, – рассказывает Тамара Николаевна. – И все необходимое у нас есть. Я никогда ничего не прошу, не плачусь в «белом доме» – на себя надеюсь. И довольна. Может, потому, что знавала времена и потрудней нынешних. Роскоши мы никогда не видели, да и не стремились к этому. Но из нищеты старались выбиться и жить достойно.

Единственным богатством в семье Крохиных, рабочих Исовских приисков, были семеро детей, а главной роскошью – человеческое общение, тепло семейного очага, радость общего труда. Именно здесь, в большой и дружной семье, начало всех начал, здесь истоки неиссякаемой доброты, сострадания и терпения, трудолюбия и щедрости, которые питают Тамару Николаевну всю ее жизнь.

Жили Крохины в поселке Георгиевском. Отсюда отец ушел на фронт и не вернулся. Не станем рассуждать о том, как его вдова и дети горе мыкали, скажем только, что выручала их «привычка к труду благородная».

Вот и Тамара, одна из младших в семье, которую в школе дразнили Крошкой, в 16 лет начала свою трудовую биографию.

В 1956 году в школе на Глубокой она окончила 8 классов. В то время наша страна еще не слышала о Качканаре, но в близлежащих поселках поговаривали, что уже прокладывается железнодорожная ветка к будущей всесоюзной стройке. И Тамара с двумя подругами постарше в сентябре 1956-го отправились на станцию Азиатскую, где поначалу располагалось управление мостопоезда. Позднее управление перебазировалось на Чекмень, откуда и потянулись первые железнодорожные километры в сторону Качканара. Строителей на Чекмене собралось немало: механизированная колонна, строительно – монтажный поезд (СМП-18), мостопоезд. И Тамара, эта несовершеннолетняя Кроха, одна из самых юных в мостопоезде, стала бетонщицей. Вместе с девочками постарше упорно осваивала она эту неженскую профессию.

Не каждый нынешний пассажир, проезжая через станцию Чекмень, обратит внимание на три сиротливых полуразрушенных одноэтажных дома, тоскливо смотрящих вслед убегающей электричке. А в ту пору здесь кипела жизнь: в одном доме была столовая, в другом – клуб, а третий стал общежитием СМП. В жилье превратились и стоящие в тупике вагончики. Девчонки из мостопоезда тоже поселились в этих домиках на колесах. «Две зимы и две весны» стойко переносили они трудности и неудобства полукочевой жизни, оправдывая работой свое звание ударной стройки. Были тут и высокий энтузиазм, и простое желание заработать, найти свое место «в буднях великих строек».

– Придем, бывало, с работы, а вода в ведре замерзла, надо топить печку-буржуйку, – вспоминает Тамара Николаевна. – Как могли, устраивали свой быт. Вечерами спешили в клуб – в кино или на танцы. В выходные после получки в Кушву ездили – купить что-нибудь из промтоваров. Думаю сейчас о том времени и даже удивляюсь: при такой людской скученности не было у нас почему-то ни участкового милиционера, ни другого блюстителя порядка. Правда, и воровства, хулиганства, насилия тоже не было. Жили мы спокойно, без опасения и страха. На работе, конечно, уставали, но не жаловались, не роптали, принимали все как должное и не считали себя ни несчастными, ни героями... Рассказываю своей Катерине о тех годах – порой задумаюсь: а смогли бы нынешние девчонки выстоять в подобных условиях? И очень хочется ответить на этот вопрос положительно.

Время шло. Рельсовый путь приближался в Качканару.

– Последний железнодорожный мост мы построили на Именновском, говорит Тамара Николаевна. – Было это в конце 1958-го.

И с тех пор обосновалась она в городе юности, где уже жила и работала ее старшая сестра. Качканар принес Тамаре раннее замужество, счастье материнства, рабочую славу, признание и авторитет, орден «Знак Почета», медаль «Ветеран труда». А она принесла ему свой бескорыстный труд – сначала бетонщиком в СУ-3, потом каменщиком в СУ-1. В 1972 году, имея на руках двух дочерей, Тамара Николаевна закончила строительный техникум и в дальнейшем работала мастером в СУ-6, старшим мастером. Жилые дома и общежития, школа № 3 и узел

связи, больничный городок и профилакторий ГОКа, РММ на всех карьерах и птицефабрика, дом инвалидов в Нижней Туре и больница на Ису – нелегко перечислить все объекты, которые поднялись на этой земле при непосредственном участии вчерашней Крохи, ставшей профессиональным строителем.

В 1983 году Т.Н.Бакина перешла в ПТП – начальником ремонтно – строительного участка. Там она и заработала заслуженный отдых. Но вот уже десять лет, имея статус пенсионера, Тамара Николаевна продолжает успешно работать. Сначала, в течение трех лет, она строила оба цеха «Эмальпровода»: волочильный и цех эмалирования. А когда в 1994 году предприятие вошло в разряд действующих, она стала работать там мастером. Сегодня она кладовщик на «Эмальпроводе».

Здесь же, в швейном цехе, работает Катерина, получившая специальность в профтехучилище № 92. Вместе идут на работу эти две похожие женщины. Идут по городу, который они очень любят. Тамара Николаевна любит его, как любит мать свое дитя, взращенное в муках и радости. А Катя любит Качканар, как бесценный дар, который мама преподнесла ей и всем юным качканарцам.

2000 год

«Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ!»

Встреча

В сороковом общежитии были танцы. Гале нравятся эти молодежные вечера, это веселое многолюдье.

Общежитие напоминает ей детский дом, где она выросла. Там тоже все были вместе, заботились друг о друге и все были заняты делом. Леспромхозовский детдом в Павде имел свое подсобное хозяйство, и ребята умели все: ухаживали за животными, заготавливали для них корм, а девочки, кроме всего, по очереди доили коров, были прачками, их обучали и швейному делу.

А когда детдом объединили с косьинским, Галя не захотела ехать в Косью. Она решила отправиться в Качканар, где уже жила и работала ее старшая сестра... Трудно будет на стройке? Но ведь Галина не боится никакой работы. Годами молода? Так это тоже не беда.

Итак, в семнадцать лет девушка стала строителем. Работала в комплексной бригаде СУ-7, а жила в женском общежитии №40. Общежитий в растущем поселке было много, а сороковое – одно из лучших. Двухэтажное каменное здание по улице Качканарской, напротив клуба «Строитель». Новое, чистенькое, приветливое. Девчата следили за порядком в общем доме. Рабочую усталость снимали дружеским общением, чтением книг, рукоделием, творческими и танцевальными вечерами.

Вот и сейчас в общежитии танцы. Пришли гости из мужских общежитий. Звучит музыка, кружатся пары... Галя немного смутилась, когда ее пригласил на вальс высокий русоволосый парень. Он уверенно взял ее за талию; она робко положила левую руку на его плечо, а правой ладонью сразу почувствовала теплую и сильную мужскую руку. Он бережно повел ее по кругу... Тогда Галина еще не знала, что этот красавец, с которым она делает первые танцевальные шаги, – ее судьба; что вот так же бережно и уверенно он будет вести ее всю жизнь.

Это был Геннадий Немчанинов, 27-летний богатырь. Именно таким, мужественным, сильным, показался он 17-летней девчонке.

Геннадий был третьим сыном в семье Пелагеи Сергеевны и Якова Кузьмича Немчаниновых, скромных тружеников из Кировской области. Выросший в деревне, он с детства знал всю крестьянскую работу. Ту самую благородную работу, которая тренирует не только мускулы человека, но и его душу, делая ее тоже сильной и мудрой. С детства Геннадий научился любить родную землю и уважать людей труда.

Его, колхозного бригадира, тоже уважали односельчане. И не только за физическую силу (он легко перекидывал двухпудовую гирию через гуменные ворота), но и за его душу, в которой мудро сочетались сила и чуткость.

Мудрость и чуткость потребовались Геннадию значительно раньше, когда он, мальчишка-подросток, должен был поддержать, утешить, успокоить свою маму, у которой война отняла мужа и старшего сына Александра, который командовал батальоном. Второй ее сын, Николай, тоже был офицером на фронте, но пришел с войны живой. Это должно было хоть как-то утешить маму, которой надо было жить и ради фронтовика Николая, ради подростка Генки и дочки-малолетки Вали. И мать выстояла, как миллионы наших женщин. И благословила детей своих в большую жизнь.

В 19 лет у Геннадия впервые появилась трудовая книжка. Рабочий на железнодорожной станции в Костромской области. Сезонный рабочий на лесозаготовках. Страна после войны возрождалась, и ей нужны были крепкие рабочие руки. И Геннадию хотелось быть на переднем крае этого мирного фронта. По комсомольской путевке он едет на строительство Горьковской ГЭС... Стоит ли удивляться, что этот уже зрелый, закаленный жизнью человек появился однажды на качканарской земле, которой тоже очень нужны были добровольцы.

Начинал Геннадий разнорабочим в СУ-2. Но очень скоро ему, человеку надежному, требовательному, доверили комплексную бригаду, которая возводила многие промышленные объекты Качканара.

А жил Геннадий в 36-м мужском общежитии на Первомайке. По возрасту старше многих, по характеру спокойный и волевой, по натуре заводила и выдумщик, он как-то сразу стал лидером в молодежном общежитии, где его избрали культоргом. С детства привыкший к дисциплине и порядку, он требовал того же от других.

И вот в один прекрасный осенний вечер 1961 года Геннадий с друзьями пришел на танцы в женское общежитие. Видно, именно тогда его мудрое сердце помогло сделать правильный выбор – раз и навсегда. И Геннадий протянул свою сильную руку юной Галине, чтобы отныне идти с нею рядом.

Вместе

– Я женюсь, – сказал он начальству. – Но не хотелось бы семейную жизнь начинать в общежитии.

– Вот вернешься из командировки, – ответили ему, – и будет тебе квартира.

Как человека серьезного и надежного, убежденного и умеющего убеждать, Геннадия отправляли в воинские части Свердловской и Кировской областей, чтобы рассказать солдатам о Качканаре и сагитировать их после армейской службы в строящийся город юности, где нужны их молодые руки.

Командировка удалась. Сдержало слово и начальство: Геннадий получил однокомнатную квартиру в доме № 53 (что рядом с нынешним «Молодежным» магазином).

Дома их благословила мать. Зарегистрировали молодых в Качканарском

поселковом Совете, свадьбу отпраздновали в новой квартире. Гостей было немного. Кстати, ни вина, ни водки в ту пору в Качканаре почему-то не оказалось, не нашли спиртного и в Нижней Туре. Пили виноградный сок. И эта безалкогольная свадьба стала хорошим прологом к их здоровой, трезвой жизни.

Союз двоих вскоре превратился в семью. Через год у Немчаниновых родился первенец, нареченный Александром в честь погибшего на фронте старшего брата. Потом появились Ольга, Игорь, Сергей, Надежда. Вместе с родителями – семь «я», где каждый личность, с которой считаются, которую уважают, где для каждого ребенка родители не жалеют ни времени, ни любви, несмотря на рабочую занятость.

Работа

Пять лет Галина Васильевна отдала качканарской стройке. Их комплексная бригада возводила корпус крупного дробления, ТЭЦ, строила столовую №10, пионерский лагерь «Орленок», другие объекты. А с 1966 года и до самой пенсии работала Галина на аглофабрике.

Помню, в нашей газете весной 1989 года – портрет Галины Васильевны. Молодая женщина в рабочей каске, с легкой улыбкой и добрыми глазами. И небольшая подпись к снимку: «Трудно поверить, что эту женщину коллектив уже провожает на пенсию. Галина Васильевна Немчанинова в свои 45 лет сохранила молодость, бодрость, энергию. Ровно половину жизни проработала она в аглоцехе. Грохотовщик-шуровщик – профессия не женская. Но она не помешала Галине Васильевне быть женственной, мягкой, нежной. У нее пятеро детей, которые прекрасно воспитаны, уважают родителей. И есть за что: ведь муж Галины Васильевны тоже честно работал в аглоцехе, откуда и ушел на пенсию».

Геннадий Яковлевич, чья бригада строила аглофабрику и где он знает каждый уголок, пришел сюда работать, когда фабрика вступила в строй действующих, и проработал в ГОКе больше 20 лет. А вместе с Галиной они отдали ГОКу 45 лет своей активной жизни. Какое-то время по производственной необходимости был переведен на фабрику окатышей, потом опять вернулся в родной цех.

О том, как работал этот человек, говорят многочисленные награды, которые бережно хранятся в семье Немчаниновых. Почетные грамоты строительного треста и горно-обогатительного комбината; звания «Лучший по профессии» и «Победитель социалистического соревнования»; Ленинская юбилейная медаль и медаль «Ветеран труда»; Почетный диплом Министерства черной металлургии СССР, ЦК профсоюза работников металлургической промышленности. Портрет Геннадия Яковлевича был на Доске почета комбината.

И есть еще один документ, отражающий одну из определяющих черт Геннадия Яковлевича. Это «Диплом наставнику молодежи». Страна благодарит его за большой вклад в дело воспитания молодежи. Очень многие учащиеся ГПТУ проходили практику и стажировку под руководством опытного агломератчика Немчанинова Геннадия Яковлевича. Он действительно был прекрасным наставником рабочей

молодежи и хорошим воспитателем своих детей.

Отец

Его отцовская любовь была прочным сплавом строгости и нежности, требовательности и доброты, настойчивости и терпения.

Геннадий Яковлевич дружил со школой, тщательно следил за учебой и поведением своих детей. Галина Васильевна рассказывает, что отец мог до позднего вечера заниматься с ребятами, проверяя их дневники и уроки. А Саша, старший сын, вспоминает, как однажды он, ученик третьего класса, по ошибке записал в дневнике не ту страницу. А на этой странице, где-то в конце учебника, оказалось большое стихотворение. И хотя было еще начало учебного года, папа заставил выучить наизусть это стихотворение: раз записано в дневнике – значит задано, а домашнее задание надо выполнять. Отец учил детей не хныкать, не пасовать перед трудностями, верить в свои силы. И всегда был готов поддержать, вдохновить, помочь. И не удивительно, что у Саши по математике не было даже «четверок», а были одни «пятерки».

С благодарностью к отцу вспоминают такой случай. Ольга ждала ребенка. Врачи признали какую-то опасную патологию – придется прервать беременность. Не хотел верить в это Геннадий Яковлевич, не хотел терять внука. Он забрал дочь из больницы и сам (после недавно перенесенного инфаркта) увез ее в Свердловск. Там обследовали и не нашли никакой патологии. Рожать тоже велели приехать в Свердловск. И в назначенный срок появился Сергей (неужели его могло не быть?), который сейчас уже студент УПИ.

У младшей дочери Надежды не сложились отношения с мужем, и ей с сынишкой пришлось искать приют в родительском доме. Надежде помогли тогда материнская нежность и отцовская поддержка, его умение успокоить, убедить, вдохнуть веру.

Отцовская убежденность, его образ мыслей, вся жизнь этого честного труженика были прекрасным примером для детей.

Стихи

Они были неотъемлемой его частью.

Казалось бы, технарь, производственник до мозга костей – и такая поэтическая натура. Да надо ли удивляться? Видно, кировская земля, куда уходят его корни, с детства питала мальчишку своими живительными соками; раздолье полей и лугов делало его душу широкой и щедрой, а солнечные лучи согревали и звали в светлую высь.

Не потому ли он так любил книги? Галина Васильевна говорит, что муж засиживался за чтением до глубокой ночи, даже до утра. Особенно нравились ему исторические произведения. И, конечно, стихи. Да и сам сочинял втайне от всех. Видимо, любил Расула Гамзатова, но не во всем соглашался с ним.

*Ты умный мужчина и должен понять,
Что первая женщина – это же мать!
Ласковость мамы и строгость святая –*

*Всего не расскажет былина любая,
Ответы давала мне мама родная.*

Не приходится сомневаться, что ласковость и святая строгость в сыне – от матери, которую он очень ценил и которая последние два десятка лет жила под одной крышей с заботливыми сыном и снохой.

А сколько нежных стихов посвятил Геннадий Яковлевич своей жене, которую берег и лелеял всю жизнь.

– Я ведь не знала, что это такое – бегать с сумками по магазинам, заниматься хозяйством, – признается она. – Все муж. Скажет: «Да я хоть пройду, прогуляюсь». Никогда не делал проблем из житейских мелочей. Все вопросы решал сам.

«Галинушка, моя родная! Я скучаю без тебя! Милая моя Галинка, в моей жизни ты одна!» – писал он на больничной койке.

*Как себя мне успокоить?
Без тебя мне как уснуть?
Как на сон себя настроить,
Свою душу обмануть?*

Трудно обмануть и физическую боль. Ее можно лишь спрятать за шутливой рифмованной строкой:

*Как – кап - капает слезинка.
Это из-за тебя, моя Галинка!*

А когда его Галинка лежала в больнице после тяжелой операции, он навещал ее каждый день.

Очень нежно относился Геннадий к Валентине: «Сестра моя, единственная в мире!»

*Я видел все твоё взросленье,
И я как брат тебя любил,
Мне нравилось твоё цветенье,
И я, как мог, его хранил.*

Глубокое уважение к женщине – в каждом его поступке, в каждой стихотворной строке.

*О если бы был я властителем мира!
Издай бы закон, по которому в год
Каждый бы месяц раза четыре
Праздник бы женский справлял мой народ!*

И женский, и любой праздник вдохновляли Геннадия Яковлевича на поэтические поздравления родным, друзьям, коллегам.

– Все ждали, когда закончится торжественная часть и будет выступать Немчанинов, – рассказывает Галина Васильевна.

Всем нравились его незамысловатые, веселые приветствия. Вот, к примеру, в цехе провожают на пенсию оператора Валентину Певцову. Немчанинов начал так:

*Извини за вольность шутки:
Может, скромности в ней нет.
Но разве может с прибаутки
Пострадать авторитет,
Тот, что был годами нажит
На работе и в быту?
Вам спасибо каждый скажет*

*За сердечность, доброту,
За отличную работу
На ответственном посту!*

А дальше шли шутки-прибаутки, понятные только тем, кто много лет проработал вместе.

Геннадий Яковлевич любил свой трудовой коллектив, свою работу. И если бы попросили назвать главный его девиз, он бы, скорее всего, ответил: «Я люблю тебя, жизнь!»

*Скажу я в шутку и всерьез:
Куда черт молодость унес?
Пусть возвратит ее назад –
Мы будем печь агломерат,
Мы будем Родине служить
И детей опять растить.
Споем мы песню старины –
Не опозорим седины.*

Не опозорил седины Геннадий Яковлевич.

– В 50 лет ушел на пенсию – и ни дня не сидел без работы, – говорит Галина Васильевна. – Охранял Сбербанк, потом был «ночным директором» (старшим дежурным) на радиозаводе. Работал в орсе, в комбинате питания... И очень не хотел садиться на инвалидность.

– Серьезный и очень сильный мужик, – говорят те, кто знал его по работе и в быту.

– Заводила во всех делах.

– С любимым мог поговорить на любую тему.

– От общения с ним становилось легче и хотелось жить.

Человек, перенесший три инфаркта, продолжал сохранять бодрость. Правда, в иных стихах звучали мрачные мелодии: «Я ухожу, меня не будет. Поплачут те, кому был мил»... «Теперь земля моя родня»...

– И все-таки «Душой я с вами!» – говорил он, обращаясь в стихах к родным.

*Пусть тепло сердец горячих
Согревает вас всегда,
И меня в тепле семейном
Вспоминайте иногда!*

Последний поклон

– 16 августа он должен был лечь на очередное обследование и лечение в «Зеленый мыс», – рассказывает Галина Васильевна. – А 15 августа вечером пришел Саша, поужинали все вместе. И ничто не предвещало беды. Пришли в комнату. Саша уехал... И вдруг Геннадий пошатнулся, схватился рукой за дверку шифоньера и стал оседать... И упал прямо передо мной... Упал замертво...

И в свой последний миг Геннадий Яковлевич упал к ногам своей Галинки, как бы отдавая низкий поклон любимой женщине, матери его детей.

Давайте же и мы низко поклонимся этому простому и сильному человеку – мужу и отцу, славному труженику, который так любил жизнь!

2005 год

БЕРЕЗКА

В старшей группе детсада № 12 идет музыкальное занятие.

– Сегодня, ребята, мы познакомимся с новой песней композитора Филиппенко «Березка», – говорит Валентина Алексеевна Горшунова. Под звуки фортепьяно льется ее сильный, чистый голос. Песня рассказывает о тоненькой березке, которая в печали стоит на лугу. Что же с нею приключилось! И березонька отвечает: «Люди недобрые повстречались мне, ветки зеленые обломали мне». А дальше поется о том, как «лечили березку зеленую, поливали водичкой студеною – стала березонька зеленешенька, стала кудрявая, веселешенька».

– О чем эта песня, ребята? – спрашивает Валентина Алексеевна и ведет с детьми разговор о бережном отношении к природе. А я думаю о том, что в этой короткой песне о березке – вся жизнь В.А.Горшуновой, вся ее судьба. Когда Валентине Александровне было столько же лет, сколько вот этим дошкольникам, она Жила в городе Орле.

...Каждый день в палату заходил Март Михайлович – невысокий энергичный человек, с лысиной до самой макушки, с веселыми добрыми глазами. Он присаживался на краешек кровати:

– Ну, как мы себя чувствуем, певунья? Какую мне песню сегодня споешь?

Для каждого находил он ласковое слово, и все ребята, лечившиеся в детском санатории, любили своего врача. Но однажды он не пришел на обход: врач ушел на фронт.

Ребята знали, что началась война, но еще не видели ее в лицо. Пока война отняла у них только Марта Михайловича.

А вскоре все изменилось. Из чистых, светлых палат детей переселили в вагоны с маленькими решетчатыми окнами, с длинными широкими полками. Это называлось эвакуация. Несколько дней они жили в вагонах, стоявших в тупике, и собирались ехать. Но эвакуация сорвалась.

Однажды вечером заведующая санаторием сказала:

– Дети, завтра в Орле будут немцы. Не бойтесь, ребята. Если к нам зайдет немец, поздоровайтесь, скажите ему: «Гутен морген».

Ребята были уверены, что немцы – это звери с рогами, которых надо убить в их собственном логове. А в вагон вошел обыкновенный человек на двух ногах, с автоматом в руках. Он громко сказал что-то на чужом языке, и все дети заплакали.

Потом из вагонов их перевезли на телеге обратно, в здание санатория. Около колодца с хохотом и визгом мылись, плескались немцы. Когда

повозка проезжала мимо, они обливали детей водой и пристреливали тех, кто вздумал заплакать. Фашисты забавлялись. Хоть и на двух ногах, но это были звери.

– Если и вас обольют, не бойтесь, не плачьте, – предупреждали нянечки остальных.

А как тут было не бояться?.. Живешь с немцами под одной крышей. В каждой палате портрет Гитлера и иконы. Заставляют говорить по-немецки, петь немецкие песни и зовут тебя не Валентиной, а Виолеттой. И есть у тебя черная учительница: в черном платье, черной шляпе с полями, с черными, гнилыми зубами. Только волосы у ней белые, седые. И так тяжело тебе от этой черной жизни!.. И вспоминаешь ты Марта Михайловича, в белом халате, с доброй улыбкой, и на душе становится светлей: скоро он вернется, скоро наши придут! Но в тот же миг слышится строгий окрик: черная учительница словно догадывается, что ты думаешь и чувствуешь по-русски.

Как тут не бояться? На город падают бомбы, небо горит со всех сторон. На застекленной террасе фашисты допрашивают партизан, а потом расстреливают их прямо на твоих глазах. А ночью ты боишься крыс, которые стали наглыми, как фашисты. Тебе очень хочется есть, и ты ждешь утра, когда дадут тебе маленький кусочек хлеба. Утром ты жадно проглатываешь этот кусочек и стараешься разбудить своего соседа: что же он так долго спит и не ест свой хлеб? И вдруг ты понимаешь, что мальчик умер, теперь его завернут и унесут куда-то, как унесли уже десятки других. Ты о чем-то недолго думаешь, но голод сильнее тебя. Ты незаметно берешь предназначенный мальчику хлеб и прячешься под одеялом. А потом долго плачешь от горя и стыда: как могла съесть одна, ведь вы всем привыкли делиться, ведь и другие тоже голодны.

Однажды молоденькая медсестра, которую все дети называли мамой, принесла на подносе хлеб и стала раздавать. Тут появился длинный, тощий немец и пошел прямо на девушку. Детям показалось, что он хочет убить ее.

– Мама-а! – пронзительно закричала Валя и, испугавшись, закуталась в одеяло, залезла под кровать. Разъяренный фашист вытащил ее оттуда и вместе с одеялом выбросил в окно. Больше девочка ничего не помнит. Она сильно разбилась. Потом немцы лечили Виолетту, накладывали гипс, но следы этой страшной травмы остались на всю жизнь. Травмирована, изранена и душа. Незаживающими рубцами остались в ней те ужасные картины, которые прошли перед глазами ребенка.

Вот согнали их в какую-то комнату, построили друг за другом и стали вызывать по одному. Немец с пистолетом, врач, еще кое-кто. Кладут ребенка на кушетку и берут у него кровь. Выкачивают, сколько им требуется. Потом ребенок бьется в судорогах, и его пристреливают. А остальные ждут своей очереди. «Скоро вызовут меня», – думает Валя, но вдруг вбегает запыхавшийся немец и в панике кричит:

– Русские! Там русские!..

А потом был какой-то подвал, где пахло гнилой картошкой. И старушка-няня, спрятавшая сюда детей, говорила им:

– Слышите? Это наши «катюши»!..

Откуда-то издали неслось раскатистое «ха-ха-ха-ха», будто

девушки смеются.

– И правда Катюши! – сказала Валя. – Веселые!

А потом были люди, вернувшие этим детям детство.

«Уважаемый товарищ Панфилов! После долгих ожиданий и розысков, наконец-то, мы получили Ваше письмо... Валя учится уже в седьмом классе. Аккуратная девочка, старательная, послушная, хорошая общественница, секретарь школьной комсомольской организации. Очень хочет найти Вас или маму. Когда у кого-нибудь из детей находятся родители, тот сразу загорается каким-то новым огнем, а на остальных больно смотреть: завидуют счастливицу и еще сильнее тоскуют о своих родителях. Валя увлекается музыкой, хочет поступить в музыкальное училище. Уверена, что Ваши письма и Ваше внимание придадут ей сил. Воспитатель Анкушева».

Отец приехал под Новый год. Получив телеграмму, Валя и воспитательница поехали на санях на станцию: от Верхнего Бора, где находился детдом, до Тюмени – двенадцать километров. Был темный морозный вечер. А вот и вокзал, сейчас подойдет поезд. Валя очень волнуется: десять лет она не видела отца, узнают ли они друг друга?.. Из вагона вышел высокий мужчина.

– Вот он, вон наш папа! – сказала девочка, ведь в детдоме все было «наше», все «общее».

– Не наш, а твой, – поправила воспитательница, но Валя уже бежала к отцу. Оба плакали.

В детдоме все ребята окружили гостя. Они садились к нему на колени, обнимали, заглядывали в глаза и спрашивали:

– А моего папу вы не видели? Не знаете: он скоро придет?

Валя была счастлива. На новогоднем концерте она выступала с особым подъемом: танцевала, играла в духовом оркестре, пела. Взволнованная, счастливая, стояла она на сцене и пела любимую песню: «То березка, то рябина, куст ракиты над рекой...» Ее отец, тоже взволнованный и счастливый, не мог сдержать слез. Он думал: «Выросла, окрепла моя березка. В такую бурю не сломилась. Спасибо добрым людям, которые помогли ей выстоять!»

А в притихшем зале звучал чистой и нежный Валин голос:

*– Детство наше золотое
Все светлее с каждым днем,
Под счастливою звездою
Мы живем в краю родном,
Мы живем в краю родном...*

1975 год

СПАСИБО ВАМ ЗА СВЕТЛЫЙ ГОРОД!

Вот и отметили мы День Победы, этот великий всенародный «праздник со слезами на глазах». А впереди у нас праздник местного масштаба—50-летие Качканара. За эти полвека на фронте мирного строительства были свои трудности и радости, поражения и победы, были свои герои и награды. Имена многих строителей у всех на слуху, покрыты заслуженной славой. А другие, тоже многие, подобны неизвестному солдату, но от этого ничуть не меньше их трудовые заслуги, их «каждодневный чернорабочий подвиг».

О таких вот, из ряда незаметных и скромных, мой скромный рассказ. Это Александр Григорьевич и Тамара Васильевна Пастуховы.

Ветераны

«Уважаемый Александр Григорьевич!

Сердечно поздравляю Вас с 60-летием Великой Победы!

На долю Вашего поколения выпала историческая миссия отстоять независимость и будущее Отечества в самой жестокой битве всех времен и народов...

Память о беспримерном подвиге тех, кто героически сражался с оружием в руках, самоотверженно трудился в тылу, строил и укреплял великую державу, —будет жить в веках».

Это из письма президента России В.Путина, которое в канун праздника получил А.Г.Пастухов, как и все ветераны Великой Отечественной. Нет, он не участвовал в боевых сражениях, он «самоотверженно трудился в тылу, строил и укреплял великую державу» — и теперь, как и все труженики тыла, по праву зовется ветераном войны. Да и как же иначе, если Урал, далекий тыловой Урал ковал победу над врагом. А Александр Григорьевич — уралец, как и его жена Тамара Васильевна.

В их судьбе много общего. Оба родились в 1930 году в том богатом уральском краю, что зовется Исовскими приисками. Саша рос на прииске Семеновском, а Тамара — на Благонадежном. В школу оба ходили на Журавлик, где были только начальные классы. Начальное образование, да ранняя привычка к труду, да одиннадцать лет за плечами — вот с таким багажом вошли они в военный 1941-й и рано влились в большую семью старателей. В этом краю все старатели. Эти люди, работавшие на драгах, гидравликах и на мелком старании, добывающие драгоценные металлы, так необходимые стране в годы войны, — эти люди, с их добрыми душами и крепкими характерами, сами были как золото. Всю войну они, и взрослые старатели, и такие подростки, как Тамара и Саша, работали не покладая рук,

не теряя душевной крепости и чистоты, старались во имя фронта, во имя победы.

И если в военные годы рабочих рук не хватало, то после войны, когда в 1949 году мелкое старание прикрыли, многие оказались не у дел. И молодежь подалась – кто на «семерку», кто на Нижнетуриинскую ГРЭС. А Александр Пастухов закончил школу механизации, работал в одной из МТС (машинно-тракторных станций) Красноярского края. Мечтал добывать алмазы в Якутии.

– Но в Якутию никого из Свердловской области не отпустили, – говорит Александр Григорьевич. – Видимо, тогда уже планировалось большое строительство в Качканаре.

– Качканар мы ждали, – добавляет Тамара Васильевна. – На Ису работы для нас не было, а Качканару мы были нужны.

Хорошо, когда человек нужен. И стали Пастуховы первостроителями.

Первостроители

Правда, тогда они еще не были семьей и на качканарскую землю пришли не вместе.

Для Александра Качканар начался 27 мая 1957 года. Об этом говорит короткая запись в его трудовой книжке. Об этом рассказывает он сам.

– Собрались мы небольшой группой, человек десять-пятнадцать с разных приисков (Журавлика, Семеновского, Снежной, Бокового, Георгиевского и других), взяли топоры да пилы и пошли на Валериановск. Там уже собралось много таких, как мы... Вскоре подошла бортовая машина, и Семен Степанович Мальцев сказал: «У кого нет инструмента, садитесь в машину». И увезли их в подсобное хозяйство картошку садить. А мы стали рубить лес.

Попал Александр в бригаду Анатолия Рычкова. Первые удары топоров, повалены первые деревья. И пошли лесорубы в сторону горы Долгой. Так начиналась дорога, которая потом соединит Валериановск с палаточным городком.

Вот в краеведческом музее Екатеринбурга лежит топор Анатолия Торопицына, символизирующий начало качканарской стройки. А ведь таким музейным экспонатом мог стать и топор Александра Пастухова, и любой другой трудяга-топор. Сколько их ударило по деревьям в тот самый первый день! Слава этим безвестным топорам, слава лесорубам, первыми начавшими штурм тайги!

Жили в Валериановске, у Огрызкова, как вспоминает Александр Григорьевич, в избушке на два окошка. Спали на полу. А потом, когда просека уходила все дальше от поселка, стали ночевать прямо в лесу, у костра. Прорубали они лес и в сторону Саввиной Горки. Работали до 5 декабря, Дня Советской Конституции. Всех, кто из ближних поселков, на праздник увезли домой; «иногородние» первостроители праздновали в городе юности, где уже начинали вырисовываться первые улицы.

Как просто сказать: вырисовываться, нарисуем – будем жить! А что такое дом построить там, где до вас не ступала нога человека, где не было дорог и элементарных удобств, – это знают только наши славные первостроители.

Семь лет отдал стройке Александр Пастухов. Дома по улицам Октябрьской и Качканарской, на Первомайке, клуб «Строитель», корпуса

горно-обогатительного комбината – во всем труд этого простого человека, дело его мастеровых рук. Потом в течение 20 лет слесарь Пастухов работал на Качканарском ГОКе, откуда его ремонтно-монтажный цех всем составом был передан заводу по ремонту горного оборудования (ныне «Металлист»). Оттуда Александр Григорьевич и на пенсию вышел. Отработал, говорит, последнюю пятилетку – и рассчитался.

Люди его поколения привыкли жизнь свою измерять пятилетками и видели, что с каждой новой пятилеткой становилась крепче их страна, которой они отдавали свой труд.

Вот и наш Качканар был одним из пунктов очередного пятилетнего плана. И советские люди претворили в жизнь эту строку, записанную в плане, – подарили потомкам красивый современный город и могучий комбинат. Строили города и заводы, строили свои судьбы...

Судьбой Александра Пастухова стала Тамара Шитова, с которой они познакомились однажды в клубе на Журавлике и идут по жизни рядом уже без малого полвека. И не удивительно, что девушка с прииска Благондежного тоже пришла своим ходом на молодежную стройку и вскоре стала женой Александра, верной, вполне благонадежной.

Ее качканарская биография исчисляется с 6 января 1958 года. Жила Тамара сначала с девчонками в общежитии №37 по улице Мира. Потом вышла замуж. Регистрировали Пастуховых в Валериановском поселковом Совете, в старом здании, которого теперь уже нет. Возраст у молодоженов самый подходящий, чтобы создавать крепкую семью.

Что касается работы, то и здесь Тамара Васильевна оказалась вполне благонадежной: всю жизнь хранила она верность тресту «Качканаррудстрой». Работала штукатуром-маляром у таких прославленных бригадиров, как Валентина Петрий, Александра Лохтина, Нина Крамскова. Строила (точнее: отделявала) дома по Октябрьской и Качканарской, клуб «Строитель», столовые, больничный городок, поликлинику, ГПТУ и другие объекты. Не работала только когда рожала детей.

Кстати, о родах. Повела как-то Тамара в отдел кадров сестру Валентину, на работу устраивать. Вдруг почувствовала, что идти ей надо совсем по другому адресу, причем немедленно. И оказалась в Клубном переулке, где тогда в небольшом деревянном здании располагалась больница... Два кабинета. Прием ведут Татьяна Федоровна Молдованова и Надежда Михайловна Моисеенко. К обеим – большая очередь. А тут Тамара, которой подошла пора рожать. Очередь недовольна: «Почему не в Туру? В Туру ее надо!» В Качканаре еще не было родильного дома, и всех рожениц направляли в Нижнюю Туру. Но тут, видят врачи, дело не терпит отлагательств. Какая Тура? Успеть бы в кабинет осторожненько завести эту нежданную пациентку... Прием прекратили. Кое-кто в очереди еще потихонечку роптал...

– А тут уже и Сережка запищал, – улыбается Тамара Васильевна, вспоминая тот нелегкий и счастливый день в ноябре 1958 года.

А Сережка пищал все громче, утверждая себя в этом мире и приглашая всех порадоваться за него и его маму. Человек родился! Что может быть прекрасней и значительней этого?

Здравствуй, Сережка! Извини, что Качканар не готов встретить тебя

более достойно: ведь ты явился так внезапно. Но мы очень рады и хотим, чтобы тебе было уютно на этой земле, в этом городе, который строят для тебя папа и мама. А пока в небольшой комнате, где хранился какой-то медицинский инвентарь, срочно поставили кровать, приютившую на пять дней Тамару Васильевну с младенцем. Вот так Сережка Пастухов стал первым качканарцем, рожденным в Качканаре, а не в Туре.

Приятно вспоминать такие светлые моменты, как рождение детей. Но в жизни Пастуховых, как, впрочем, и у каждого, были и темные полосы.

Зимой 1959 года (Саша тогда работал в СУ-4) вырубали лес под опалубочный цех. Холодно, снег по пояс. Но это не беда. Беда пришла внезапно, вместе с здоровенной елкой, которая, развернувшись горизонтально, ударила Александра по голове. Травма была тяжелая: переломлен нос, в двух местах сломана верхняя челюсть, сотрясение мозга.

Тамара была в магазине на Первомайке. Делала небольшую покупку. Веселая по натуре, она и тут о чем-то бойко говорила с продавцом и покупателями, шутила.

— Вот какая крепкая женщина: муж еле живой, а она смеется!

Так сказала оказавшаяся в магазине Маргарита Николаевна Косых, известный в Качканаре зубной врач. Она уже видела травмированного Сашу и как специалист основательно потрудились над его челюстью, оказав необходимую помощь. А Тамара еще ничего не знала о несчастье, известие о котором ее тоже словно елкой по голове ударило. Оба перенесли эту беду стойко. Вылечился Александр. Помогли и старания медиков, и молодой организм, и желание выжить, и поддержка благонадежной жены, и вера в то, что все будет хорошо.

А впереди у них была еще долгая жизнь. Работали, растили детей (у Сережки появились сестрички Ирина и Оля), помогали школе, где ни один ремонт не обходился без участия штукатура-маляра Тамары Пастуховой. И недаром среди прочих наград есть у них почетная грамота, которой «награждается семья Пастуховых Тамары Васильевны и Александра Григорьевича за добросовестное выполнение своих родительских обязанностей и активную помощь школе».

Так вот вместе со своим поколением честно прошли Пастуховы большую трудовую дорогу. Закончился их рабочий стаж, начался стаж пенсионный.

Пенсионеры

Этот стаж у них не мал. Говорят, что в каждом возрасте есть свои прелести. Отрицать это Пастуховы, пожалуй, не станут. Ведь и на пенсионном пути, не усыпанном розами, случаются редкие радости. Так что же радует Тамару Васильевну и Александра Григорьевича?

Довольны, что вырастили неплохих детей. Сергей — главный инженер цеха сетей и подстанций Качканарского ГОКа. Ирина, бухгалтер, тоже работает на комбинате. Ольга, работница швейной фабрики, живет в Екатеринбурге. У Пастуховых шесть внуков. Работа в саду тоже приносила радость, пока здоровье не подкачало. Теперь же Тамару

Васильевну замучил сахарный диабет. Александр Григорьевич перенес два инфаркта: в 1997 и 1999 годах, а в 2000-м – инсульт. Тут уж радости мало. Тем более, что в наше время многое становится непонятным. Государство вроде бы заботится о пенсионерах: что-то там придумывают, предлагают и отменяют – и все якобы для стариков.

Вот узнал Александр Григорьевич, что ветеранам войны раз в два года можно бесплатно ездить на курорт. И пошел он в марте к своему участковому врачу за справкой для получения путевки.

– А вам по состоянию здоровья нельзя из Качканара выезжать, – и послали к кардиологу.

Но раз здоровье не позволяет – выходит, что ты инвалид? Однако кардиолог утверждает, что инвалидность не положена. А Тамарина сестра, медицинский работник Нина Васильевна, говорит, что у них в Белгородской области всем, кому исполнилось 70 лет, дают вторую группу инвалидности. Не поймет Александр Григорьевич: и не инвалид он, и ехать на курорт нельзя. А его посылают все дальше и дальше: к невропатологу, потом на комиссию.

– Если нет оснований для группы инвалидности, так хоть справку дайте, – вопрошает пенсионер.

Комиссия решила: справку выдать. И снова Пастухов у своего врача. Лекарство ему выписали.

– А за справкой придете 5 мая.

– Мне 75 лет, а вы меня гоняете, как мальчика.

Непонятно ветерану: сколько еще ходить ему по этажам и кабинетам? Пока не хватит его третий инфаркт? Уж ни сил, ни здоровья нет. И все-таки 11 мая пришел он к заместителю главного врача. Там его встретили вопросом:

– И чего вы ходите?

– Нет, к вам я больше не приду, а пойду к юристу и в суд.

И в тот же день ему принесли справку с доставкой на дом. Так зачем был нужен этот весенний марафон: с марта до середины мая?

В справке для получения путевки сказано, что А.Г.Пастухов страдает заболеваниями сердечно-сосудистой системы и ему рекомендованы местные курорты: «Руш», «Родник здоровья». Вот такая веселая у пенсионера жизнь.

Между тем президент в своем письме А.Г.Пастухову *«от всей души желает доброго здоровья, счастья и благополучия»*. Глава администрации Качканара А.Калугин и председатель городской думы Г.Русских свое юбилейное поздравление тоже заканчивают пожеланиями *«доброго здоровья, счастья и благополучия Вам и Вашим близким»*. Руководство «Металлиста» желает *«душевного тепла и спокойствия»*.

Смотрю я на эти праздничные послания. Как красиво оформлены! Какие добрые слова! Какая хорошая бумага, которая, как известно, все вытерпит! Но хватит ли терпения и сил у пожилых людей, отдавших свою молодость и здоровье Качканару?

Дорогие Тамара Васильевна и Александр Григорьевич! Поздравляю вас с днем рождения Качканара! Я, конечно, присоединяюсь к добрым и высоким пожеланиям. Но прежде всего хочу низко поклониться вам и всем первостроителям за юный и светлый наш город, который вы оставляете в дар потомкам!

ЗОЛОТЫЕ

Вот эта улица, одна из оживленных в Качканаре. Вот этот дом с веселыми окнами в резных наличниках. Вот эти люди, о которых хочу рассказать: Капитолина Васильевна и Александр Дмитриевич Жировы, одни из тех, которых судьба и Господь создают друг для друга.

Ведь, если бы не судьба, разве была бы

их встреча,

которая случилась в конце рабочей недели 50 лет назад в Нижнем Тагиле? Если бы не судьба, разве совсем незнакомый шофер, возивший людей на стройку, прыгнул бы с подножки своего грузовика, подошел к совсем незнакомой девушке и сказал:

– Поедешь завтра со мной на массовое гулянье?

Девушка опешила от такой неожиданности. Она не оттолкнула парня, но и согласия не дала. Познакомились. Он узнал ее адрес.

А утром следующего дня подрулил на бортовой машине. Босиком, волосы ершом, воротник рубашки порван.

– Капа здесь живет?

Не успел дядя Харитон что-нибудь толком сообразить, а незнакомец уже говорил Капе:

– Давай собирайся скорей, некогда ждать!

И она, покорившись то ли его командирскому тону, то ли судьбе, с минуту помедлив, стала собираться. Надела шелковое, в розах платье, лаковые босоножки.

Теперь опешил дядя Харитон. Он пошел к соседям (в их одноэтажном деревянном доме было четыре квартиры):

– Вы только поглядите: девка-то у нас с ума сошла!..

А Капа уже села в кабину, и машина, продудев на прощанье недоуменным соседям, укатила...

– Саша, у тебя кто в кабине-то сидит?

– Как кто? Жена!

«Вот обманщик», – подумала Капа.

Да еще какой! Оказалось, что совсем это не массовое гулянье; просто Сашино начальство решило отдохнуть на природе вместе с коллективом.

В лесу было очень красиво. Пахло июньским разноцветьем и разнотравьем. Весело журчала речка. О чем-то с легким ветерком шепталась листва. Капитолина внимала этим запахам и звукам, пытаясь привести в порядок свои мысли и чувства. Саша угощал ее печеньем в

форме сердечка. Может, это было робкое, молчаливое признание в любви?.. Наверное, так; потому что вечером, когда они ехали обратно, Саша сказал:

«Давай поженимся!» –

и снова привел девушку в полное замешательство. Он и сам еще не осознавал, что заставило его сделать это предложение: то ли сильное чувство, то ли такой же сильный голос свыше.

– Да ты что? Ведь мы совсем не знаем друг друга... И живу я на квартире... У дяди Харитона 90-летняя мать, жена тетя Нюра. Тесно...

– Поди, замуж собралась? – спросил Харитон, когда Капа вернулась.

– Да ты что? – они сидели за столом и беседовали. – Да ты что, дядя Харитон!

– А вон погляди!

Капа посмотрела в окно и обомлела: Саша стоял с чемоданом в руках, с фуфайкой да шинельным пальто под мышкой.

– Вы, наверно, договорились? – Капа и возразить не успела. – Ну ладно, приглашай! – сказала судьба голосом дяди Харитона.

Потом все сидели за столом, разговаривали. Тетя Нюра не согласилась оставить молодых на квартире. А пустили их в дровяник. В отличие от шалаша – четыре стены и крыша. Окон нет (зачем дровам окна?), только двери. Кровать – деревянный топчан. Стол – чемодан на чурках. Стулья – тоже чурки. Капа не могла сказать, что это – рай и что Саша – ее милый. Но она чувствовала, что уже не может прогнать этого человека, который ворвался в ее судьбу. Так и начали жить вместе незнакомые и уже нечужие люди. И было это 14 июня 1953 года.

В дровянике Саша и Капа прожили почти полгода, вплоть до самой зимы. Потом получили комнатку в 12 квадратных метров, которая казалась им настоящим раем. А через год у них родился ребенок. Случилось это в вагоне поезда, когда они возвращались домой от Капиных родственников из Кировской области. Роды принимали проводница и Саша.

Девочку назвали Любой. Это обоюдное решение было словно признание во взаимной любви. И лишь с рождением дочери Капитолина почувствовала в Александре родного человека. И согласилась официально оформить их отношения. Жизнь наполнилась новым смыслом. Капа поняла, что она, мать и жена, в ответе за семью: за малышку Любовь и за мужа, который был таким решительным, когда брал ее приступом, а в действительности оказался очень скромным, деликатным, даже робким человеком.

Нижний Тагил, который свел этих двоих, оказался для них лишь временной пристанью. Когда на всю страну прозвучало слово

Качканар,

Саша и Капа отправились туда, где начиналась новая жизнь. Ведь у них тоже все только начиналось.

На качканарской земле их приютил барак, в котором жили 26 семей. В их комнате на 18 квадратных метрах разместились три семьи. Но после

темного дровяника Жировых уже ничто не смущало. Александр устроился водителем в автобазу, а Капитолина пока сидела с Любой.

В 1960 году они построили свой дом. Поселковый Совет нарезал тогда первые участки под индивидуальное жилье. И трудно было представить, что в глухом лесу, где даже дороги не было, лишь узкая, топкая тропинка, протянется широкая асфальтированная магистраль с именем Крылова и их дом окажется в самом начале этой улицы, одной из главных и оживленных в городе.

Александр Дмитриевич до 1974 года работал в автобазе, а потом перешел в ГОК. Да недолго пришлось ему водить «БелАЗ». Весной 1976 года произошла страшная авария: его «БелАЗ» столкнулся с локомотивом – пострадали и машина, и водитель, в грудную клетку которого вдавился руль. И медики, и сам Александр удивились, каким чудом ему удалось выжить. С тех пор он, как инвалид второй группы, на пенсии.

А Капитолина Васильевна работала в СУ-1 и СУ-5. Гордится тем, что строила дома по улице Свердлова, коттеджи в седьмом микрорайоне, Дворец культуры – «с подошвы до самой крыши», что в корпуса горно-обогатительного комбината тоже вложены ее труд и душа. Довелось ей пережить паралич. Два года, говорит, была калеккой, потом работала гардеробщицей в бане. И 14 лет отдала теплице подхоза Качканарского ГОКа. С удовольствием вспоминает те годы, когда тепличное хозяйство было на подъеме. Сначала три, потом десять теплиц. Выращивали цветы, помидоры. А огурцов было целое море. Сдавали их три раза в день. Снабжали не только рабочие и городские столовые, но и общепит Иса и Косьи.

Для Александра Дмитриевича и Капитолины Васильевны дорого все, что связано с Качканаром – городом, вместе с которым они мужали, где у них появились

ВНУКИ

и где уже открыт счет их правнукам.

Единственная дочь Жировых, Любовь Александровна Маматова, выпускница школы №4 и Нижнетагильского пединститута, работает в КПУ, где учат ребят строительным специальностям, а также готовят слесарей по ремонту автомашин с правами вождения категорий В, С. Сама Любовь Александровна – тоже водитель с категориями В и С: когда-то она окончила качканарскую автошколу №120, которая сейчас является филиалом КПУ. И своих детей она сама учила вождению. А детей у ней трое: два сыночка и красавица дочка.

Старший, как и дед, Александр. Окончил профтехучилище №92. Автослесарь с правом вождения и тракторист-бульдозерист. Студент-заочник Екатеринбургского гуманитарного университета. Учится на факультете юриспруденции, нынче закончил пятый курс.

Александр уже подарил Жировым правнуков. Его дочь – полная бабушкина тезка: тоже Любовь Александровна Маматова, второклассница школы №7. А сыночку Коле в августе будет четыре года.

Второй Любушкин сын, как и его прадед, – Василий. Экстерном (за два

года три курса) закончил профтехучилище №87. Заочно поступил в УрГУ, на математико-механический факультет, и параллельно в автошколе №120 получил водительские права. В этом году Василий закончил четвертый курс вуза.

Оба брата работают в горно-обогатительном комбинате. А их сестра Наташа закончила 8 класс школы имени К.Н.Новикова.

Все внуки и правнуки любят Александра Дмитриевича и Капитолину Васильевну, стараются

брат пример

с этих простых и добрых людей, проживших в мире и согласии уже полвека. Внуки много знают о семье Жировых и искренне удивляются тому, как непохоже нынешнее время на то, с которым совпали детство и юность их дедушки и бабушки. Выросшим в любви и ласке, в большой и дружной семье, детям трудно представить, как можно остаться без родителей.

А Саша Жиров, его сестра Валя и маленький брат Ваня лишились отца в 1941-ом. Вскоре братья остались и без матери, которая вместе с дочерью ушла из дома. Может, она хотела спасти от голода и нужды хотя бы Валю. А вот Саша не смог уберечь Ванечку от голодной смерти... И остался совсем один – в безутешном горе, в безысходности. Но не сдался военному и послевоенному лихолетью. Много работал, учился в ФЗО. Эти школы фабрично-заводского обучения давали подросткам путевки в трудовую жизнь. Смолоду приобрел Александр профессии столяра и водителя, в которых с годами достиг совершенства. Не сбился с пути, не отчаялся, все вынес – и выстоял мальчишка военной поры. Разве это не пример для юных?

А вот что писала пятиклассница Наташа Маматова в школьном сочинении «Бабушкина медаль»:

«Моя бабушка Жирова Капитолина Васильевна родилась в 1929 году. Нетрудно подсчитать, сколько лет ей было в 1943 году, когда по повестке военкомата ее отправили на лесозаготовки. Лес выбирали не абы какой – валили и вывозили стройную березу. Она шла на приклады для оружия. И эту работу выполняли девочки 14-16 лет. А механизации не было ни летом, ни зимой. Изнуренные тяжелой работой и неполноценным питанием, валились с ног не только люди, но и кони.

Пленные немцы, тоже работавшие на лесозаготовках, говорили, что у них в Германии такие девчонки в куклы играют. Советским же детям заниматься играми было некогда. Они рано повзрослели без ушедших на фронт отцов и работали за взрослых.

И совсем не случайно моя бабушка награждена медалью за доблестный труд в Великой Отечественной войне».

И тоже не случайно на золотой свадьбе Жировых в исполнении самодеятельных «пионеров» прозвучало такое приветствие:

*Вся ваша жизнь служит детям примером,
И октябрятам, и пионерам.
Будем и дальше примеры с вас брать.
Мы вас сегодня пришли поздравлять!*

*И говорим без унынья и лени:
 Нам неизвестен конфликт поколений.
 Душою своей вы моложе, чем мы.
 Брать с вас пример мы и в этом должны.*

Без вздохов на скамейке и без прогулок при луне, даже без любви с первого взгляда эти люди встретились однажды, чтобы уже не расставаться никогда. Живут в доме, построенном своими руками, ведут большое хозяйство. В их дружной семье каждый мастер на все руки: хоть в огороде, хоть на покосе, хоть во дворе, даже на стройке (вон какой пристрой к дому внуки возвели!). И все у них свое: овощи и мясо, молоко и сметана, творог и даже сыр.

Есть у них хороший помощник – «ВАЗ-2101». Когда-то Капитолине Васильевне, как ударнику труда, вручили карточку, дающую право купить автомобиль вне очереди. С тех пор эта «копейка» служит им верой и правдой. «У вас ведь кто сядет за руль, тот и катит», – говорят Жировым соседи.

А еще соседи спрашивают: «Вы хоть когда-нибудь ругаетесь?» Да нет, не ругаются. И это тоже пример. Простые люди, не получившие образования, незнакомые с этикой и эстетикой, каким-то внутренним чутьем постигли величайшую науку человеческого обхождения. В ее основе – уважение и почтение, взаимопонимание, а также большая ответственность за тех, кто рядом. Вот так и живут и уже перешагнули золотой рубеж эти простые, эти золотые люди.

Весело смотрит их приветливый дом на улицу Крылова, по которой то и дело проносятся машины, идут по своим делам качканарцы. Жизнь продолжается...

2003 год

ИСПЫТАНИЕ НА ЗРЕЛОСТЬ

Поселок Маломальский. Название не из лучших, а места очень красивые. Река Ис сливается здесь с Турой, которая весело бежит прямо по поселку, деля его на две части. А дальше по течению, в километре от Маломальского, еще один поселок с красивым и таинственным именем – Талисман.

Нине Аркадьевне все здесь знакомо. С детства любит она эти реки, леса и горы. И хорошо помнит те времена, когда в ее родном Маломальском и на Талисмানে кипела жизнь. Работали драги и гидравлики, мыли золото и платину. Над Турой проходил большой железнодорожный мост, а от Старой Ляли до Малой Выи по узкоколейке бегала «кукушка», питавшаяся дровами и углем. Были в поселке магазин, клуб, начальная школа. И жили там люди добрые, простые, работающие. Такие, как и Нинины родители, в семье которых росло четверо детей.

В родном поселке окончила Нина четыре класса, а семилетняя школа – на Глубокой. Туда и ходила она три года пешочком. С утра пораньше шесть километров в одну сторону, а после уроков – обратно. Каждый день, в любую погоду. А среднее образование приходилось добывать еще дальше, на Ису, который был тогда районным центром. Жили в интернате, а на воскресенье – обязательно домой. Иногда по узкоколейке, а чаще, не дожидаясь «кукушки», пешком. Училась Нина с желанием, особенно хорошо шла у ней математика.

И вот в руках документ о среднем образовании, который в ту пору назывался аттестатом зрелости. Предполагалось, что из школы выходили в жизнь вполне зрелые люди. И выпускники в большинстве своем в дальнейшем подтверждали это. Впрочем, получая аттестат, Нина не думала, что жизнь подкинет еще не один экзаменационный билет, испытывая ее на зрелость и прочность.

Первый из таких билетов оказался неожиданным и волнующим. Самый сложный вопрос в нем звучал кратко: Геннадий Казанцев. Этот отслуживший в армии исовской парень приехал в Маломальский погостить у тети. Встреча с ним на танцах в клубе стала для Нины, как бы теперь сказали, судьбоносной. В этом ее уверяло сердце. Но родители убеждали в другом. Их тоже понять можно: дочь еще очень молода, ни профессии, ни работы, а замужество, семья – это так серьезно, так ответственно; под силу ли ей? Мать и ругала, и уговаривала. Что делать? Кого слушать? Вот такая задача. Девушка послушала сердце. Время показало, что её юное решение не было легкомысленным и незрелым. Верность своему первому чувству она пронесла через всю жизнь.

Поженились. Жили на Ису, с родителями мужа. Свекровь и свекор – для иных это не просто испытание, а пытка. Нине тоже было непросто входить в семью, где одних только детей девять человек, а в доме всего две комнаты да кухня. Нелегко было привыкать к новому положению, строить отношения с новой родней. И если это был экзамен, то Нина сдала его успешно, показав терпение и сдержанность, доброжелательность и врожденное трудолюбие, умение мириться с неудобствами.

Не больше удобств было и потом, когда через три года Казанцевы получили комнату в деревянном доме. Общая кухня на три хозяйки тоже требовала умения приспособиться, уступить, а то и помочь, поддержать словом и делом. Добрый и веселый нрав, жизнелюбие и чувство ответственности помогали Нине получать «пятерки» во всем жизненным предметам: сноха, хозяйка, жена, мать, работница.

Когда Казанцевы переехали в Нижнюю Туру, поскольку Геннадия пригласили на работу в горком партии, в их семье уже подрастали два сына. Жили в трехкомнатной благоустроенной квартире. Нина пошла работать – помощником повара в детском комбинате. Казалось бы, все хорошо. Однако семья еле сводила концы с концами.

Может быть, в поисках лучшей доли, а может, по зову молодых сердец Казанцевы оказались в Качканаре, где вовсю продолжалось строительство, а комбинат уже выдавал первую продукцию. Приехали и поняли: Качканар – это их постоянная и надежная пристань. Оба устроились на работу; Нина – сначала на хлебозавод, а в 1968 году – в химлабораторию Качканарского ГОКа. Жили дружно, радовались за подрастающих сыновей, вместе решали большие и малые проблемы. А жизнь готовила им новую проверку.

В 1971 году один за другим умерли отец и мать Нины. Как тяжело, как больно! Но рядом муж, внимательный, надежный, все понимающий. Вместе переживали они общее горе и не подозревали, что вместе-то они живут последние денечки.

С похорон тещи, из поселка Маломальского, Геннадий возвращался с 13-летним сыном Юрой. Был октябрьский гололед – и их машина перевернулась. Но чудом уцелели и вместе с водителем выбрались наружу. С обочины Геннадий вышел на дорогу и хотел остановить проходившую мимо бортовую машину. Но грузовик промчался на полном ходу, сбил голосовавшего человека и еще долго тащил-волочил его по земле. Видевшие это сын-подросток и взрослый мужчина были одинаково шокированы и беспомощны. Им помогли пассажиры автобуса, который шел в это время с Иса. Они узнали пострадавшего земляка и доставили его в больницу. Там, не приходя в сознание, Геннадий скончался. И было ему 40 лет.

Вот это уж испытание, так испытание! Выдержит ли его Нина Аркадьевна? Где взять силы, чтобы устоять на ногах, собраться с мыслями и не получить от жизни «неуд»? Кто поддержит, если нет больше человека, который был ей надеждой и опорой 17 лет? Такое ощущение, что кругом пустота, а она одна, совсем одна... Помогли друзья, товарищи по работе. Но больше всего – дети. Мысли о них и какая-то обновленная страданиями материнская любовь были спасительными, заставляли

действовать.

Через много лет повзрослевшие сыновья, имеющие своих уже взрослых детей, спросят: «Мама, почему ты, оставшись одна в 35 лет, так и не устроила свою судьбу?» Да потому и не устроила, что не о себе думала. Потому и не устроила, что судьбой ее стали дети. Как растить их без отца? Чем восполнить его отсутствие? Как прожить с ними на ее скромную зарплату?

Вопросы, вопросы... Нина понимала, что никто за нее на них не ответит. И отвечать надо не вздохами да охами, а делом. А дело долго ли искать, если у тебя руки неленивые и есть еще отчий дом. Правда, путь туда далек и долог и добираться непросто, но по выходным дням в течение лета Нина Аркадьевна и сыновья жили на Маломальском, возделывали огород, который был им хорошим подспорьем.

А зимой все учились: Юра – в школе, Алексей – в Исовском геологоразведочном техникуме, выпускником которого был его отец и о котором мечтал Юра. Нина Аркадьевна тоже решила учиться. Учиться, чтобы заполнить зимние вечера и душевную пустоту, отогнать мрачные мысли, приглушить тоску. Пошла на вечернее отделение Исовского техникума... А не страшно садиться за парту после перерыва в два десятка лет? Страшновато. Но она удивительно легко выдержала и вступительные, и выпускные экзамены, успешно защитила диплом – вышла из техникума электромехаником.

Училась она не ради карьеры, не ради продвижения по службе, а чтобы преодолеть себя. И это у нее получилось. Нина Аркадьевна вновь почувствовала внутреннюю силу; а сила ей была нужна двойная: ведь жила она теперь за двоих и отдавать детям тоже должна за двоих. Работала по-прежнему в лаборатории и труженицей слыла безотказной: и лаборантом была, и табель вела, и на машинке печатала, а потребовалось на склад – оформили Казанцеву кладовщицей. Так в этом звании и до пенсии доработала. Добрая и требовательная, веселая и серьезная, прямолинейная и справедливая – такую оценку выставил ей трудовой коллектив.

Ну вот ты и пенсионерка. Теперь можно расслабиться, перевести дух, подумать о себе и начать по-новому. Ведь не зря порой говорят, что на пенсии жизнь только начинается. Нина Аркадьевна и впрямь начала по-новому, и вообще пришлось круто перестраиваться: новое время, совпавшее с ее пенсионным возрастом, не зря называлось перестройкой. Нина вернулась в деревню.

Современный Маломальский не похож на прежний оживленный поселок. Давно заглохло производство, исчезли многие дома, словно сбежав куда-то вслед за пропавшей узкоколейкой и веселой «кукушкой». Лишь десяток усадеб, ставших дачными участками качканарцев, оживают весной и летом.

Ожил и Нинин дом. Она не могла допустить, чтобы ее существование попало в унижительную зависимость от скудной пенсии и прочих перестроечных обстоятельств. И «юная пенсионерка» развернула кипучую деятельность. Повеселел заново умытый бревенчатый дом, расцвел обласканный ее руками огород, зазвенел многоголосьем двор, где временно проживали козы и овцы, кролики и куры, а уж поросята и

корова получили там постоянную прописку.

Всем нужны любовь и забота, а значит, надо крутиться. И везде наша пенсионерка успевала: огород копала и воду носила, дрова колола и сено косила, да на себе его и таскала. Летом от зари до зари на ногах; да и зимой дел со скотиной хватает, а длинными вечерами – сплошное рукоделье: порет и шьет, шерсть теребит и прядет, носки и варежки вяжет, что-то ремонтирует. Да разве опишешь всю эту деревенскую круговерть?

И так изо дня в день, из года в год. Уставала? Конечно. И чем дальше, тем больше чувствовала свой возраст. Нелегко. Зато детям и внукам, да и ей тоже, вдоволь хватало мяса, молока, всяческих солений и варений. Это утешало и радовало Нину Аркадьевну все восемь с лишним лет, пока она почти безвыездно жила на Маломальском. И это тоже был экзамен. Данный сельскохозяйственный предмет она выбрала по собственной воле, но с годами почувствовала, что на «пятерку» уже не тянет.

Можно бы, конечно, воспользоваться шпаргалкой. Но как в нее заглянешь, если с прошлого лета весь Маломальский погрузился во тьму? Кто-то догадливый снял провода от Глубокой через Маломальский до Талисмана – около семи километров. Исчезли последние следы цивилизации. Даже насосы, качавшие воду из скважин, теперь бездействуют. И дачники по дороге из Качканара набирают воду во фляги на Глубокой и везут ее на Маломальский. А Аркадьевне, жителю постоянному, приходится за водой ходить на колодец – почти километр, да все в гору. Это летом. А зимой можно бы из проруби, но речная вода после аварии на шламохранилище стала грязной и густой, как кисель или каша. Погибла рыба, исчезли бобры, норки, ондатры. Печально было видеть это умирание природы!

Наступила зима – все безобразие ушло под лед, скрылось под снегом, а Маломальский утонул во мгле кромешной. Не поселок, а тупик таежный! «И живу я тут, как Агафья Лыкова, – говорит Нина Аркадьевна. – Хотели мы выбраться из этого тупика, письмо Росселю написали от всех трех поселков. Но ответа не дождались. Наверно, рассмеялся только: подумаешь – Маломальский какой-то!»

Да, не хранит их талисман, не чувствует Маломальский хоть самой маломальской помощи, Глубокая объята глубокой тоской. А губернатор безмолвствует...

Скоро весна. Вместе с птицами перелетными опять захлопочут на Маломальском дачники. Появится там и Нина Аркадьевна, намеренная только картошку садить. Трудовую эстафету передает молодым, а она, пенсионерка со стажем, будет теперь решать задачи попроще: обживать свою однокомнатную квартиру, привыкать к городскому благоустройству.

2000 год

ВЕРНОСТЬ

С утра у ней все валилось из рук, а сердце сжималось в какой-то безотчетной тревоге. Едва на базе орс начался рабочий день, Полину пригласила заведующая. Говорили о чем-то незначительном, и от этого становилось еще тревожней.

– А как сегодня работает ваш муж? – вопрос был задан словно мимоходом, невзначай.

– Да из ночи прийти должен, – тоже мимоходом ответила Полина и, словно спохватилась: – Что-то случилось?..

– Посидите тут, – заведующая бессмысленно перебирала какие-то бумаги на столе. – Посидите. Сейчас придут из железнодорожного цеха. У них там какая-то авария...

– Он живой? – Полина вдруг отчетливо поняла причину своей тревоги и выжидающе смотрела на вошедшую в кабинет Лиду Шестакову. – Он живой?..

– Несчастье, Полина. Володе ноги отрезало...

– Обе?..

Больше она ничего не помнит, Сколько минут длился обморок? Кто помогал ей? Да и кто теперь поможет, если в жизни и в сердце оборвалось что-то и померк свет...

В хирургическом отделении ей сделали укол, и Полина успокоилась, даже окаменела. Слово во сне, шла она по длинному коридору.

– К Пшеницыну жена пришла... Жена пришла к Пшеницыну, – в сдержанном шепоте, как и во взглядах больных, – сочувствие, тревога, любопытство.

Вот и десятая палата. Неужели это он, ее Володя, под капельницей и кислородом, такой беспомощный, с отсутствующим взглядом? В первые минуты Полина его не узнала. А Володя узнал и виновато улыбнулся ей глазами. Чувство вины перед женой было настолько сильным, что порой заглушало боль, хотя в том, что с ним случилось, он не был виноват.

А произошло это на станции Агломерационная в ночь с 10 на 11 января 1973 года. Состав с вагонами МПС подавали под погрузку готовой продукции. Он, составитель поездов Владимир Пшеницын, стоял на подножке. Да разве устоишь, если машинист превысил скорость – состав врезался в груженные хопры и полезли вагон на вагон...

Раздался такой грохот, что услышали в цехе окатышей. Прибежали. И вот уже мастер Лева Трифонов склоняется над Володей:

– Чем помочь?

– Шапка слетела. Достань. Да мешков бумажных подложи мне под

голову, – говорит, спокойно, не жалуясь на боль, а сам лежит, истекающий кровью, примерзший к переехавшему его вагону: мороз-то далеко за сорок!

Приехала «скорая», а жгучий мороз и жгучее железо крепко держат травмированного. Левую ногу пришлось ампутировать прямо здесь, под ночным январским небом. А потом была операция в больнице...

И когда после операции Володя открыл глаза, он увидел мужчину в белом халате.

– Ты меня узнаешь? – спросил тот.

– Да.

– А где ты меня видел?

– Там, под вагоном.

– Но ты же был тогда без сознания.

– Нет. Все помню.

Хирург Валерий Всеволодович Васильев глубоко вздохнул, и в этом вздохе Володя уловил удивление врача, его сдержанную радость. И надежду.

Как нужна была им эта надежда!

– Он будет жить? – в тревоге спрашивала Полина.

– Возможно, – отвечал хирург. – У него очень крепкое сердце. Должен жить!

Они еще не представляли, какой нележкой окажется их дальнейшая жизнь, сколько невероятной силы она потребует от них.

Эта сила нужна была при каждом их свидании: одному – чтобы скрыть от жены физическую боль и душевное смятение; другой – чтобы не расплакаться от сострадания и непоправимого горя, чтобы не расстроить мужа.

Сила нужна была, чтобы ежеминутно спорить с самим собой, убеждать себя, искать какой-то внутренний стержень. Чтобы спорить с людьми – и такое приходилось.

– Говорят, твой-то умер, – скажет кто-нибудь из самых «чутких».

– Неправда! – кричит Полина, а сама тут же с разрешения заведующей бежит в больницу, не чуя под собою ног. Вбежит в палату, себя не помня, остановится, как вкопанная, и глазам своим не верит. Потом, обессиленная, опускается на стул.

– Что с тобой?

– Да мне сказали...

Немало говорили ей такого, чего она ни за что не повторила бы мужу.

– Не бери ты его из больницы. Зачем такая обуза? Тебе о детях думать надо. А его – в дом инвалидов: ведь на то они и существуют, дома эти...

Что ответить такому «мудрому» советчику? Он все равно ничего не поймет, потому что со своей колокольни смотрит. И не видит, что душа твоя кровью истекает, как Володя в ту морозную ночь.

И силы иссякают. Сколько же их надо-то! Работа, домашнее хозяйство, сыновья-школьники, больница и боль, боль, боль... Голова кругом идет, сердце останавливается. И такая усталость! Присесть бы, отдохнуть, забыться хоть на единый миг.

И она присела на бугорок. Снег был мягким. Мысли – тоже. Она вдруг поняла, что не нужны ей ни муж, ни дети, ни жизнь – забыться, замерзнуть,

умереть! Её это не испугало. Мысли путались, таяли и совсем исчезли.

– Вы, наверное, из больницы идете, от мужа? – трясла ее за плечо какая-то женщина. – Вставайте, идемте, я помогу... И не спорьте! Вижу, вижу, чего вы надумали, – бросьте! Вам жить надо. У вас дети! У вас муж в беде! Жить надо... Ну, чего ты раскисла?..

Невольно подчиняясь этой строгой, энергичной женщине, Полина сделала шаг, другой... Почувствовала, что возвращаются силы, и заспешила домой, к детям. Кто она и где теперь та женщина? Поклониться бы ей в ноги, сказать спасибо!

«Что же это я? Как же это я? – упрекала и стыдила себя Полина. – Ведь ему во сто раз трудней. А что, если и он... Ведь и у мужчин бывают минуты слабости». Становилось страшно, и она опять бежала в больницу, чтобы убедиться, что Володя жив.

Ее приход всегда радовал. А оставаясь один, Володя не мог совладать с собой, с мрачными мыслями, чувством безысходности. Особенно тяжелы были ночи. Во сне он видел себя здоровым и ловким и все куда-то бежал. И сон тоже бежал от него, оставляя больному тяжкие раздумья.

Володя чувствовал себя виноватым перед Полиной, которая мечется, страдает, разрывается. Ведь дома столько дел (они жили в поселке), а он какой теперь работник, какой хозяин? Обуза... Зачем он ей нужен? Может, правду говорят, что Полина оформляет на него документы в дом инвалидов? Может, так действительно лучше? Его душа тоже металась, страдала, рвалась. Порою он даже жалел, что остался жив. Кому теперь нужен?..

Время показало, что нужен.

Когда случилась трагедия, 70 человек с комбината пришли в больницу, чтобы дать ему свою кровь, – взяли у тридцати пяти. Его навещали товарищи по работе, подбадривали, желали скорейшего выздоровления. Весь город верил в него и говорил: «Все будет хорошо, Володя!» Именно так называлась небольшая, но очень нужная ему заметка, опубликованная тогда в «Качканарском рабочем».

Коллектив железнодорожного цеха поддерживал морально и материально. Два раза в тот трудный период было выделено денежное пособие. А когда врач В.В.Васильев сказал, что Володя теперь не сможет жить в своем индивидуальном доме, Пшеницыным дали благоустроенную трехкомнатную квартиру. Володя еще лечился, а железнодорожники уже делали там капитальный ремонт.

Такое внимание начальника цеха А.А.Мазуренко, председателя цехкома А.И.Лебединина, рабочего коллектива согревало. И в то же время было неловко, что он доставляет им столько хлопот. Убивало сознание того, что теперь ему нужны няньки.

Особенно остро он это почувствовал, когда выписался из больницы. Был май. Люди копаются в огородах, хлопчут по хозяйству, а он ничего не может! Непривычно, дико! Зачем жить, если себе и то в тягость? Опять возвращались знакомые мысли и было страшно оставаться с ними наедине. И было страшно Полине оставлять мужа одного.

Выручила мама, переехавшая к ним из Каменска-Уральского. Полина перешла вахтером в ЖКО: работать по 12 часов удобней – больше находишься дома, где за всеми нужен постоянный догляд.

Нелегко было начинать новую жизнь. Пообедать – непросто, встать с постели – трудная задача, принять ванну – целая проблема. Следующий этап – три месяца в протезном стационаре. Но заново ходить Володя так и не научился: слишком коротко отрезаны ноги, и протезы не подчиняются, а лишь травмируют. Так вот и стоят они в бездействии, новые, красивые. А Володю больше устраивает простая низенькая тележка.

Есть у него и «Запорожец» с ручным управлением. Водить его он учился на специальной учебно-курсовой базе, созданной для инвалидов при облсобесе. Доставил его туда Николай Топорков, которому в ЖДЦ выписали командировку, – домчал на такси до самого Свердловска.

Комбинат и железнодорожники всегда рядом, словно Пшеницын и не уходил из цеха. Ему доплачивают к пенсии до среднего заработка. Помогают копать огород, привозят торф, делают в квартире текущий ремонт. Ежегодно весной и осенью по бесплатным путевкам лечится Володя в профилактории «Зеленый Мыс». Трижды они с Полиной ездили отдыхать в Кошкуль, куда добирались своим ходом, на «Запорожце». Не забывают Владимира. Главврач больницы В.В.Васильев в любую минуту готов прийти на помощь. Знакомые и соседи всегда находят доброе слово.

Огорчает Пшенициных лишь один человек – тот самый машинист локомотива, который в ту трагическую ночь превысил скорость. Тогда он даже не подошел к пострадавшему, не навещал его и в больнице. Ни разу не пришел к Полине – не для того, чтобы извиниться или помочь, а хотя бы посочувствовать ей в горе, сказать что-то человеческое. Прошло 12 лет, а он по-прежнему словно не замечает Володю, с которым живет в одном доме. Что это: муки совести или черствость души?

Размышлять об этом Пшеницыным особо-то некогда. Жизнь идет. Сыновья выросли. Юра служит в армии. Недавно родители отправили ему посылку и поздравления с Днем пограничника. Осенью ждут его домой. А у Жени уже растет Димка – забавный кудряш, который очень любит играть и бороться с дедом.

Сыновья вступают в самостоятельную жизнь. Думается, проживут они ее правильно, достойно. Ведь в годы своего взросления мальчишки видели в семье, в родителях каждодневный подвиг души человеческой. Отец и мать дали им прекрасный урок любви и доброты. Урок верности, которая прошла испытание страданием и болью, испытание временем.

Что помогло им выстоять?

Полина Дмитриевна считает: Володино мужество. Он не раскис, не озлобился, как иные инвалиды, которые в своем несчастье готовы винить целый свет и ищут утешение в рюмке. Володя не опустил и душу свою сохранил неискаленной.

Владимир Васильевич считает: спасла его жена, Полина, ее нежное и верное сердце.

А оба они убеждены: им помогли люди. Помогла и помогает страна. Каждый день они чувствуют ее заботу и щедрость.

1985 год

И ТОРЖЕСТВУЕТ ЖИЗНЬ

У Вероники Ложкиной был день рождения. В небольшой однокомнатной квартире собрался почти весь класс. Все, что было на праздничном столе, Вероника и ее подружки-пятиклассницы приготовили своими руками. А вкусный «муравейник» испекла Людмила Алексеевна Крупина – их первая учительница. Настроение у хозяйки и гостей было отличное, аппетит – отменный. Ребята пели песни, читали стихи, играли, с завязанными глазами рисовали мелом дружеские шаржи. Чувствовали себя непринужденно и весело, как в большой и дружной семье.

И центром этого веселья была мама именинницы – Галина Алексеевна Ложкина. Она так задорно смеялась, так искренне радовалась каждой ребячьей шутке, что сама походила на школьницу. Сходство довершали ее озорные серые глаза в пушистых ресницах и глубокая ямочка на подбородке.

С этой женщиной ребятам легко и просто, как с доброй матерью, надежным старшим товарищем, как с задушевной подругой-ровесницей. Галина Алексеевна часто бывает в школе № 7. Она может провести в классе интересную и серьезную беседу, подготовить с ребятами веселый праздник. Вот и сегодня у них праздник: в классе именинница. Наигравшись в квартире, дружная компания, прихватив заранее приготовленные коньки, шумной стайкой упорхнула на каток.

Весело хлопнула дверь, и внезапная тишина словно оглушила Галину Алексеевну. Хозяйка квартиры медленно прошла по комнате, остановилась у окна. В ее глазах, где еще недавно прыгали озорные детские чертики, теперь отражалась бездонная женская глубина.

За окном падали пушистые снежинки, кружились медленно, будто в вальсе. И школьные мелодии, которые только что звучали в этой квартире, сменились в душе Галины Алексеевны какой-то нежной, грустной музыкой. Женщина села на диван, взяла аккордеон, ласково погладила клавиши. И запели клавиши, и запела Галина Алексеевна – голос красивый, сильный:

*– Снегопад, снегопад,
Не мети мне на косы...*

Она наклонила голову, и волосы тяжелой темно-русой волной покрыли ее плечи. Эта музыка и эти снежинки за окном уносили Галину Алексеевну далеко, в Кирово-Чепецк, город ее детства, послевоенного детства.

И вспомнилась ей мама Марина Филипповна. В этой неграмотной женщине, маленькой и хрупкой с виду, было столько скрытой внутренней силы, что ее хватило, чтобы вынести все тяготы жизни, одной, без мужа

поднять своих детей и работать, работать до седьмого пота. До сих пор удивляется взрослая дочь, глядя на мать, которая в свои преклонные годы легко снимается с места и едет, мчится к тому из детей, кому сейчас больше всего нужна ее помощь, ее неиссякаемая доброта.

В том далеком детстве увидела Галина Алексеевна себя – тоненькую, как Вероника, и такую же живую девочку. Вспомнила школу, куда ходила восемь лет; столярный цех, где работала станочницей, и, конечно, школу ФЗО, которую она закончила на «отлично» – и стала рабочим человеком с высоким разрядом.

Потом четыре года на заводе. Может, и навсегда осталась бы она заводчанкой, если бы не объявили однажды набор на курсы медсестер. Почему поступила на эти курсы, она и сама не знает. А когда начала учиться, стало непонятно: почему же сразу-то после школы не пошла в медицину?

–Снегопад, снегопад,

Не заснежь мою нежность...

Галина Алексеевна прикрыла глаза, словно боялась расплескать хлынувшую из глаз любовь и нежность. Ей вспомнился вальс, прекрасный вальс, который они с мужем танцевали на свадьбе своей племянницы. Женя бережно держал жену за талию и говорил:

– Какая ты у меня красивая! Лучше невесты, ей богу! Лучше всех!..

Это был их последний танец. Женя Ложкин, веселый, белокурый парень, скончался неожиданно, от острой сердечной недостаточности.

Не верилось, не укладывалось в сознании. Столько лет вместе, рядом – и вдруг одна!.. Да тогда, в 1973-ем, ей казалось, что она совсем одна в этом огромном мире, в этом незнакомом Качканаре, где они с Женей прожили только пять месяцев. С юным городом связывали они свои лучшие мечты и надежды. И все рухнуло.

И ей бы, конечно, не справиться с горем, если бы не ее девочки. Эти родные создания (Марине тогда было восемь лет, Веронике – годик), пожалуй, первыми напомнили матери, что она на этом свете не одна: есть дочки, которым нужны ее тепло и душевная сила, ее улыбка.

Ей бы, конечно, не выстоять, если бы не ее удивительная мама, которая умеет быть рядом, когда это тебе всего нужней.

Ей бы, возможно, не выпрямиться, если бы не добрые люди: коллектив пятого стройуправления, где работал плотником ее Женя; если бы не качканарские медики...

Песня давно умолкла. Галина Алексеевна сидела, положив руки на аккордеон и опершись на них подбородком.

Окинула взглядом праздничный стол, в центре которого стоял яркий букет живых цветов, – вернулась в день сегодняшней, вздохнула глубоко и улыбнулась, благодарная людям за их отзывчивость и доброту.

Эти цветы имениннице подарила Светлана Федоровна Самочернова. Они горели, как костер на снегу, согревающий душу в зимний день. Галина Алексеевна долго смотрела на букет, тонкие стебельки и нежные цветки которого напоминали ей и хрупкую Веронику, и добрую, щедрую Светлану Федоровну.

Эта женщина с светлым именем и чистой душой словно рождена для того, чтобы дарить людям свет жизни. Галине Алексеевне кажется глубоко

символичным, что именно С.Ф.Самочернова возглавляет акушерско-гинекологическую службу города.

Десять лет работает Г.А.Ложкина в этом отделении и не перестает восхищаться Светланой Федоровной. Видя ее в работе, медсестра нередко думает: что это – высокое сознание своего долга? Самоотверженное служение делу? И приходит к выводу: и то, и другое; но прежде всего работа – это ее жизнь, ее большая и верная любовь. Каждому новорожденному, каждой женщине-матери, всем пациентам С.Ф.Самочерновой помогают не только знания и опыт, но и ее любовь. И каждая спасенная жизнь оставляет радостный след в ее сердце и серебристый – в ее волосах.

Медсестра убеждена, что Светлана Федоровна владеет каким-то особым секретом. Обаятельная женщина, добрая и мягкая по характеру, лишенная всякого начальственного и назидательного тона, она вместе с тем является прекрасным руководителем, к каждому слову которого внимательно прислушиваются, каждое распоряжение которого выполняют с готовностью. Дружный, стабильный коллектив работает под руководством С.Ф.Самочерновой, и Галине Алексеевне кажется, что все врачи и медсестры, такие разные по натуре, в чем-то очень похожи на Светлану Федоровну.

Вот Нелли Петровна Милюц. При первом знакомстве с нею Галине Алексеевне показалось, что это очень строгая и неприступная женщина. А оказалось, что с нею очень легко работать. Легко потому, что Нелли Петровна, простой и искренний человек, знающий врач, самозабвенно любит свою профессию: в экстренных случаях она может и систему зарядить для больного, и «вколоться» в его вену, выполнить много других дел, не думая о том, входит это в ее обязанности или нет. Зато она всегда помнит, что ее святая обязанность – спасти человека. Ради этого она не жалеет ни себя, ни своего времени, Галина Алексеевна вообще удивляется, как Нелли Петровна и Светлана Федоровна хватает 24 часов в сутки: ведь при огромной занятости на работе, при большой профессиональной ответственности они еще и жены, и матери, и просто женщины.

А люди они, конечно, необыкновенные, как и все, кто стоит на страже здоровья матери и ребенка. В этом Г.А.Ложкина убедилась за годы работы в данном коллективе. Энергичная и отзывчивая старшая медсестра Нина Александровна Баженова, внимательная и ловкая процедурная сестра Алевтина Бареевна Хисматулина, постовые сестры: требовательная и добрая Валентина Александровна Шихова, простая и душевная Тамара Михайловна Егоренко, ласковая и нежная Нина Александровна Путятинна – все они, как и Галина Алексеевна Ложкина, делают общее дело, которое считают самым главным в жизни. Недаром девизом коллектива являются слова: «Оздоровить источник жизни – женщину – одна из важнейших задач общества». И они решают эту задачу добросовестно, самоотверженно, не гонясь за длинным рублем, не жалуясь на трудности, которых в их работе немало.

Да и разве можно пасовать перед трудностями, если эти женщины у истоков жизни! Все они хорошо знают, какое это счастье и какая ответственность – быть матерью. Это святое чувство, эту главную мысль

внушают они и своим пациенткам, особенно молодым. Как внушают? Путем индивидуальных и коллективных бесед, лекций, с помощью стенгазет и санитарных бюллетеней, которые сами выпускают.

Один из последних санбюллетеней, подготовленный Г.А.Ложкиной, так и назывался – «Не лишайтесь счастья материнства», Когда-то ее взволновало стихотворение Ирины Быченковой «Пусть он увидит солнце!», и она решила поместить его в бюллетене.

Остановись!

Пусть он увидит солнце,

Услышит шум весеннего дождя

И будет в час счастливейшей бессонницы

Смотреть на звезды, глаз не отводя.

Тебе легко не дать ему родиться,

Тебя не станут за руки держать,

Ведь он не сможет даже защититься,

Не сможет крикнуть, встать и убежать.

А разве не смогла б ты поделиться

С ним миром, домом, лаской и теплом

И, если нужно, даже потесниться

И дать ему местечко за столом?

И, может быть, никто другой, а этот,

Чья жизнь уже на ниточке висит,

Окажется учёным иль поэтом,

И целый мир о нем заговорит...

Женщины с интересом читали санбюллетень: видно, поэтические строки не оставили их равнодушными. И Галина Алексеевна была довольна.

Те счастливые мгновения, когда она сама стала матерью, до сих пор согревают ее душу, хотя радость замужества оказалась недолгой. Ее девочки, разные по характеру, росли одинаково самостоятельными. Да иначе, наверное, и быть не могло.

Марина росла доброй и отзывчивой, как бабушка, чьим именем ее нарекли. Она рано почувствовала себя взрослой и была не только старшей дочерью, но и маминой помощницей, ее советчиком и другом, а для маленькой Вероники – не только старшей сестрой, но и умелой нянькой, наставником в учебе.

Дружными росли девочки, трудолюбивыми, заботливыми. Придет, бывало, Галина Алексеевна домой после дежурства – дочери встретят ее тепло и ласково.

–Ты, наверное, очень устала, мама? Давай мы тебя разденем, разуем... Садись.

И усталость как рукой снимает. Кстати, об усталости. Не раз замечала Галина Алексеевна такую закономерность. Вот на работе – целый день на ногах, смена выпадет тяжелая, тревожная, а усталости не чувствуешь. Это, наверное, потому, что о себе подумать некогда – думаешь и заботишься о больных, которым ты нужна. Но вот смена кончилась. Привычными движениями снимаешь белый халат и вдруг отчетливо понимаешь, что страшно устала, не держат ноги. Словно вместе с халатом сбросила с себя какую-то дисциплинирующую узду, позволила

себе расслабиться. И уже не идешь, а буквально плетешься домой.

Переступаешь порог квартиры, а тут девочки, дочки. Ты видишь: тебя ждут, тебе рады, тебя любят. И забываешь об усталости, и чувствуешь прилив новых сил. Как все-таки хорошо, что есть у тебя любимая работа и есть люди, которые тебя любят!

Как хорошо посидеть после работы с дочерьми, поговорить о том, как у каждой из троих прошел день, что они сделали хорошего, чем порадовали своих друзей. Любит Галина Алексеевна такие вечерние беседы. Они как душевная зарядка перед новым рабочим днем.

Как-то незаметно прошли годы. Марина закончила среднюю школу, сейчас учится в горном институте. Рада за нее Галина Алексеевна. И вместе с тем тревожно за Веронику, которую теперь приходится оставлять одну, уходя на работу в ночную смену. Она, конечно, самостоятельная: утром не проспит, и завтрак себе приготовит, и в школу не опоздает. Это хорошо.

Но не спокойна материнская совесть. Галина Алексеевна чувствует постоянную вину перед Вероникой за то, что не может уделять ей столько внимания, сколько хотелось бы. Заболела дочь – и мать казнит себя: недоглядела. Пробовала брать Веронику с собой на дежурство – так спокойнее, но ведь это тоже не выход. Что делать? Случаются такие минуты отчаяния (даже не минуты, а дни), что хочется все бросить и заняться только дочерью. Что делать? Может, переменить работу? Даже этот вариант кажется ей в такие минуты вполне вероятным.

Бывает, сдадут нервы, подкатит слеза, разольется по телу усталость. И хочется спрятаться куда-нибудь, чтоб никто не видел твоей слабости. Да расслабляться-то некогда: медсестру зовут, и она спешит к больному. Умеет собраться, подтянуться сразу, как-то вдруг.

И как она могла подумать о какой-то другой работе? Как могла представить себя без этих людей, врачей и медсестер, у которых ведь тоже свои проблемы и трудности и которые тоже не хнычут, потому что есть у них самое главное – дело, которому они служат.

Да! Да, ее зовут. И Галина Алексеевна, поправив привычным движением халат и белую шапочку, спешит к больным. И снова слышатся в отделении ее негромкие энергичные шаги, ее спокойный, уверенный голос. И снова приветливо улыбаются людям серые глаза в пушистых ресницах.

И так – каждый из них. Приходя на работу, они оставляют за порогом отделения и плохое настроение, и личные невзгоды, свои слабости и недуги – думают только о работе. Не удивительно, что в отделении царит атмосфера доброжелательности и какого-то особого, домашнего тепла.

С открытыми сердцами и добрыми улыбками идут эти люди к своим пациентам, с верой в человека и в медицину открывают двери палаты.

Тишина больничной палаты. Как она многозвучна!.. В ней тревоги и радости, в ней человеческие судьбы. Вот в этой тишине блеснул светлый лучик – это улыбается женщина, перенесшая сложную операцию. Вот тишину роддома прорезал звонкий крик младенца – это новый человек заявляет о себе миру. Все муки и тревоги позади – торжествует жизнь.

УРОКИ ДОБРОТЫ

Первое октября... И по календарю, и по погоде – осень. Утренний воздух уже припахивает морозцем, шепот желтеющих листьев уж отдает знакомою тоской. А на душе Александры Александровны солнечно и тепло. Потому что она идёт на работу, идет к детям. Так было и в прошлый понедельник, так было в прошлом году. Так было и сорок лет назад. К этому светлому чувству прибавляется вечное волнение, которое наполняет сердце энергией, а жизнь – особым смыслом.

Правда, тогда, в 1938-ом, выпускница нижнетуринаской средней школы Шурочка Жданова еще не знала всех своих сил и возможностей и о высоком смысле жизни не думала. Нужно было работать, помогать матери. А в школах не хватало учителей. Отправили их, четверых девчонок, на короткие курсы в Свердловск, выдали небольшое денежное пособие, а к началу учебного года Шурочка и ее подруга Валя уже прибыли в Косью.

Незнакомый поселок, новые люди, новые обязанности. Как ни старалась Шурочка, она не могла представить себя в новой роли. Учить уроки, каждый день ходить в школу, сидеть за партой – это привычно и понятно. Но войти в класс и встать за учительский стол – это в сознании не укладывалось. Это и смешно, и страшно... Она ворочалась в постели всю ночь и лишь под утро, кажется, заснула.

А когда открыла глаза, за окном уже брезжил рассвет, начинался новый день – 1 сентября. И у изголовья стоял Николай Георгиевич. Николай Георгиевич Тимкин – директор Косьинской школы. За неимением ничего лучшего он поселил пока девчонок у себя...

Говорил Николай Георгиевич неторопливо и спокойно, смотрел заботливо и ласково – и Шурочка чувствовала, что робость куда-то уходит. Каждое его слово ложилось в душу, как зерно в благодатную почву. Было удивительно, но Шура вдруг поверила, что она учительница, что это не смешно и не страшно. Это очень серьезно и ответственно. На всю жизнь запомнила Шурочка это утро как первый урок мудрости и доброты. И в течение всего года Н.Г.Тимкин был рядом. Умел помочь, поддержать и потребовать. Как отец, как директор, как друг. Хорошо, если в начале пути встречаются нам такие люди. Шуре везло на хороших людей.

Следующий учебный год начался для нее в Глубоковской школе. Внешне она была та же Шурочка: тоненькая девушка с пышными волосами и голубыми глазами. А внутренне, пожалуй, уже Александра Александровна: страха больше не испытывала, с интересом ждала новой встречи с детьми и волновалась. Она тогда еще не знала, что волнение не

покидает учителя всю жизнь, и всячески старалась справиться с ним. Не получалось.

Да и в работе не всё получалось. Но рядом были Иван Матвеевич Наулайнен, Александра Георгиевна и Борис Иванович Моховы, Григорий Георгиевич Каракулов – был учительский коллектив, дружный и работоспособный, требовательный и доброжелательный. И Шура чувствовала, как в общении с этими людьми крепили ее силы, как день ото дня взрослела она, все больше осознавала высокое предназначение учителя. Учила детей и училась сама – у жизни, у товарищей по работе, училась в институте.

Летом 1941 года она готовилась к очередной экзаменационной сессии, но поездку в институт пришлось отложить: в поселок пришла страшная весть, которая как-то вдруг изменила привычное течение жизни.

Шура шла, торопилась, бежала туда, куда двинулась вся Глубокая, – в сторону клуба. Какой он, оказывается, большой, их поселок. Сколько людей, и взрослых и маленьких! Говорят речи, прощаются, плачут... И она пришла проститься – проводить на фронт односельчан и мужа своего Григория Богомазова. Полгода только прошло, как они поженились, – уже расставаться. Не верится. Не хочется. Да что же делать-то?.. Конечно, есть Гриша, любимый человек; есть свой поселок. Но ведь есть еще и страна, тоже своя и тоже любимая. Да такая большая... Вот тут, над Глубокой, солнце светит, а где-то там, далеко-далеко, рвутся бомбы, горит земля и гибнут дети. Какое горе для всех!.. Шура смотрела в заплаканные лица людей и видела: они чувствуют и думают то же, что и она.

Общая боль... За годы войны Шура поняла, как велико и свято это чувство. Именно оно помогло пережить ей личную утрату – смерть сына-первенца, который умер, не прожив и года. Александра Александровна видела, как общая боль роднит людей, делает их тверже и добрей. А потом была общая радость – победа. Она, конечно, не сделала меньше боль утрат и все-таки это была великая радость. Вспоминает Александра Александровна сейчас то суровое время и отчетливо осознает, что явилось оно уроком мужества и гражданственности. Для ее учеников и для нее самой.

Григорий вернулся израненный, совершенно больной. И все-таки живой! Это была ее, Шурочкина, радость. Вместе с Богомазовыми радовались все. И Шура была счастлива. Стали строить дом, строить семью. Шли годы. Один за другим поднимались дети: дочери Ира и Лида, сыновья Женя, Геня, Сережа. И тут, пожалуй, впервые Шура заметила, как коротки земные сутки. Дети, домашнее хозяйство, больной муж – и школа, родимая школа... Где на все взять время? Выручали материнская и женская любовь, безграничная доброта и терпение. Не жаловалась. Правда, одно время не работала, но очень недолго. Потом опять вернулась в школу.

Без школы она не могла. Вроде бы случайно избранная профессия оказалась ее призванием, ее звездой. Работала увлеченно, с удовольствием. Да разве можно иначе, если рядом с тобою дети? Собственными руками да вместе с ребятами изготовила десятки, сотни наглядных пособий. Ученики и учителя любили Александру Александровну. За трудолюбие, за скромность, за доброту.

Радовалась вся школа, когда сюда пришла весть, что учительница А.А.Богомазова награждена медалью «За трудовое отличие». А Александра Александровна растерялась. Вскоре ее отправили в командировку.

– Поезжайте в Свердловск, – сказал директор школы. – Приглашаются все награжденные на торжественное вручение.

Всю дорогу, пока ехала до Выи, Александра Александровна сомневалась. Она чувствовала, что в ней просыпается прежняя Шурочка, юная, робкая и застенчивая. Александра Александровна думает: «Наградили... Не за медаль, конечно, работала, а для души, для детей. Но все - равно приятно». А Шурочка ей говорит: «Боже мой, торжественное вручение! Это так страшно!..» Александра Александровна убеждает: «Надо ехать. Пригласили, ждут. Надо ехать. Иначе несолидно получается». А Шурочка: «Торжественное вручение – это столько людей! И все незнакомые... Нет, не могу! Стесняюсь, боюсь... Лучше тысячу раз войти в незнакомый класс». Так в спорах доехали до Выи. Тут пересадка на Свердловский поезд. Александра Александровна, сохраняя солидность, поднялась на подножку и хотела войти в вагон. А Шурочка неслышно ойкнула и пугливой девчонкой спрыгнула обратно на землю.

– Ну, где ваша медаль? – спросил, увидев ее, директор.

– Нет медали, – Александра Александровна опустила глаза, как провинившаяся школьница. – Не поехала я.

Директор рассердился.

– Я не допускаю вас больше до уроков! Слышите? Что это за детство такое?..

Пришлось ехать.

Она шла по ковровой дорожке в просторном, светлом кабинете. Народу было немного (на торжественное вручение опоздала), но все равно было очень торжественно, празднично. Ее поздравляли, благодарили, желали здоровья. Она тоже благодарила, но так волновалась, что, кажется, забыла все слова. Слова пришли к ней лотом, когда она села в поезд и поехала домой. Всю обратную дорогу упрекала себя за неловкость и растерянность. Вновь и вновь вспоминались торжественные минуты, и к горлу подкатывал комок. Да что поделаешь? Не привыкла она быть в центре внимания, не любила громких слов, не считала своих заслуг, а просто работала. Работала, жила, поступала так, как ей велело сердце. И ни время, ни возраст не изменили ее натуры.

Сравнительно недавно, уже в Качканаре, был такой случай. Пришли к ней два человека.

– Здравствуйте, Александра Александровна!

Один из них был знакомый – Иван Матвеевич Наулайнен, с которым работали вместе на Глубокой.

– А меня не узнаете? – мужчина лет пятидесяти смотрел на нее сверху вниз и улыбался ласково. – Не припоминаете?.. Ваш ученик Миша Халемин. Ничего себе вымахал, правда?.. Здравствуйте, Александра Александровна!..

– И вправду Миша... Ну, проходите!..

Потом, когда они сидели за столом в кругу знакомых, она все смотрела на Мишу. Так вот он какой, Михаил Никанорович! Прошел всю войну с

Уральским танковым корпусом, 25 лет проработал сталеваром в Нижнем Тагиле. Она гордилась Мишей. Он тоже гордился своей учительницей. И не скрывал этого.

– Рассказать вам, как я искал и нашел ее? – спрашивал Миша и снова говорил об Александре Александровне, о школе. Он ничего не забыл, он помнил мельчайшие детали и подробности далекого детства. Он привел десятки примеров, доказывающих, какая прекрасная учительница Александра Александровна.

– Ведь чем силен учитель?.. Своей добротой, своим материнством. Только добрым людям можно доверять детей! – убежденно говорил Михаил Никанорович и с благодарностью смотрел на Александру Александровну. А она чувствовала, что ей, как когда-то Шурочке, хочется снова прыгнуть с подножки и убежать отсюда, где так много говорят о ней. А за столом сидел ее ученик. Испытанный жизнью человек. Он воевал за то, чтобы на земле торжествовала доброта и справедливость. И если через десятки лет он пришел к своей учительнице, как к целебному источнику добра, – значит, была в том такая потребность, значит, действительно очень сильны эти добрые, щедрые люди.

На свете много добрых людей. Это Александра Александровна знает хорошо.

Несколько лет назад у Владика и Саши Поздняковых случилось большое горе: их мать, работница железнодорожной станции, погибла под колесами поезда. И неизвестно, что стало бы с мальчишками, не оказались рядом добрые люди: работники станции Качканар, учителя пятой школы и она, А. А. Богомазова – общественный инспектор по охране прав детей. Сейчас Владик в армии служит, Саша учится в ГПТУ. Хорошие растут ребята.

Общественный инспектор по охране прав детей. Этот пост доверяют не каждому. Александре Александровне доверили. Если ребенок в беде – она всегда рядом. И вовсе не по обязанности инспектора, а по велению своего щедрого сердца.

– Да разве можно его сразу отправлять в интернат? – говорила она как-то в гороно. – Ведь там незнакомые люди. А он сейчас в таком состоянии... Знаете, что недавно было?.. Стал он купаться в ванне. Я хотела ему помочь. Но он отказался: стесняется, видно... А через несколько минут как заплачет, как закричит в испуге. Прибегаю: «Что случилось? Не плачь, успокойся!». Прижимаю его к себе, мыло с него смываю, а он весь дрожит. «Мама ко мне в ванну приходила, – говорит. – Сначала она в окошечко заглядывала, а потом зашла».. Разве можно в таком состоянии отправлять ребенка в интернат? Пускай поживет пока у меня, пускай отойдет немного»..

И мальчик больше месяца жил у А.А.Богомазовой. Всех готова она приютить, согреть своим материнским теплом.

А Сережа Степаненко?.. Попала в аварию и умерла его мать.

«Куда теперь Сережку?» – думала Александра Александровна.

– Как это «куда»? В детдом, – утверждал его дальний родственник, чей-то дядя.

Но тут нашлись хорошие люди и взяли Сережу в свою семью, усыновили. Наталья Евгеньевна и Михаил Федорович Сумкины – учителя.

Спасибо им!

«Спасибо им!» – говорит А.А. Богомазова, имея в виду всех хороших людей, которые встретились на ее жизненном пути.

Есть, конечно, раны, которые не исцелить. Но есть и люди, которые умеют дать тебе силы, чтобы ты не умер от этих ран.

Такой незаживающей раной явилась для Александры Александровны смерть сына Гены. Пришел сынок из армии, пожил с матерью полмесяца и снова ушел от нее, и теперь уж навсегда. Похоронила она его рядом с мужем своим, на Именновском. И померк белый свет. Да добрые люди не позволили ей сойти с ума. Спасибо им, учителям пятой школы, за то, что вновь вдохнули в нее жизнь!

И живет Александра Александровна. Живет, работает, греет теплом своим всех, кто в нем нуждается. Работа – спасает. Вот и нынче все лето занималась она с ребятами в детском клубе «Юпитер».

А потом заговорили с ней о пенсии. Конечно, возраст уже не молодой. Пора. Она это понимает. И все-таки стало грустно: неужели это все? Ведь в душе она по-прежнему Шурочка, стеснительная и робкая, но полная сил и желания работать. А уже говорят о пенсии. Как быстро время летит!..

В конце августа пришла она в школу. В учительской никого: все, наверное, на конференции. Все готовятся к новому учебному году, а она вроде бы никому не нужна. Непривычно это и очень печально... Пригласили ее в кабинет директора. Зашла. Пыталась шутить, а на сердце было тревожно: сейчас скажут «прощай!»

Нет, ей не сказали «прощай», потому что ее мудрость, ее материнская доброта нужны детям.

И вот в этот осенний день, как и много лет назад, идет Александра Александровна к детям. На душе у ней тепло и солнечно. К этому светлому чувству прибавляется знакомое волнение. То вечное волнение, которое наполняет сердце энергией, а жизнь – особым смыслом.

1979 год

КОНТАКТ

Когда я спросила у Сергея Петровича, что, по его мнению, является главным в воспитании, он, не задумываясь, ответил:

– Контакт. Главное – чтобы цепь замкнулась и пошел по ней ток.

– Понятно. Значит, на одном конце этой цепи воспитатель, а на другом – воспитуемый?

– Да. Как два радиоэлемента. Если соединить их проводником, получится контакт. И будет он тем крепче, чем лучше пайка и качественней проводник.

Я не удивилась, услышав такое техническое толкование из уст преподавателя радиозлектроники С.П.Зеленина, который между тем продолжал:

– Или возьмем авиаторов. Как заводят винтовой двигатель? Пропеллер вращается, вращается, набирает обороты. Есть контакт! Электрическая цепь включена, машина готова к взлету. Набирай, пилот, высоту, веди самолет нужным курсом!

Сергей Петрович и Любовь Алексеевна Зеленины – учителя. Они знают, какая это сложная машина – ученический коллектив, как нелегко порой бывает завести тонкий и чувствительный двигатель, который зовется ребячьей душой. Нелегко, но привести его в движение надо, потому что каждая детская душа должна находиться в полете, а весь коллектив-самолет – следовать правильным курсом... Какой же курс этих штурманов-супругов?

Более десяти лет работают они в межшкольном учебно-производственном комбинате, на профиле «Радиозлектроника»: Сергей Петрович – учителем, Любовь Алексеевна – мастером производственного обучения. Занимаются у них 150 человек – учащиеся 7-10 классов, занимаются увлеченно, с интересом.

Что же влечет ребят к этим людям? Да, видимо, тот самый контакт, который возникает при первых же встречах с Зелениными. С чего он начинается?

С пробуждения ребячьего интереса. Влюбленный в свой предмет, романтик по натуре, Сергей Петрович так увлеченно говорит о радиозлектронике, что у слушателей загораются глаза. Значит, замкнулась цепь и по невидимым проводам пошел к ребятам живительный ток. Теперь важно, чтобы не погас этот огонь, не пропал интерес к предмету. Да такого и не случается, потому что с каждым занятием появляется нечто более важное – интерес к личности преподавателя, человека эрудированного, душевного, не похожего на других.

– Ясное дело. Зеленины от всех отличаются. Чем? А у них любимчиков нет, – говорят учащиеся.

– Они хоть и учителя, а такие же, как мы, только старше и умней. С ними про все поговорить можно, не только про уроки.

– Они не кричат, не читают мораль, не воспитывают.

Не воспитывают. Не это ли вершина педагогического мастерства, когда учителя и учеников объединяет духовная общность, при которой забывается, что педагог – руководитель и наставник.

К Зелениным ребята идут как к старшим товарищам и верным друзьям, прирастают к ним душой, припаиваются сердцем – самая надежная пайка!

– Ну, что касается души и сердца – тут у ребят есть Любовь Алексеевна. У меня – что? Обычные уроки, голая теория. А по душевной части бегут к ней.

Говоря о себе как о голом теоретике, Сергей Петрович, конечно, скромничает, а может, и чуть лукавит. Да не в этом дело. Главное, что Зеленины для учащихся как отец и мать, и можно позавидовать ребятам, которых воспитывает этот семейный дуэт.

– И как вы до сих пор не недоели друг другу? – удивляются их коллеги. – Дома вместе, на работе – вместе. Не устали один от другого?

Да нет, не надоели, не устали. Третий десяток лет идут по жизни рядом.

Познакомил их Пермский педагогический институт. Учились на одном факультете, физико-математическом. Имели «одну, но пламенную страсть», которая зовется чувством Родины. С секцией туристов, которой на факультете руководил Сергей Зеленин, они побывали на Северном Урале и в Средней Азии, на Кольском полуострове и на Камчатке, сердцем прикоснулись к родной земле, ее истории и людям, проверили себя на выносливость и прочность. Каждый поход – это новые впечатления, новые открытия. А кроме того, на нелегких туристских тропах студенты Сергей Зеленин и Люба Александрова открыли друг друга, почувствовали родство душ, тот душевный контакт, без которого не бывает крепких семейных уз.

Свой учительский путь молодая семья начинала в Пашии Пермской области. С появлением Зелениных для пашийских школьников сразу же раздвинулись границы этого горнозаводского поселка. Узнали ребята, как красив и богат наш Урал, как широка и необъятна наша Родина. Впечатления были яркими, а знания – прочными, ибо ничего нет лучше учебника жизни.

Таких вот, возбужденных впечатлениями и утомленных долгим походом, встретил их однажды в поезде К.С.Юмин, заведующий Качканарским горно, и искренне позавидовал этим ребятам, имеющим увлеченного и умного наставника. «Вот бы нам такого – руководить секцией в Доме пионеров», – подумал старый педагог и стал рассказывать Сергею Петровичу о городе юности. И убедил.

Было это в 1970 году. Легкие на подъем, Зеленины быстро снялись с места и приехали в Качканар со своим пятимесячным Вовиком. Жили сначала в Доме пионеров, а вскоре, как и было обещано, получили двухкомнатную благоустроенную квартиру. Работали учителями физики и электротехники в школе № 4, а потом, как мы уже знаем, в УПК. Словом, стали Зеленины качканарцами.

И пролегли туристские тропы из Качканара на Денежкин камень, в Пашийскую пещеру, в другие места Урала, на Памир и Тянь-Шань, на Кольский полуостров. Как и в студенческую пору, путешествуют Зеленины вместе. А как же маленький Вовка? И он путешествует. С каких пор?

– Да как родился, так и понесли, – улыбается Любовь Алексеевна, и в этом утверждении больше правды, чем шутки.

Уже в трехлетнем возрасте Вовик побывал на Памире. Нетренированному человеку в горах, сами понимаете, делать нечего. А Вовка к тому времени был уже турист со стажем и вполне образованный человек. Он много знал о горах, о разных цветах и букашках и даже о том, как делают кирпич. Потому что нет такого вопроса, на который бы не ответил папа. А туристская тропа длинная, и вопросов возникает много. Когда топаешь рядом с родителями и ребятами-школьниками, а особенно когда едешь на папиных плечах, то чувствуешь себя большим и сильным и видишь далеко-далеко на все стороны. И знаешь, что все это – твоя Родина.

И тут будет кстати перейти к семейному кредо Зелениных. Если кратко, то его, пожалуй, можно выразить словами В.А. Сухомлинского: «Детство – каждодневное открытие мира. Нужно, чтобы это открытие стало прежде всего познанием человека и Отечества. Чтобы в детский ум и сердце входили красота настоящего человека, величие и ни с чем не сравнимая красота Отечества».

Туризм в этом плане, по мнению Зелениных, – универсальное средство. Ведь из окна квартиры Отечество не познаешь. Никакая умная книга не научит преодолевать трудности, если не встретишь их в жизни. Никогда не узнаешь и не поймешь человека, если не будешь рядом с ним на пути к общей цели.

На туристских тропах вырос, возмужал сын Зелениных. Он уже не Вовик, а Владимир. Сейчас он служит в Советской Армии. И ни минуты не сомневался Владимир (как почему-то становится модным), стоит ли ему быть солдатом. Он убежден: надо; это – высокая честь и святая обязанность. Зеленину есть что защищать.

Служит достойно (ведь туризм – это закалка, тренировка, прекрасная подготовка к армии). О трудностях – ни слова, как будто их в армейской жизни не существует. Но мать и отец умеют читать и между строк. «Я как скала!» – кратко формулирует Владимир, и родители все понимают. Им, не раз видевшим горы, хорошо известно, что скала – это гордое молчание, это стойкость перед любой стихией. «Солдат – это маленький трактор, который не урчит, а все пашет и пашет», – приводит сын в письме солдатскую поговорку – и родители чувствуют: нелегко приходится ему, но «не урчит», молодец!

И уж коль Владимир напомнил нам о тракторе и пашне, то кстати будет сказать, что труд не земле – верный помощник Зелениных в семейном воспитании. Казалось бы, зачем им, непоседам и вечным странникам, участок в коллективном саду? Как один из источников существования? Может быть. Но это не в первую очередь. Главное – это тепло, которое идет от земли. Контакт с землей, убеждены Зеленины, вливает в человека силы, делает его добрым и щедрым, как сама земля.

Шестилетняя Аня Зеленина – тоже непоседа. На ее туристском

спидометре уже немало километров, намотанных на ближних и дальних маршрутах от Урала до Средней Азии. Девочка уже успела почувствовать, как велика и прекрасна родная страна. Но и эти шесть земельных соток для Анюты целый мир, и здесь на каждом шагу – открытие. Семья, согретое землей и трудом человека, становится зеленым росточком, тянется к солнцу, расцветает, приносит плоды – удивительно! И радостно. Работают детские руки – работает мысль, трудится и душа.

А душа, как сказал поэт, «обязана трудиться и день, и ночь». Импульс же для постоянной работы детской души должны давать родители.

– И в первую очередь отец, – считает Сергей Петрович. – И неважно, мальчики в семье растут или девочки. Прежде всего – отец!

Говорит он так не для красного словца. Это главный принцип его семейной педагогики. Зеленин-младший, пожалуй, никогда не чувствовал себя маленьким, хотя и был Вовиком, Вовкой. С отцом они всегда были на равных. Размолвок и конфликтов – никаких, зато интересы – общие. Сначала сказки, потом фантастика, теперь разнообразная техническая и художественная литература. Фотография, слайды, цветомузыка, конструирование. Физика, электротехника и, конечно же, радиоэлектроника, которую Владимир решил избрать делом своей жизни.

В УПК учился на профиле у родителей. В аттестате о среднем образовании лишь две четверки: по русскому и французскому языкам; остальные – пятерки. Поступал в УПИ, на радиофак, но не прошел по конкурсу. Огорчился, да что делать? Цель выбрана – надо ее добиваться. До армии работал на радиозаводе, много читал специальной литературы, осваивал любимую профессию практически. Результатом упорного труда явился собранный им самостоятельно компьютер. Многие ли мальчишки в Качканаре могут похвастаться этим?

– А вообще-то Владимиру надо бы поступать в педагогический, – считает Любовь Алексеевна. – Все у него для этого есть: терпение, любовь к детям, желание возиться с ними, помогать им.

Это у Зелениных, видать, черта семейная. Отец Любви Алексеевны, о котором она говорит с большим уважением, был прирожденный воспитатель, хотя работал в шахте. И все его восемь детей – воспитатели по духу, хотя не все сделали это своей профессией. Зеленины – педагоги по крови. Доказательством тому – их каждодневные будни и редкие, но прекрасные семейные праздники, устраивать которые они большие мастера.

Владимир выбирает иной путь, и родители мешать ему не станут: они уважают личность ребенка, его стремления. У Анюты, например, с детства прорезается интерес к рисованию – и девочка находит помощь и поддержку всех членов семьи.

«Анюта, – пишет брат, – ты молодец! Твои рисунки и переводки просто замечательны! Я давно бы обклеил ими всю кабину, будь у меня на то разрешение. Рисуй, Анюта, и присылай. И все будет хорошо. А если ты, как прежде, будешь помогать маме с папой, то это вообще здорово! Ну, в общем, Анюта, так держать! И не забывай про котенка».

Забывать про котенка Чебурашку и я не имею права, потому что он тоже член этой семьи. И даже более.

– Кто в доме хозяин: я или кошка? – спрашивает Сергей Петрович. – У

нас – кошка! Без животных детям нельзя. – В общении детей с животными Зеленин видит истоки доброты и милосердия, а о Чебурашке говорит, как о человеке: – Красавица! Белая красавица с черными и коричневыми пятнами.

– У него все красивые, – уточняет жена.

И это действительно так. В каждом человеке, а особенно в человеке маленьком, Сергей Петрович видит прежде всего хорошее и в работе с детьми опирается на их лучшие качества.

– Говорят, сейчас дети стали трудными. Нет, ребята хуже не стали. Просто к ним другой подход нужен, к каждому – свой, особенный. В подвалы бегут? Но это еще не значит, что беглецы плохие. Это значит, что они не встретили в своей жизни воспитателя – друга, который бы смог их увлечь. Ребенка, увлеченного чем-то полезным, в подвал не потянет. А кроме того, детям нужно общение, контакт. И если ребята идут в подвал, значит дома нужного контакта нет... Да и что удивляться? Придут к товарищу в гости, да так и простоят у порога или за дверью – им даже не предложат пройти: ковры запачкают, шуметь станут, беспорядок учинят... Какой уж тут контакт... Или приходит отец на родительское собрание в УПК и удивляется: «А разве он (это сын) на «Радиоэлектронике»? А я думал, на «Автоделе»... Какой уж тут контакт, если отец не знает, чем занимается сын, что он любит.

Отец и сын, по мнению Зелениных, – понятия неразделимые, как неразделимы их мысли и дела. «Ну, а сейчас о делах, – пишет отцу Владимир. – Сегодня хочу поговорить о звуковой технике. Следующее письмо – об ЭВМ. Как твое мнение? Сможешь ли подобрать детали? Как делать корпус? Может, как у компьютера? Твое мнение?»

Впечатление такое, словно Владимир, как и прежде, сидит рядом с отцом и беседует, занимается любимым делом. Папа, мама, Анюта и Чебурашка всегда рядом с ним. А потому, как пишет солдат, «жизнь прекрасна и жить хорошо! Настроение – оптимистическое!»

Настроение оптимистическое. Эти слова, словно припев хорошей песни, повторяются в каждом письме. Всегда ли они соответствуют действительности? Думаю, что нет. Ведь даже у самого великого оптимиста бывают грустные и трудные минуты. А в солдатской жизни их немало. И, наверное, порою хочется пожаловаться, поискать сочувствия. Но Владимир, видит перед собой глаза матери, сердцем чувствует ее настроение. Крепкий душевный контакт срабатывает и на расстоянии. Владимир заканчивает письмо, как всегда, хорошее, бодрое. Он не огорчил родителей – значит, все в порядке, он доволен собой. «Рядовой Зеленин», – ставит он подпись и добавляет: «Настроение – оптимистическое!». И это – правда.

1989 год

ЗДРАВСТВУЙ, МАШЕНЬКА!

Вот она, Машенька, маленький звонкий комочек в добрых папиных руках. Маша громко заявляет о своем приходе в этот мир, а радостный папа удивляется: неужели девочка? Радуются и братья: неужели у них появилась сестренка? Внимательно все пятеро мужчин глядят на это нежное существо, которое подарила им мама в прекрасный июльский день. Мужчины, забыв про работу, летний лагерь и детский сад, пришли встречать своих девочек, принесли им цветы, свою радость и любовь, удивление и восхищение.

Удивляются все, кто знаком с семьей Дунаевых. А уж незнакомые – тем более: «Пятеро детей? В наше-то время?.. Ненормальные...» Удивились в роддоме, когда Ирина пришла за пятым ребенком. Еще более удивились потом, при выписке, когда на пеленальном столике появился конверт с первым приданым для Машеньки, такой роскошный, что ни в сказке сказать, ни пером описать. «Неужели сама сшила? Ведь в магазинах такого не купишь...» Ирина только улыбнулась: а кто же, если не сама? И неужели приданое для пятого новорожденного должно быть впятеро скромней? Ребенок ведь не виноват, что он пятый. Он-то в этом мире единственный, неповторимый, желанный. Каждый малыш в семье Дунаевых желанный и долгожданный. А девочка – тем паче. «Ну, кто у вас, наконец? Дочка? Как хорошо!» – воскликнула незнакомая женщина, которая догнала Дунаевых, когда они с Машенькой на руках направлялись от роддома домой.

А вот и дом. Вот квартира, в которой еще одним человеком станет больше. Здравствуй, Машенька! Заходи! Здесь тебе очень рады! И если верно, что ребенок даже в утробе матери все слышит и чувствует, то Маша, едва переступив порог, конечно же, почувствовала, как хорошо дома. Здесь каждая стена, каждая вещь излучают свет и тепло, а воздух пропитан нежностью и добротой.

Казалось бы, семерым в трехкомнатной квартире не разбежаться, но Сергей и Ирина устроили свое жилище так, что нет в нем тесноты, а есть простор, нет ничего лишнего и есть все необходимое, все продумано до мелочей, все – от прихожей и кухни до лоджии – оборудовано и оформлено со вкусом и любовью, с максимальным удобством для всех. Для Машеньки выделили персональную комнату, самую маленькую и уютную. Теперь это святыня.

Поселить ребенка в отдельной комнате – не было раньше у Дунаевых такой возможности. Сначала жили с родителями, потом ютились в комнатке одного из домов по Качканарской улице. Но детская кроватка,

колыбелька или уголок всегда были для Сергея и Ирины святым местом, источником их радостных хлопот.

Пожились они в 1985-ом. В страну тогда пришла перестройка. Что-то пересматривали, переделывали, ломали. А Сергей и Ирина начали великое строительство, они создавали семью. И вот уже 15 лет возводят этот светлый храм, который стоит надежно и прочно, потому что в его основание молодые супруги положили любовь и взаимное уважение. А также надежду, веру и верность – все, чем они тогда были богаты и рады. С годами добавились опыт и мудрость, которые укрепляли не только фундамент, но и стены их семейного храма, где каждый кирпичик важен и дорог. И каждые три года в это светлое здание добавлялся новый кирпичик. Теперь их пять.

Впрочем, когда мы говорим о Дунаевых, то кирпичики правильной назвать бриллиантами – настолько отточены все их грани, излучающие неповторимый свет. О бриллиантах я говорю не для красного словца, а потому, что Сергей и Ирина похожи на талантливых ювелиров, которые бережно и терпеливо шлифуют характеры своих сыновей, открывая и высвечивая лучшие качества. Но, в отличие от ювелиров, Дунаевы всегда помнят, что имеют дело не с камнем, а с живою душой, неокрепшей, детской. А потому главное в их семейной педагогике – большая требовательность и большое уважение к каждому маленькому «я». Давайте же познакомимся с их сыновьями.

Алексею 13 лет. Закончил семь классов в школе № 7. Учится хорошо. Кроме того, занимается лыжами у Виктора Ивановича Нечаева. Тренировки – каждый день, иначе потеряешь форму. Алексей уже имеет первый взрослый разряд по лыжам. Как и родители, он считает, что главное для парня – физическая подготовка. Дома Леша – главный помощник. В магазин сходить, уборку в квартире сделать, обед приготовить – все он умеет и все делает с удовольствием. Очень ответственный и самостоятельный.

Косте 9 лет. По характеру он мягче. В сентябре пойдет в третий класс. Учится с интересом. Главное его увлечение – книги. Любит сидеть в читальном зале и что-нибудь интересное выписывать из книг. Натура увлекающаяся, романтическая. По примеру старшего брата Костя стал заниматься лыжами.

Шестилетний Ваня – самый серьезный. Любознательный и рассудительный, аккуратный и деловой. Все у него распланировано, все разложено по местам. Иван никогда не забудет, что он обещал и что ему обещали. Сдержит свое слово и другим напомним, если те забыли. Чистюля, он каждый день моет голову. А рисованием Ваня готов заниматься день и ночь. Сестренка была еще в роддоме, а он уже нарисовал ее большой портрет, в полный рост и в платьице, и подписал: «Маша, поздравляю!». Как и вся семья, он знал, что девочка будет Машей. Ваня уже хорошо читает и пишет. А свои многочисленные рисунки аккуратно складывает в папочку.

Трехлетний Саша знает много стихов и песен и с удовольствием радуется публику. Любит находиться в обществе Ивана. У них много общих интересов, оба ходят в детсад № 36, куда ходили и старшие братья. На Алексея Саша смотрит с обожанием. Он для него, как и папа,

непререкаемый авторитет. Саша еще мал, но характер уже чувствуется: наверно, будет, как и Иван, человеком слова и дела.

Все братья живут в одной комнате. Она кажется просторной только потому, что в ней нет ничего лишнего. Около окна – письменный стол и книжный шкаф. На подоконнике – клетка с хомячком, Костиным питомцем. У дальней стены – двухъярусная кровать для младших. Вдоль других противоположных стен – по три больших пуфа, которые служат кроватями для старших и бельевыми тумбами. Эти тумбы легко убрать или трансформировать – и тогда комната превращается в спортивную или игровую площадку, где можно от души порезвиться. Тут же, справа от двери, неширокая шведская стенка. Есть в ребячьей комнате и телевизор, но смотрят они его только по субботам: этот «ящик» не предмет их страсти – есть у мальчишек другие увлечения да и обязанности, о которых они никогда не забывают.

Ребячью резвость родители воспринимают спокойно: ведь движение – естественная потребность детей. Как и любознательность. Разобрали на запчасти игрушку – ну и что за беда? А как же иначе узнаешь ее устройство? Зато мальчишки с детства умеют конструировать, могут работать паяльником, другими инструментами.

Многое умеют братья Дунаевы. У всех есть конкретные задания. Алексей ходит в магазин, Костя выносит мусор; посуду моют все по очереди, делают уборку в квартире, сами стирают свои носки. Ваня рад бы всем постирать, да Леша свои носки ему уже не доверяет. Саше тоже хочется все делать, как и старшие. И его подключают к работе. Но пока его любимое занятие и обязанность – ложки за столом раздавать.

Всякий труд этим ребятам в радость: и в школе, и дома, и в саду. Любят они те дни, когда все вместе отправляются в сад – с посильными ношами в руках и за спиной, с добрыми шутками. Многие любят, видя эту дружную семью, а иные, видимо, завидуют: «Ребят нагрузила, а сама идет, как принцесса!». Им неизвестно, что к женщине Дунаевы относятся с благоговением и с детства учатся быть достойными мужчинами. А когда мама ждала Машеньку, братья работали в саду вполне самостоятельно: сами сажали и окучивали картошку, пропалывали и поливали грядки, ухаживали за теплицами.

Надежные растут мужчины. И все хотят походить на папу, который все знает и все умеет. Он может разобраться в самой тонкой радиотехнической детали и испечь блины, отремонтировать квартиру и мамину швейную машину, поговорить по душам с сыном. Он ответит на любой ребячий вопрос, поможет ученикам по любому предмету, даже по английскому языку. Знания Сергея многогранны. Он выписывает и получает литературу почтой. На книжных полках соседствуют произведения Солженицына, энциклопедии, приключенческая серия в 30 томах, которой зачитываются и школьники.

А папа в последнее время увлеченно изучает автомобиль. Недавно Дунаевы приобрели старенький «Москвичонок» (брали ссуду и теперь выплачивают). И стал «Москвичонок» помощником и трудягой, как и все в этой семье. Он быстро освоил дорогу до сада и обратно и хорошо усвоил, что автомобиль для Дунаевых – не роскошь.

Кстати, о роскоши. Как живет эта многодетная семья? Сергей,

работающий в «Ремэлектро», в среднем получает на руки 3000 рублей. А Ирина, как ушла с Костей в декрет, так из него и не выходит, вот уже девять лет. А что значит получить декретные деньги, пособие по уходу за ребенком, детские дотации – это хорошо знают молодые качканарские мамы.

– Дотации годами не выплачиваются, но приплюсовываются в доход семьи, – говорит Ирина, – а потому за детский сад мы платим все сто процентов: считается, что средний доход на каждого члена семьи вполне достаточен для нормального существования. Саше нашему уже четвертый год, а мой радиозавод все еще не выплатил пособие по уходу за ребенком. Сейчас пытаемся эти деньги перетащить в оплату за квартиру, чтобы они не болтались в воздухе.

Пособие по рождению Маши получил Сергей в «Ремэлектро», где Дунаевым оказали еще и материальную помощь. Да управление соцзащиты, где Сергей побывал ходяком, выплатило дотации за год. Дунаевы враз разбогатели – и тут же купили в кредит стиральную машину-автомат, которая сразу решила важную проблему большой семьи. Спасибо тебе, Машенька!

Впрочем, эта семья привыкла рассчитывать только на себя, на свои умелые руки и трудолюбие. Выручает сад-кормилец, даже два сада: свой и покойных родителей Сергея. Семья круглый год обеспечена картошкой и всем, что вырастит, заготовит.

А одевает всех Ирина. Первоклассная швея, за плечами которой профессиональное училище и технологический техникум, художница по натуре, она мастерит для детей изящные вещи. У ней идет в дело каждый лоскуток, каждая ниточка.

– Вот опять собираю полосатость, – говорит она, показывая нарядный костюмчик для дочки, который вяжет из остатков разноцветной пряжи.

А вот однотонный вязаный комплект нежного розового цвета. И еще, и еще. И не только для Машеньки. Шорты и брюки; собранные из остатков комбинезоны, куртки, комплекты верхней одежды – сыновьям: младшим поярче, школьникам поскромней. Попросила знакомых купить в Екатеринбурге недорогой ткани разного цвета – и сшила. Да такие красивые и прочные! А магазинный товар не подходит Дунаевым ни по цене, ни по качеству. Нет, Ирина лучше сама свяжет, перекроит-перешьет из старого («барахла-то детского много»), но обязательно подарит мальчикам обновку. А водить ребят в обносках – не в ее характере.

– Раз детей завели – значит, все лучшее им! – считает многодетная мать. – Лучше я себе откажу, но чтобы дети были одеты. Мы ведь у всех на виду.

Да и сама она одета со вкусом, всегда в хорошей форме. А хорошая форма для женщины – это не только ее внешний вид, но и состояние души. А душа у Ирины, как я почувствовала, всегда поет. И это тоже достойно удивления и восхищения. Ведь Ирина в постоянных заботах, часто недосыпает и, конечно же, устает. Но есть еще радость материнства; есть сознание того, что она женщина, хранительница семейного очага; есть Сергей – любящий отец и муж. И она счастлива. Так как же не петь ее душе!

– Как сядем вечером на кухне за столом и каждый свои новости

расскажет – вот интересно-то, вот удовольствие! – говорит Ирина, и становится понятно, что роскошь семейного общения напрочь снимает всякую усталость.

А сколько радости доставляют всем дни рождения – с тортами и свечками, скромными подарками и неумемной выдумкой! И о какой усталости можно говорить, если это всеобщий праздник!

Ирина всегда спокойна, доброжелательна. Муж, безусловно, глава семьи. Но погода в доме, считает она, во многом зависит от жены, от ее мудрости и душевной щедрости. У мудрой и щедрой Ирины были прекрасные отношения со свекровью. В любви и согласии живут они и с матерью.

И все-таки предметом гордости Дунаевых является независимость от родителей.

– Саше четвертый год, а у бабушки он еще ни разу не ночевал, – констатирует Ирина.

Не потому не ночевал, что Саша не пожелал или бабушка не захотела, не потому, что не доверяют бабушке. А потому, что не хотят ее обременять и сваливать на бабушку свои заботы и прямые обязанности. Погостил, пообщались, пока родители были с друзьями на шашлыках или гитарной песне, – и домой, а бабушка должна отдыхать. По выходным Дунаевы с детьми обязательно навещают родителей, а на неделе некогда: в большой семье всегда много дел.

Вот так и живут они, Ирина и Сергей Дунаевы, с почтением к старикам, с любовью к детям. Вот такая это семья, в которой с рождением Машеньки стало семь «я», и каждое – это личность, с которой считаются, которую глубоко уважают. Что же касается мужа и жены, то очень важно, по мнению Ирины, умение слышать друг друга, умение подстраиваться.

Да и как им не подстраиваться, если они строят? Строят светлый семейный храм. И хорошо строят.

– К Дунаевым я прихожу отдыхать, – говорит их родственница Антонина Суслова. – В этой большой семье какая-то особая аура – спокойствия и доброты, взаимопонимания и любви. Ухожу от них окрыленная и исцеленная. Сергей и Ирина просто рождены любить детей и друг друга.

Действительно, познакомишься с ними – и поверишь в какое-то высшее предназначение. Сергей и Ирина – ровесники, им сейчас по 36. Ходили в один детский сад, учились в одном классе школы № 7. Ирина была активистка-общественница. А Сергей – балагур и весельчак, любил играть на гитаре.

– По характеру добрый и мягкий, – говорит Ирина. – А отец из него вышел требовательный и строгий. Добрый и строгий. Он никогда не повторяет дважды. Достаточно отцовского слова, даже взгляда, чтобы мальчишки все поняли. Само присутствие Сергея уже дисциплинирует ребят. Они отцу в рот смотрят и всюду за ним: хоть в сад, хоть в гараж... Да и как же иначе-то? Ведь сыновья с рождения неразлучны с отцом. Новорожденных мы купали с ним вместе лишь до трех месяцев, а дальше уж только Сергей. Ночью, если малыш заплакал, первым к нему спешит отец. В детсад – с папой, домой – тоже. Словом, мужики у меня – единое целое... Машеньку сейчас купаем все вместе, и мальчишки готовы помочь.

А потом уж будет только моя забота: и купать, и косички заплетать. Удивительно! Не приходилось мне еще с девочкой нянчиться. А удовольствие-то какое! Я вообще очень люблю детей в младенчестве, когда они еще молочком пахнут – просто наслаждение.

Глаза Ирины светятся счастьем. А когда мы опять заговорили о Сергее, она сказала:

– Он у меня молодец! Пятнадцать лет махом пролетели!..

Пятнадцать лет супружества называют изумрудной свадьбой. Изумруд зелен и чист, весел и нежен, как зеленая трава. Пусть же он напоминает Дунаевым их зеленую свадьбу – день бракосочетания. Ведь их любовь осталась такой же юной, чистой и нежной, как и пятнадцать лет назад. И Машенька – лучший подарок к их изумрудной свадьбе.

Здравствуй, Машенька! Тебе очень рады! Пятнадцать лет в твоей стране что-то перестраивают, ломают, рушат. Пятнадцать лет бушует океан страстей, сгущаются тучи жестокости и злобы. Но ты не бойся! У тебя есть мудрые родители и чуткие братья, у тебя есть семья – та надежная гавань, которая защитит тебя в любую бурю и шторм.

Здравствуй, Машенька! Расти и здравствуй!

2000 год

ЧЕРЕЗ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ с любовью к профессиям, к детям, к семье

– Здравствуйте!.. А вот и мы!..

Навстречу Любви Михайловне шла молодая женщина с доброй улыбкой на лице и с младенцем на руках. Остановились, разговорились. Конечно же, о них: о самочувствии мамыши, о здоровье новорожденного. Общались, как самые родные люди, хотя знакомы меньше года. Много месяцев Л.М.Высоцкая внимательно следила за развитием этого человечка; первой она услышала, как стучит его маленькое сердце в утробе матери, и сделала все, чтобы появление малыша на свет прошло без осложнений. И вот теперь вместе с мамочкой искренне радовалась, глядя на младенца, который чему-то улыбался во сне.

По дороге домой Любовь Михайловна думала о том, какое все-таки нужное и благородное дело, которому она служит, и как хорошо, что в свое время она выбрала медицину. Впрочем, выбирать и сравнивать профессии ей и в голову не приходило: девочка пошла по пути, проторенному матерью.

Мама. Нет, она не была ни врачом, ни фельдшером, ни медсестрой. Ксения Ивановна, которая, как сама говорила, и знала-то всего две буквы, работала санитарочкой в медпункте. Дважды вдова (первый муж погиб на фронте, а второй рано ушел из жизни), она растила четверых дочерей и вела большое хозяйство. Сильная по характеру, крепкого телосложения женщина держала пчел и скотину, косила траву, пилила и колола дрова, работала в огороде, рыбачила. Дочери, которых она держала в строгости, рано привыкли к труду и порядку, внутренней самодисциплине и ответственности.

Любушка, единственная послевоенная дочка, в 12 лет уже ходила на покос, колола дрова, не боялась никакой работы. А к маме в медпункт узнала дорогу еще раньше. Помогала наводить там порядок, мыла полы. Ей с детства понравился запах лекарств, да и вся обстановка этого небольшого учреждения, призванного служить людям. В четвертом классе Люба уже читала медицинские книжки. С годами детский интерес стал глубоким увлечением.

Начальную школу она закончила дома, в поселке Черновская Кировской области, где был большой леспромхоз. А в пятый класс нужно было ехать в поселок Чернушка. Но как раз 1 сентября машина, на которой возили школьников, сломалась. Казалось бы, причина уважительная – можно и пропустить занятия. Но нет, мама дочке чемоданчик в руки – иди! И она с другими сверстниками и ребятами постарше отправилась пешком.

Эти десять километров стали для Любы первой дорогой в самостоятельную жизнь. Мама дала понять, что в жизни не всегда везет – приходится и ножками потопать; трудности, препятствия встретятся – не хныкать надо, не останавливаться, а идти дальше.

К тому времени, когда Люба стала десятиклассницей, леспромхоз закрыли: все, что положено, было уже вырублено, в поселке осталось лишь два жилых дома. И Люба с одноклассницей Валею весь учебный год ходили в школу пешком. Осенняя и весенняя распутица их не пугала, а вот зимой они боялись волков. Для самообороны наивные девчонки клали в карманы ножницы – и в путь. Неделю – в школе и интернате, а на выходные и на праздники – домой... И вот окончена школа, в руках аттестат.

Куда дальше?.. И Ксения Ивановна с Любой переезжает на Урал, в поселок Валериановск, где давно уже жили ее старшие дочери. Мама устроилась санитаркой в здравпункт Западного карьера, а Люба поехала в Свердловск – учиться избранной с детства профессии. В медицинский институт не прошла. Огорчилась, но ненадолго: ведь совсем рядом, буквально через дорогу, находилось Свердловское областное медицинское училище, которое и стало ее заботливой колыбелью.

А через два с половиной года надо было вставать из колыбели на свои медицинские ноги. Первые шаги она, как молодой специалист, делала в здравпункте Главного карьера Качканарского ГОКа, куда была принята фельдшером. Работать приходилось посменно, но разве это проблема, если занимаешься любимым делом? А вскоре рядом оказался и любимый человек.

Саша. Когда Люба появилась на свет, она, естественно, не знала, что в том же 1951 году, тоже в июле, с разницей лишь в три дня, в уральском поселке с коротким названием Ис родился мальчишка, ее вторая половинка. Единственный сын, Саша Высоцкий был окружен заботой матери, которая серьезно занималась его воспитанием. Он научился играть на баяне и гитаре, хорошо пел, любил спорт. В родном поселке Саша окончил школу и геологоразведочный техникум. Трудовую биографию горный электромеханик начинал на Главном карьере, в ремонтно-механических мастерских – сначала слесарем и токарем высоких разрядов, потом мастером. Активно занимался общественной работой, был секретарем комсомольской организации. Играл в хоккей и футбол, бегал на лыжах. Его портрет, как одного из лучших рационализаторов, был на Доске почета комбината.

И так уж получилось, что Главный карьер стал самым главным в жизни Любы и Саши – как их первая трудовая пристань, как место их первой встречи, как общий старт перед длинной семейной дистанцией, по которой они идут уже тридцать пятый год. Этапы были разные: трудные и полегче, порой с большими препятствиями, но совместное их преодоление приносило радость. Вместе набирались мудрости и опыта. Начавшись на Главном, дистанция прошла для Высоцких через трассу газопровода, Ис, Нижнюю Туру и снова вернулась в Качканар. Любовь Михайловна работает сейчас в городской поликлинике, а Александр Викторович – вахтовым методом на предприятии «Святогор».

Самые радостные этапы на жизненном пути – это, конечно, рождение

детей. 1972 год: «Люба, спасибо за сына! Поздравляю тебя! Назовем Женькой, как хотели. Я очень доволен. Целую тебя за сына. Напиши, как ты себя чувствуешь и как сын». А через 13 лет: «Любушка, милая, спасибо за дочку! Поправляйтесь. Все позади, теперь будем расти. Ждем скорее домой. Крепко целую. Саша». Еще через несколько лет Высоцкие так же радовались рождению внуков, которых у них уже трое.

Вот такая семья. Что в ней главное? Конечно, дети, забота об их здоровье, физическом и нравственном. Первенец Женя, рожденный в СССР, воспитанный равнодушными родителями, был с малых лет равнодушен ко всему, что происходило в стране и в мире, и пытался излагать свои мысли на бумаге. Насмотревшись телепередач, первоклассник брал большой листок, цветные карандаши и ручку, делал рисунки и писал печатными буквами: «Нет – войне! Нет – фашизму! Кто нападает, того и убьют. Почему США назвали нас врагом №1? Почему во Вьетнаме нет мира? Зачем США оружие?» А внизу на этом плакате написано: «Слова Е.А.Высоцкого».

Добрый, сострадательный, он с детства был внимателен к тем, кто рядом, готов был каждому помочь, поделиться всем, что имеет.

– А на балконе у нас, – рассказывает Любовь Михайловна, – постоянно жили раненые голуби, другие птички, собачки и кошки, которых пригрел Женя.

Женя закончил общеобразовательную и музыкальную школы, хорошо пел, сочинял стихи. Как исполнитель авторской песни участвовал в бардовском фестивале «Капель», любил туризм, побывал на Конжаковском камне. И во всех делах находил поддержку родителей.

– Папа вместе с Женей закончил лесотехнический институт, – говорит Любовь Михайловна. – Да, почти в 50 лет Саша пошел за высшим образованием и получил диплом инженера по строительству автомобильных дорог и аэродромов.

А дочка? Ирина тоже с интересом училась в школе; с удовольствием занималась в фольклорном ансамбле. Потом получала образование в лицее №136, в техникуме им. Попова и в то же время ходила на курсы водителей – имеет водительские права. Сейчас Ирина работает в ГАИ и учится (очно-заочно) в юридическом институте. Спокойная, немногословная и мудрая (вся в папу), она – хранительница тайн всех своих подруг, которые в сложных ситуациях идут к ней с самым сокровенным и всегда находят помощь и взаимопонимание.

– А свои проблемы наши дети несут в первую очередь к папе, – говорит Любовь Михайловна. – И вместе с ним исподволь готовят меня. Чтоб не очень огорчалась, не расстраивалась... У нас в семье «кнут и пряник». Кнут – это я, а папа – пряник. Мы оба понимаем, что без строгости, без постоянного контроля за детьми нельзя, как нельзя без чуткости и доброты.

В семье Высоцких искренние и доверительные отношения. Здесь не говорят в окорбительных и повышенных тонах. Порой встречаются сучки и задоринки (как же без них на длинной семейной дистанции?), но здесь всегда готовы извиниться друг перед другом и простить – всегда побеждают совет и любовь! И не зря через всю свою жизнь женщина по имени Любовь бережно несет это великое чувство: любовь к профессии, к

детям, к семье, любовь к жизни.

С добрым чувством встречает Любовь Михайловна новый жизненный этап под названием «юная пенсионерка»: ведь в середине июля ей и Саше исполнилось 55 лет.

Каждый день Любовь Михайловна в своем рабочем кабинете принимает беременных женщин, с разными характерами и судьбами, слышит их откровения, видит слезы и радость. Умеет выслушать, убедить, отговорить от аборт, считая это детоубийством. Радует, что рождаемость начинает расти.

– Недавно на учет по беременности встала 46-летняя женщина. Будет рожать. Молодец!.. Мы этих деток растим, готовим, чтобы они удачно, без осложнений появились на свет! Принимают их в роддоме уже другие руки. Потом в течение десяти суток осуществляем патронаж на дому, помогаем матери и младенцу – новому на земле человеку... И так приятно, когда на улице с малышом в коляске или на руках встретят тебя как родную и скажут: «Здравствуйте! А вот и мы!»

2006 год

ЧЕЛОВЕК С ОКРЫЛЕННОЙ ДУШОЙ

Вершина зовет!

«Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал...»

В Ивановом детстве не было этой песни, и в горах он еще не бывал. Зачитывался популярной в то время книгой «Урал – земля золотая», сказами Бажова и в мечтах устремлялся в горы, с удовольствием путешествуя по географической карте. Вот он, коричневый Урал; тянется с севера на юг, волнует ребячье воображение, но ничем не отличается от зеленой равнины, такой же плоский и гладкий под мальчишеской рукой. Вот главные вершины Уральских гор – маленькие черные точки. А какие они на самом деле?.. Да разве из окон свердловской квартиры разглядишь хоть одну вершину, даже если ты живешь на Урале?..

Только не таким уродился Иван Соболев, чтобы смотреть на мир из окна. Уже в школьные годы он с ребятами побывал на Чертовом городище, что в окрестностях Свердловска, и у Семи братьев; в студенчестве (учился в горно-металлургическом техникуме имени Ползунова) открыл для себя горы Ежовую и Белую, Волчиху и Шунут, Думную и Азов-гору и, конечно же, Уктус. И был счастлив! Но чувствовал, что эти красивые, но невысокие, по-бажовски сказочные горы – лишь легкая разминка, тренировка, «это присказка, не сказка сказка будет впереди». А впереди ему виделась гора Качканар и Конжаковский камень, о которых он давно мечтал. И, видать, настолько сильной была его мечта, что сама судьба повиновалась ей – и вместо предполагаемой Сибири Иван получил распределение в Качканар.

*Нет, я не Пушкин, я другой
Еще неведомый избранник,
По штатной должности механик,
Но с поэтической душой.*

И вот этот избранник судьбы с дипломом техника-электромеханика по контрольно-измерительным приборам оказался на качканарской земле, где шла большая стройка. В тайге уже обозначились первые деревянные улицы, возводились плотина, ТЭЦ, очистные сооружения, первые корпуса горно-обогатительного комбината. Строительный мусор и бытовой неуют не смутили молодого специалиста – его поэтическая душа слышала музыку созидания и песню тайги. Он зачарованно смотрел на это зеленое море, над которым возвышалась гора его мечты.

Был август 1960 года. Иван еще не освоился на новом месте, а уже отправился осваивать гору.

–В первую же неделю беру корзину, ружье – и вперед! Добрался до южной вершины. Какая красота! Какой воздух! Как далеко видно!..

Посмотрел на север – а там еще гора, еще вершина Качканара... Домой вернулся затемно, еле тропинку нашел... И было нестерпимое желание повторить поход...

С первой же встречи эта железная гора крепко и навсегда притянула его к себе. Уже через несколько дней, в начале сентября, он совершил второе восхождение. С группой моряков, прибывших на ударную стройку после службы на флоте, вновь поднялся на южную вершину. Здесь они переночевали. Утром моряки отправились в обратный путь, а Иван – вперед, на гсру, на которой еще не бывал и которая так манила его еще в августе. И вот он на северной вершине; стоит один в вышине, любуется открывшейся панорамой. Потом по противоположному склону спускается туда, где у подножья Качканар-горы давным-давно приютился поселок Косья. Оттуда по не изведанной еще дороге прошел семь километров до поселка Верхний Ис, где, по его словам, попал в страну чудес – в большой заповедный кедровник площадью 335 гектаров. Радовался, как дитя, этой встрече с могучими деревьями. И снова радовался и восторгался, когда по узкоколейной железной дороге (впервые в жизни!) ехал до Нижнего Иса, а оттуда на попутной машине вернулся в Качканар.

– Это было мое первое кругосветное путешествие, – улыбается Иван Михайлович.

Впечатлений было много, особенно от горной вершины.

– Долго стоял я там и любовался. Вдалеке – еще более мощный горный массив: на западе – Большие и Малые Басеги, на северо-западе – гора Ослянка (1040 метров), а прямо на север – Косьвинский, Конжаковский и Казанский камни... Вот бы сбегать туда!... Было такое сильное желание!

А коли есть желание, да еще такое сильное, да если возникло оно у такого человека, как Соболев, то желание непременно исполнится. Тем более, что представился удобный случай... В июле 1961 года Иван переходил работать с завода ЖБИ в отдел оборудования строящегося горно-обогатительного комбината. И двенадцати дней, отведенных на трудоустройство, хватило ему, чтобы справиться с необходимыми бумажными формальностями и побывать на Конжаке.

– Пошли мы всемером. Из Качканара до Нижнего Иса и Старой Ляли, потом автобусом до Кытлыма, а дальше без дороги, по компасу. Взбежали на Иловское плато, добрались до главного репера Конжаковского камня. Высота – 1569 метров, красота – неопишуемая, ощущения – небывалые!.. Переночевали. А на другой день с девизом «Вершина зовет!» – марш-бросок до Косьвинского камня. С его высоты прекрасный вид на горную тундру, на истоки реки Илов и Серебрянки.

Вы слышите, как он говорит? «Марш-бросок», «вот бы сбегать туда», «взбежали на гору»... Словно нет за спиной рюкзака, не устает и не отваливаются ноги, а летит он к вершине на крыльях. Душа его и впрямь летела навстречу юношеской мечте. А когда во время привала на Косьвинском камне качканарцы прочитали записки, оставленные по традиции туристами из Москвы и Ленинграда, Харькова и Свердловска, других городов – Иван почувствовал, что приобщается к большому и неугомонному племени, живущему, как и он, под девизом «Вершина зовет!» И был счастлив.

Они тоже оставили свои письменные приветы туристам и стали спускаться. Тем более, что на вершине, утонувшей в облаках, был непроглядный туман.

Хорошо, что между Конжаком и Косьвой есть горное плечо, по которому они и спустились в Кытлым.

Горный туризм увлек Соболева. Поселки Верхний Ис, Краснушка, Каменушка, Юрты, Павда, Кушмянка – это уже другой маршрут, но снова в Кытлым, а оттуда до вершины Конжака двадцать километров. Качканар – Боровское - Медведка - Средняя Усьва - Кырья - Растес - Тылай. А дальше Косьвинский камень, но подъем на вершину уже по другому, западному склону. По этому маршруту Соболев шел впервые и вел группу студентов Горьковского университета, которые проходили практику на обогатительной фабрике Качканарского ГОКа.

– В Кырье мы увидели лишь два сгнивших дома и обширную поляну, заросшую крапивой. В зарослях обнаружили большой церковный колокол; надпись на нем, к сожалению, не прочли. Вероятно, в этих местах был когда-то старый скит...

Шли годы. Деревянный поселок Качканар устремился ввысь своими каменными новостройками, становился красивым современным городом. Горно-обогатительный комбинат уверенно дышал, давая стране качественную продукцию. Иван Михайлович Соболев без отрыва от производства получил высшее образование. Он повзрослел, возмужал, а душа по-прежнему была юной, романтической, мечтательной. Он продолжал открывать для себя Урал и приобщил к этому качканарских школьников, с которыми не раз бывал в походах, в том числе и на заветном Конжаке. Новые маршруты, новые находки и открытия. А гора Качканар стала для него домом родным.

Гора Качканар – дом родной

А началось все с туристических лыж.

В цехе контрольно-измерительных приборов и автоматизации (КИПиА), где тогда работал инженер И.Соболев, многие увлекались лыжным туризмом. Были куплены тридцать пар туристических лыж и рюкзаки. Каждую субботу и воскресенье лыжники, стартовав у Дворца культуры, переходили качканарское «море» и по горе Линейке поднимались на гребень Качканара, шли все выше и выше, до южной вершины (878 м), а оттуда по густому лесу и глубокому снегу на север, до кернохранилища (710 м) и затем по старой высоковольтной линии методом гигантского слалома катились вниз, в поселок Косью, к лесничеству. Отдыхали, пили чай в поселковой столовой и по нижней, круговой дороге на втором дыхании возвращались в Качканар. Это был их любимый маршрут выходного дня.

– А однажды у меня зазвонил телефон, – рассказывает Иван Михайлович, – Николай Алчаев, инженер Качканарского завода по ремонту горного оборудования, предлагал поучаствовать в создании в нашем городе горнолыжного спорта и приглашал на организационное собрание. «Я не горный лыжник, а дикий турист, но на собрание приду», – ответил я... Хорошо помню наше немногочисленное собрание на вершине горы Зеленый Мыс. Было

это 1 мая 1975 года. На северном склоне горы еще лежал снег. Я увидел четырех красивых мужчин. Один был с гитарой, это Евгений Кукарских. Другие – Владимир Сошников, Анатолий Гайденко и Николай Апчаев. Вот они, зачинатели качканарского горнолыжного спорта. С чего начать? Рубить трассу? Покупать горные лыжи? «Нет, – сказал Апчаев, – все начинается с проекта. Создадим его, утвердим в нужных инстанциях и начнем строить».

Вскоре мысли и слова вылились в конкретные дела. И на северном склоне Зеленого Мыса появилась совсем небольшая трасса, длиной в 200 метров, с перепадом высот – 50 метров. Но она, как им сказали, в этом месте нежелательна, так как Зеленый Мыс отводится под строительство санатория-профилактория. И горнолыжники перекочевали на левый берег речки Выи и воздвигли трассу в 420 метров с перепадом в 125 метров. А поскольку строительство велось на голом энтузиазме горнолыжников, то так ее и назвали – трасса Энтузиастов. Между тем в отряд энтузиастов влились новые любители этого вида спорта: Николай Бутц, Герман Десятов, Анатолий Попов, Геннадий Шеломенцев и другие.

– Шло время, – говорит Иван Михайлович, – мы повзрослели, и наши идеи проросли в строительство большой трассы на восточном склоне горы Качканар. Теперь у нас оказались добрые покровители: директор горно-обогатительного комбината Н.Я.Еремин, начальник КГБ В.Н.Чечеткин, секретарь горкома партии В.Ф.Миронов, возглавивший впоследствии федерацию горнолыжного спорта в Качканаре.

Объединившиеся туристы и горнолыжники решили дать новой трассе имя Юрия Визбора. Ведь этот поэт-бард, как уточняет И.Соболев, был когда-то инструктором на горнолыжных трассах Кавказа.

И вот художник Леонид Ушенин, тоже романтик и энтузиаст, отливает бронзовый барельеф Ю.Визбора, а горнолыжники поднимают его на гору Качканар, прочно закрепляют на скале.

«Ну, здравствуй, друг!» – должно быть, сказал тогда Визбор Высоцкому, чей барельеф был на горе первым новоселом.

То было время, когда почитали Юрия Визбора, Булата Окуджаву, Владимира Высоцкого – любимого поэта Ивана Михайловича. Его стихи про горы и Родину, про дружбу и любовь, про верность и предательство так созвучны мыслям и чувствам Соболева. Он знает наизусть почти всего Высоцкого, а его хриплый, надрывный голос под гитарный перебор готов слушать и слушать: это лучший отдых и вдохновение для поэтической души.

– Гора Качканар, если смотреть в южной вершины, навевает поэтические строки, – говорит Иван Михайлович. – И именно здесь, на южном склоне, в живописном каменном ущелье, мы придумали Аллею поэтов. На барельефе прекрасная, как муза, женщина с венком на голове и слова из песни Высоцкого: «Он писал ей стихи на снегу, на снегу. К сожалению, тают снега, снега...»

Вот и получилось, что первыми обживать гору Качканар начали современные барды и восходящая тогда звезда Алла Пугачева, чей барельеф тоже появился на одной из скал.

Потом наши творцы-романтики обратились к прошлому, к истории.

– Качканар уникален, – рассказывает И.М.Соболев. – Он на трех границах: в двенадцати километрах к западу – Европа-Азия; у бывшего пионерлагеря «Орленок» – граница с Пермской областью. А от поселка Граневого в прошлом шла еще одна грань, Шуваловская. Она проходила

далее через вершину Качканара и Косьинский залив до реки Уреф, отделяя земли какой-то иностранной компании (кажется, французо-бельгийской) от государственных российских владений. Это была экономическая граница.

И наши неумолимые искатели решили напомнить об этом потомкам. Снова тот же Леонид Ушенин отлил из бронзы три большие стрелки-указателя. Разместили их на расстоянии двенадцати километров друг от друга. Первую закрепили на стеле на 24-м километре дороги Нижний Ис – Верхний Ис; вторую – на южной вершине горы Качканар, на камне под названием Танцплощадка, что рядом с Поляной туристов. А третья стрелка-указатель на южном склоне Качканара.

Гору Качканар Соболев исходил вдоль и поперек, знает каждый пенек, каждую скалу; опробовал намагниченность выходов горных пород – все искал свою голубую мечту, легендарное озеро, которое якобы есть на горе. Но озера так и не нашел. Обнаружил лишь небольшой рукотворный шурф, заполненный чистой холодной водой, И ребята, тоже участвовавшие в поисках, предложили назвать этот водоемчик озером Марины Влади.

А еще Иван Михайлович обнаружил горизонтальную выработку, штольню. Откуда она взялась тут? Обратился в Выйскую геологическую партию и узнал, что эта штольня пройдена горным инженером Ободовским в 1875 году на предмет выхода богатых титаномагнетитов. Сплошных выходов не обнаружили ни он, ни другие экспедиции – были лишь отдельные прослойки титаномагнетитов толщиной до 80 миллиметров. Узнав об этом искателе XIX века, наши искатели решили увековечить его имя – так на горе Качканар появился еще один памятник: штольня Ободовского.

А следопыты пошли дальше, в век восемнадцатый. Да разве могли они не вспомнить о таком первооткрывателе, как академик Паллас, который еще в 1770 году совершил путешествие из Петербурга в Екатеринбург и дальше – до поселка Косья, где исследовал на рудоносность северный склон горы Качканар. Следы его поисков сохранились и ныне. Это так называемая Магнитная яма – траншея, пройденная рабочими Палласа и теперь поросшая лесом.

– Леонид Ушенин сделал из кедра модель – портрет Палласа со старинной гравюры. Портрет в масштабе один к одному, со всеми регалиями академика. Бронзовая отливка весила 80-90 килограммов, – рассказывает И.М.Соболев. – Барельеф Палласа мы закрепили на северо-западном склоне горы, на самой высокой скале. Помогали ребята (человек двадцать) из клуба «Бригантина». Смотрит академик на север, на весь Уральский водораздел...

Иван Михайлович говорит об этом с довольной улыбкой, глаза его искрятся, но смотрит собеседник куда-то мимо меня, словно вместе с академиком тоже видит уральские горные дали.

Обо всех памятных местах горы рассказать непросто. Но назвать еще один считаю необходимым. Это Скала Атлантов. На барельефе, закрепленном на этой скале, изображен момент, когда главный архитектор города В.Б.Торопов вручает макет Качканара председателю исполкома городского Совета Клавдии Павловне Сухенко, первому

секретарю горкома партии Дмитрию Ивановичу Гикалову и директору Качканарского ГОКа Михаилу Григорьевичу Толочко – людям, которых Иван Михайлович не без основания считает атлантами, надежно поддерживающими наш город. Кстати, в 1999-м, в год 70-летия Д.И.Гикалова, Соболев поднялся к Скале Атлантов с женой, дочерью и внуками покойного Дмитрия Ивановича. Отсюда, с высоты, они поклонились ему, увидели уральский лес, качканарское «море», горно-обоганительный комбинат и красавец-город, во имя которого жил и работал один из атлантов.

На комбинате Соболеву как-то сказали:

– Не тому Высоцкому вы памятник поставили. Надо было не Владимиру, а Николаю Высоцкому – геологу, который в начале двадцатого века исследовал нашу рудоносную гору.

Портрет этого человека в большой раме Иван Михайлович с друзьями увидели и Исовском геологоразведочном техникуме. С этого портрета Ушенин сделал собирательный образ геологов времен Ободовского. Справа от входа в его штольню и был закреплен вновь изготовленный барельеф.

– Оказывается, и серьезные люди из почтового ящика номер семь (город Лесной) – тоже романтики, – сделал для себя открытие Иван Михайлович. – В честь полета Юрия Гагарина они на северном склоне Качканара установили стелу с ракетой, первой ракетой Циолковского. Из поселка Косья эта ракета видна невооруженным глазом. Молодцы!.. Смотришь на ракету – и самому взлететь хочется, – мечтательно говорит он.

Но качканарцы хорошо знают, что Соболев не пустой мечтатель – он человек дела.

«Мы ищем ветер»

Захотелось Соболеву полетать – и в Качканаре появился дельтаплан. Первый дельтаплан был построен на Главном карьере комбината, где Иван Михайлович работал тогда энергетиком экскаваторного участка.

Почему строительной площадкой стал карьер? Да потому, что его начальник А.М.Соколов первым поддержал И.Соболева, В.Спехова и других энтузиастов, которым пришлось преодолеть немало бюрократических барьеров на пути к своей крылатой мечте. А чтобы мечта обрела реальные формы, нужно было достать необходимые материалы. Это оказалось тоже непросто. Кроме всего, нужны специальные знания, чертежи. Тут им помогли журналы «Техника – молодежи», «Моделист-конструктор», другая техническая литература.

– А еще за консультациями я ездил в Ленинград, – рассказывает Иван Михайлович. – Был там, на Петровской Косе, 7, институт морских контейнерных перевозок. И был инженер Михайлов, ставший моим главным советчиком. Он, автор дельтаплана «Сокол», дал мне даже чертежи этого дельтаплана. А в Качканаре нам покровительствовали и работники Дворца культуры Олег и Тамара Корнаковы. Они отдали в наше распоряжение подвал Дворца, где мы тоже строили дельтапланы.

Словом, Качканар в 70-е годы прошлого века был окрылен дельтапланами. Но вернемся к первому. Вот он построен. Где найти подходящую горку для взлета? Хотя наш город и стоит в горах, но не каждая подойдет для старта. Владимир Спехов, инженер по технике

безопасности Главного карьера, указал на гору Шатрову, что в соседнем поселке Федино. Владимир Спехов, Николай Бутц и Александр Смирнов привезли сюда дельтаплан. Невысокая, чистая, без леса, гора, открытая ветрам, которые так необходимы для полета... Полетели!

*Мы ищем ветер, только встречный ветер,
Чтобы расправить крылья-паруса,
Чтобы себя на мужество проверить
И с птицами поспорить в небесах..*

Восторженно читает Иван Михайлович стихи, рассказывает об ощущениях в полете. А потом говорит о том, что в Качканаре были дельтапланы четырех типов: «Сокол», построенный по ленинградским чертежам, «Славутич» – по киевским, «Вымпел», подсказанный московскими конструкторами, и рижский «Циррус».

Испытывали дельтапланы и на стадионе «Горняк», разгоняя мотоциклом «Урал». Невысоко летела рукотворная птица, десять-пятнадцать метров над землей, но сколько было громких восторгов у тех, кто видел это, особенно у детей, которым тоже хотелось в небо.

*Мы ищем ветер. Души – нараспашку!
Разбег – и крылья начинают петь.
Не страшно падать с высоты, не страшно –
Нам страшно не подняться, не взлететь.*

Они взлетали, поднимались, парили. Конечно, случались и падения. Расскажу об одном..

Как-то летом Иван Михайлович, взяв старт у горнолыжной трассы, решил перелететь через качканарское «море» и этак красиво, эффектно приземлиться на многолюдном пляже на глазах удивленных качканарцев. Поднялся, полетел. Но подвел буксировавший его катер, а точнее – быстро перегревшийся мотор «Нептун». Долетев лишь до Зеленого Мыса, наш икар вместе с дельтапланом рухнул в воду, отправился в морскому Нептуну. Теперь крылья тянут его вниз, на дно. А крылатая душа Соболева рвется вверх. Ей помогают ловкие руки умельца, его способность не растеряться, не паниковать в трудную минуту – и вот тяжелые путы скинуты, наш дельтапланерист вынырнул, сделал глубокий, облегченный вдох.

Он понимает, что так рисковать не стоило. И все-таки по-прежнему поет гимн дельтаплану:

*Мы ищем ветер, мы себя открыли,
И мир покоя попросту нам чужд.
Взываем к людям: обретайте крылья,
И да придет к вам окрыленность душ!*

И.М.Соболев живет с окрыленной душой, и в том его счастье.

Формула счастья

В 1998 году во Дворце культуры праздновали 35-летие Качканарского ГОКа. Когда на сцену пригласили И.М.Соболева, ему вручили карту горы Качканар (словно портрет любимой женщины) и попросили рассказать о формуле счастья, которая изображена на одной из скал.

Не будем говорить, как выглядит эта формула в буквенном математическом выражении, отлитая на большом прямоугольном металлическом листе. Скажем лишь, что Иван Михайлович увидел ее в 1985 году в журнале «Техника – молодежи», №11, в статье «Когда останавливается мгновение», написанной кандидатом технических наук А.Павловым. Там идет речь о времени, о жизни, о человеке. Так сколько живет человек?

«Измерять длительность человеческой жизни годами – все равно, что книгу – страницами, живописное полотно – квадратными метрами, скульптуру – килограммами; тут счет другой и ценится другое: сделанное, пережитое, продуманное». Из формулы следует: чем интенсивнее происходят у человека мыслительные процессы, чем полнее, насыщеннее он живет, тем больше его «собственное» время как бы превышает время земное, астрономическое. А в очень редких случаях гениального вдохновения мгновение для него останавливается.

При активной жизненной позиции «собственное» время человека протекает гораздо стремительнее физического, земного. Не значит ли это, что чем больше человек делает в единицу времени, чем напряженнее живет, тем быстрее и безнадежнее он стареет? Скорее наоборот. Жизнь людей творческих свидетельствует о том, что даже в старости они чувствуют себя молодыми. И когда мы поражаемся ранней зрелой мудрости того или иного молодого человека, не надо забывать, что его «внутренние часы» практически отсчитали намного больше дней, месяцев, лет...

Ивану Михайловичу Соболеву 1 июня 2007 года стукнет 75 лет. Земных лет. Но сколько в них уместилось лет «собственного» времени! Сколько он сделал, увидел и пережил в путешествиях, в работе, в общении с людьми! Как интенсивно работает его творческая мысль! Сколько раз в своем творческом полете был он так высоко, что чувствовал: мгновение остановилось! Примеров, когда в минуты или секунды счастья скорость наших эмоций растет безмерно и мгновение останавливается, – таких примеров, по мнению Соболева, немало: первая любовь, первое научное открытие, первое восхождение на гору и так далее...

Кстати, тогда во Дворце культуры, посмотрев со сцены в зрительный зал, от волнения он не мог ничего сказать о формуле, но отчетливо чувствовал, что время для него в тот миг остановилось и он счастлив.

– Я счастлив видеть вас, дорогие качканарцы, здоровыми! Счастлив, что комбинат наш еще работает и не утонул в пучине реформ! Счастлив, что когда-то ему дали жизнь умные и порядочные люди. Я счастлив, что живу в Качканаре, среди вас!

Интересная, насыщенная жизнь у этого человека, и в свои 75 он молод.

«У человека может наступить преждевременная психологическая старость, – говорится в упомянутой статье. – Порой ее приметамы становятся желание почтить на лаврах, иллюзия всезнания, ранний консерватизм, скептический взгляд в будущее. В предельном случае наступает своеобразное «омертвление» личности, психологическая смерть, когда ничего не нужно, кроме покоя. Чтобы этого не случилось, над будущим надо работать ждуть, надеяться, мечтать, планировать...» И действовать, работать.

Невозможно представить, чтобы у Соболева произошло «омертвление» личности. Он самокритичен, всегда в движении, в действии, за единицу времени успевает сделать гораздо больше, чем иной молодой человек. И земного времени ему всегда не хватает.

*За ошибки мои недавние
Рассчиталось время вполне.
Время, время! Ты самое главное,
А тебя не хватает мне.*

И прессуется его «собственное» время, с трудом вмещааясь в земное. Как пружина, которая сжимается все сильнее и сильнее. А когда она распрямится, то даст объективное представление о своих подлинных размерах и окажется в ней не 75 Ивановых лет, а может быть, все 150.

И теперь, в пенсионном возрасте, Иван Михайлович по-прежнему в движении: ходит на лыжах, купается в проруби, бывает на любимой горе Качканар; много читает, пишет в газету, дружит с творческими коллективами города.

А еще он дружит со звездным небом. Крылатая душа Соболева, всегда готовая к полету, поднялась до космических высот. И уже много лет земляки знают Ивана Михайловича как пытливого звездочета. В любой вечер на небе, свободном от облаков, покажет он вам все видимые созвездия и главные звезды, сияющие голубым, зеленым или красным светом; расскажет, чем отличаются небо утреннее, вечернее и ночное, как меняется в разное время расположение звезд и планет. Скажет, что планеты бегут по своим орбитам, как лошади по дорожкам ипподрома: одни быстрее, другие тише. О небесных телах говорит он, как о своих давних и добрых друзьях. И обижается за Плутона, которого ученые недавно развенчали, объявив не планетой, а астероидом. Пообщаешься с этим путешественником и поймешь, что небесные дали для него такие же близкие и родные, как и земная твердь Качканар-горы, где, конечно же, не случайно появилась в свое время Скала «Галактика».

И в солидном уже пенсионном возрасте этот человек полон новых замыслов. И продолжает работать.

*Водой меня с палубы смыло
Работой держусь на плаву.
Работа – великая сила!
Работаю – значит живу!*

– Жизнь идет по спирали, – рассуждает он. – На новом витке все повторяется, только на более высоком уровне. Качканар для меня начинался с завода ЖБИ треста «Качканаррудстрой», и, пройдя жизненный виток до пенсии, я снова работаю на заводе ЖБИ, только новом – объединения «Запсибнефтегазстрой».

Он с гордостью говорит о большом потенциале предприятия, выпускающем качественную продукцию для стройиндустрии.

– Знаю, что в планах нашего правительства – освоение Северного и Приполярного Урала, вплоть до полуострова Ямал. И наш завод способен обеспечить своей продукцией весь Север: исходный материал, шлам, – в избытке; технической воды – достаточно; специалистов и рабочих в Качканаре хватает. Узкое место – только производство цемента, но мы надеемся, что заводы Нижнего Тагила, Невьянска, Сухого Лога и

Горноуральска цементом нас обеспечат. И получай, Север, наш строительный материал!

Мысленный взор Соболева, человека с государственным мышлением, обращен в будущее. В мечтах он уже видит, как по восточному склону Уральских гор, от поселка Полуночное, через все открытые месторождения Северного и Приполярного Урала, до Салехарда и Норильска протянется железная дорога – и оживет этот суровый край и отдаст свои богатства людям, как отдает их Качканар, о котором Иван Михайлович говорит с особой нежностью и любовью.

– Большое видится на расстоянии. Забрался я недавно на большую высоту, на блок смесительного отделения нашего завода; с этой стороны на город я еще не смотрел. И вот глянул с расстояния в четыре километра и в 46 лет – и обомлел от красоты. Красавец-комбинат, похожий на пятитрубный крейсер. Чудо двадцатого века – радиозавод. Телевышка и величественная церковь в парке «Прометей», который мы когда-то пытались создать вместе со школьниками. И вся панорама промышленной базы. Весь город как на ладони! И, конечно, наша гора. Красота!..

Правда, о горе Качканар он говорит теперь не только с гордостью, но и с болью. С тревогой думает о том, что археологи будущего под вековыми, тысячелетними наносами могут обнаружить на российской земле лишь толстый слой пустых одноразовых шприцев и аптечных флакончиков из-под боярышника. Мысли печальные, да куда от них денешься, если на твоих глазах разрушается то, что для тебя всегда было свято. Пострадали от вандалов и памятники, годами украшавшие гору Качканар. Создатели вложили в них свою любовь и вдохновение, творчество и огромный труд, а любители легкой наживы, современные разбойники-«медоносы» украли многие барельефы. Так горько и так больно Ивану Михайловичу, словно разрушили и разграбили его родной дом, который он благоустроивал годами.

Зачем же так старались и творили прекрасное?.. Спросите об этом у Соболева, и он ответит вам стихами:

*Нет, не намерен я скрывать,
Зачем я начинал творенье –
Неумолимое горенье
Повелевало создавать.*

Эти слова Генриха Гейне – жизненный девиз И.М.Соболева.

Неумолимое горенье помогает ему не отчаиваться и верить в светлое завтра. Это горенье согревает его окрыленную душу, которая по-прежнему стремится ввысь, в небо. И Соболев по-прежнему созидает.

Сегодня Иван Михайлович строит планер, утверждает, что наступила эра парапланов. Съездил в Нижний Тагил, в фирму «Аэромастер», которая строит дельтапланы и парапланы. Познакомился, проконсультировался, даже полетал на параплане над тагильским прудом – и был в восторге. Параплан понравился ему своей простотой и надежностью. Решил: буду строить и летать!.. И строит. Крылья и хвост уже готовы. И полетит!

Так счастливых тебе полетов и новых жизненных высот, человек неумолимого горенья, человек с окрыленной душой!

МГНОВЕНИЯ

Когда Нина Ивановна перебирает старые фотографии, ей вспоминается песня о мгновениях. Беспокойных, тревожных мгновениях, из которых состоит наша жизнь.

Этой фотокарточке почти три десятка лет. Давно отпал и затерялся левый нижний уголок, пожелтела от времени бумага, но снимок бережно хранит одно из мгновений далекой осени. Детские фигурки на картофельном поле – это воспитанники Валериановского детсада, а склонившаяся тоненькая женщина – это она, воспитатель Нина Ивановна Лебецких. Ребятишкам по пять-семь лет. Но держатся они солидно, как взрослые, работают старательно, заготавливают картофель для детского сада. Картина по нашим временам необычная, а тогда, в начале 50-х, это воспринималось как должное и никого не удивляло: ни детей, ни их родителей, ни работников детского сада.

Нина Ивановна хорошо помнит тот первый поселковый детсад, который располагался в небольшом бревенчатом доме на улице Чапаева. Отопление – русская печь. Столы, стулья, прочая мебель – топорной работы, как в сказке о трех медведях. С раннего утра клубился над крышей дымок – в доме начиналась жизнь. Раньше всех, конечно, приходил повар. Вскоре появлялись помощники: няня, воспитатель, заведующая. Эти четыре человека (весь штат детсада) не делили своих обязанностей, не считали часы и минуты – работали дружно и весело.

Когда приходили малыши, рубленый дом встречал их теплом и уютом. Воспитанников было 25. Все они, от трех до семи лет, в одной группе, как в одной большой семье. Сколько прекрасных мгновений пережила в этой семье Нина Ивановна! Они не запечатлены на фотоснимках, но навсегда остались в памяти, в сердце.

Она любила утром встречать детей у порога, по глазам узнавать о самочувствии и настроении. Прихожая наполнялась гомоном. Ребята раздевались, вешали пальтишки на простые гвозди, которые выстроились на стене ровной шеренгой, словно детишки на зарядку. День начинался с зарядки и пролетал незаметно, в развлечениях и труде. Труда, пожалуй, было больше, чем развлечений.

По весне ходили на прогулки и экскурсии – смотреть и слушать, как пробуждается природа. А когда прогревалась земля, начинались работы на приусадебном участке детсада. С помощью родителей вскапывали грядки, садили картофель, морковь и свеклу, лук и чеснок, горох и бобы – все, что было нужно для большой семьи. В течение лета ухаживали за посевами: поливали, пололи, окучивали. А осенью убирали урожай.

В погожие дни лета и осени ходили в лес – грибов и брусники запасали на целую зиму. Словом, все у них было свое. А хлеб привозили с Иса. Вода тоже была привозная. Доставят ее в большой бочке на телеге или санях, а потом сотрудники вместе с ребятами носят ее ведрами и ведерками в дом.

Вспоминает сейчас Нина Ивановна те далекие мгновения и не знает: детей ли благодарить за их помощь и труд, или труд – за помощь в воспитании детей. Хорошие из них получились люди: добрые, щедрые, работающие. Вспоминает, с каким аппетитом ели эти дети, как крепко они спали. И не беда, что вместо кроватей деревянные раскладушки – «ножки крестом». Поставят их в тихий час по три кряду и одним одеялом из грубой шерсти укроют сразу троих. Неудобств ребята не замечали.

Игрушек в ту пору не было. Их отсутствие воспитатель и заведующая старались компенсировать подвижными играми, песнями, танцами. Пели ребята всюду: на прогулках, в походах за грибами и ягодами, во время работы в огороде. Танцевали под свое «тра-ля-ля». Ах, если бы музыка, если б музыкальный работник! Или хотя бы какая-нибудь методическая литература... Ничего не было.

Поэтому с таким нетерпением воспитатель и заведующая ждали очередного методического объединения. Раз в месяц после рабочего дня в любую погоду отправлялись они пешком на Ис, за двенадцать километров, за знаниями и опытом. Два часа – на дорогу, два или три – на занятия, где старательно записывали все, особенно песни и танцы, и – в обратный путь. Домой возвращались далеко за полночь, усталые и довольные. Внимательно изучала Нина Ивановна и те методические пособия, которые как самый драгоценный груз привезла сюда из родных мест.

Ее родина – Костромская область. Есть там село Красное, и есть Волга, которая, как в загадке, течет, течет – не вытечет, бежит, бежит – не выбежит. Село тогда представлялось Нине большим-пребольшим, а детство – бесконечным и долгим, как Волга. А оказалось оно коротким, словно несколько мгновений.

Самое страшное из тех мгновений – смерть матери. Молодая, красивая женщина умерла от туберкулеза. Растаяла, как свечка, в несколько дней, угасла... И померк белый свет. Десятилетняя девочка потеряла покой и сон. Ей казалось странным, что все так же равномерно-равнодушно тикают часы на стене, все так же спокойно течет куда-то Волга. А мамы нет... Было обидно и больно. И не хватало сил справиться с этой болью.

А через год – война. Отец ушел бить фашистов. И поняла Нина, что существует большая, всеобщая боль, которую тоже надо преодолеть. Этому преодолению она училась у своих односельчан. Как-то враз повзрослели дети, посуровели женщины и старики. Все они от зари до зари работали на колхозном поле, работали так, словно и здесь был фронт. Получит кто-нибудь короткое треугольное письмо – радовались вместе. Придет кому-то «похоронка» – горевали всем селом. Собирались с силами и, стиснув зубы, работали вновь. Недосыпали, недоедали, отдавая фронту все: хлеб, труд, волю свою.

А с наступлением зимы, когда заканчивались колхозные хлопоты, почти всё взрослое население работало в местной промартели. Ходила

туда и Нинина тетья. Придет, бывало, домой, обязательно прихватит с собой какую-нибудь посильную работу, чтобы не пропадали зря долгие зимние вечера. Выучит Нина уроки, и принимаются они с тетей за работу: делают картонные коробки или еще что-нибудь по мелочи. Разговаривают о жизни, о папе и, конечно, о победе, в которую все неизменно верили, как верили в то, что не остановить, не повернуть вспять могучую Волгу.

И пришла победа. Отец вернулся в конце 1945-го. Радовалась Нина, радовалось все село. Смотрела девочка на отца и не верила, что он снова рядом. Вот уже и год прошел, отец женился, а Нина все ещё не могла привыкнуть, что больше нет войны. А когда отменили карточную систему, трудно было представить себе, что вот придешь в магазин и купишь хлеба без карточек, просто так, не по норме, а сколько тебе надо. Оказывается, и к мирной жизни тоже нужно было привыкать.

С новой жизнью Нина, как и все люди, связывала новые надежды. Она окончила семилетнюю школу и мечтала учиться дальше. Хотела поступить в педагогическое училище, но отец не отпустил ее в Галич: за обучение надо платить, а жить и без того трудно. Спасибо мачехе, которая рассуждала иначе. С ее помощью на следующий год Нина тайком от отца уехала в город Щербаков.

Там в 1952 году она окончила дошкольное педучилище и была направлена на Урал. Запаслась кое-какой методической литературой и поехала в этот глухой, по ее представлениям, край. Девушка еще не знала, что он станет ее судьбой.

Ей понравилась суровая природа, понравились люди, открытые и прямые, а детей она просто любила. Лишения и трудности ее не пугали: что поделаешь, война-то еще недалеко ушла, всем нелегко. Работала с душой, вдохновенно.

На глазах Нины Ивановны преображались эти глухие места. Однажды в поселок Валериановск, где она жила, пришли молодые (и немолодые) люди, которых, как она убедилась, не зря называли энтузиастами, первостроителями. За довольно короткий срок они построили у горы Качканар прекрасный город, возвели горно-обогатительный комбинат. Разросся, похорошел Валериановск... В 1963 году, когда комбинат выдал свою первую продукцию, в поселке был открыт новый детсад – настоящий дворец в сравнении с прежним бревенчатым домиком.

Вместе с молодым городом строилась и семья Лебецких. Выросли, выучились дети. Сын Валерий стал работать в автопредприятии, а дочь Ирина, окончив Нижнетагильское педучилище, пришла в Валериановский детсад № 7, в котором воспитывалась сама и которым в течение многих лет заведует ее мама. Ирина очень любила детей, и из нее получился способный, инициативный работник. Нина Ивановна была рада за нее как мать, как руководитель дошкольного учреждения.

Вместе с мужем Александром Семеновичем радовалась она и за внушек своих: две дочки подрастали у Валерия, одна у Ирины. Ирину дочку звали Катя, Катерина. Это имя отзывалось в сердце Нины Ивановны светлой радостью и вечной грустью: так звали ее маму, которая навсегда осталась в памяти красивой и молодой. Глядя на маленькую Катюшу, вспоминая мать и свое детство, Нина Ивановна не раз думала о том, какое горе для ребенка – остаться без матери. Она еще не знала, что скоро,

очень скоро ей предстоит пережить нечто более ужасное, невсвратимое – предстоит потерять свою дочь.

Это было как гром среди ясного неба. Молодая и красивая, веселая и здоровая, которая никогда ни на что не жаловалась, Ирина тоже сгорела вдруг, растаяла, как свечка. Короткое, роковое слово «рак» прозвучало как приговор. За что?.. Жестокое, беспощадное мгновение просвистело пулей у виска и почти наповал сразило мать. Не должно быть так, не должны дети умирать раньше родителей. Это несправедливо, противоестественно, это не укладывается в голове и на части разрывает сердце!.. За что? Почему?

Где взять силы?..

Даже сейчас Нина Ивановна не знает, что помогло ей тогда, в январе 1981-го, выстоять в горе, что дало ей силы. Может быть, ясные глаза маленькой Катерины. Может, поддержка родных и знакомых. А может, искреннее участие сотрудников детсада, среди которых немало ее воспитанников.

Светлана Михеева и Светлана Евдокимова, Лена Машканцева и Маша Инишева – все они, как и ее Ирина, еще совсем недавно были девочками с челками да косичками, приходили в детсад за ручку с мамами да папами, теперь выросли, сменили прически и фамилии, но неизменной осталась их привязанность к детскому саду, они по-прежнему приходят сюда каждый день, все к той же Нине Ивановне Лебецких, и она по-прежнему учит их, помогает в работе. И радуется, что из девочек получились хорошие воспитатели.

Не забывают дорогу в детсад и другие воспитанники: теперь они водят сюда своих детей; приятно встречаться и разговаривать с ними, солидными, взрослыми людьми, еще приятней сознавать, что большинство из них связали свою жизнь с родным поселком и городом, что работают они честно, живут правильно. Светлана Широкова – директор кинотеатра «Горняк». Братья Климовы работают на горно-обогатительном комбинате: Николай и Виктор – в железнодорожном цехе, Юрий – в автотракторном. Отлично нес службу на границе Сережа Пасынков, о нем даже в газетах писали. Сейчас Сергей и его сестра Ирина учатся в институте.

1200 выпускников насчитывает Валериановский детский сад. И каждого Нина Ивановна помнит, о каждом говорит по-матерински тепло и любовно. Вот они, эти многочисленные, сгруппированные по годам фамилии – в большом и толстом журнале. Нина Ивановна ласково проводит ладонью по его исписанным страницам, словно гладит по вихрам этих шалунов и непосед, этих почемучек и незнаек. Потом закрывает журнал бережно и осторожно. Так бесшумно закрывают двери в доме, не желая нарушать покой его жильцов.

1983 год

ПОЕЗД ШЕЛ НА ВОСТОК...

Анц

Поезд шел на восток. Длинный, холодный состав, то ли товарный, то ли пассажирский. Вагоны-то явно предназначались для товара, в лучшем случае парнокопытного, но ехали в них люди; точнее же будет сказать – везли людей. А куда везли – люди о том не ведали. Знали только, что не взорвется состав, не взлетит на воздух: войны больше нет. Был декабрь 1945-го, но надрывно-тревожно выль-ревел паровоз, а колеса вагонов упрямо выстукивали: война, война, война!.. И в такт им, громко и надсадно билось сердце Анца.

Он сидел, молчаливый, угрюмый, пытаюсь унять свою дрожь. Иль от стужи она, иль от тех кошмаров, что зловещей тенью бежали за составом. Все вместила эта тень: и Германию с фашистскою тюрьмою, и всю Европу, от Дании до Италии, где носили Анца колючие ветры войны. Вот и сейчас мчатся они за поездом – и хочется Анцу подгонять колеса: быстрее! Быстрее от этого страшного прошлого!

Да как же быстрее, если надо остановиться и вернуться назад? Ведь в том прошлом не только мрак – там ясный свет детства, там родимая земля, там его семья, его родная Эстония! Теплая волна приливает к сердцу, размягчает его, делает слабым. Домой, скорей домой!.. Но поезд идет на восток, и ничего не значат ни твои желания, ни твои страдания. Ибо ты теперь спецпереселенец. И тень прошлого преследует тебя. Неужели ж так будет всю жизнь?

Поезд идет на восток. Куда он везет тебя? В будущее? Нет, в неизвестность... А какая большая Россия! Как сурова здесь зима! Как долго тянется дорога!..

Наконец, приехали. Те, кто хоть что-то знал по-русски, читали по слогам, глядя на заснеженную станцию: «Ке-ме-ро-во...»

Так впервые ступил на сибирскую землю Анц Хансович. Здесь вместе с другими переселенцами предстояло ему работать в угольных шахтах, осваивать чужой язык и обычаи, тосковать по родине. Сюда однажды придет ему весточка из Эстонии: «Жену свою не ищите, она взяла развод».

Дуся

Есть в Алтайском крае село Баево. По мнению Дуси Захаровой, самое красивое. Как река Кулунда, как Кулундинская степь. В этом селе и

выросла Дуся – с открытой, как степь, душой; свободолюбивая, как степная птица; легкая и быстрая, как река. Под стать своему отцу, независимому единоличнику, который так и не признал колхоз, хотя корову у них забрали и увели на общий двор.

Жили Захаровы дружно. Кормились и одевались трудом своим. Дуся, ловкая да справная, успевала везде: и по заборам с мальчишками ползать, и помочь по хозяйству дома и в лесопитомнике, где работала мама. По-мальчишески бойкая и резкая, Дуся с нежностью относилась к каждой травинке, ко всякой букашке, умела защитить слабого. И очень любила детей.

В 1939 году кончила она среднюю школу и поехала в педучилище, в город Камень-на-Оби.

– И было у меня ума, как у старого пима: Обь на спор переплывала. Ведь ширь-то какая – другого берега не видать...

Но она переплывала. Отчаянная была и здоровая. А в доказательство неверующим привозила лук полевой, которого на том берегу тьма тьмущая.

Но вволюшку поплавать в Оби, как и окончить педучилище, не довелось: в 1942 году вызвали в горком комсомола. Сказали: пишите заявления, что идете добровольцами на фронт. И они написали, и пошли воевать – и учителя, и ученики, окончившие 10 классов. С месяц училась Дуся делать перевязки, ползать по-пластунски – и готово, на фронт!

Три года была она на передовой. Служила в отдельном автобатальоне. На передовую возили они снаряды и продовольствие, а оттуда – раненых. Постоянная опасность, каждодневный риск. Сколько крови, сколько смертей кругом!.. А Дусю звезда хранила. Да, видно, перед войной и звезды бессильны. Однажды во время бомбежки девушку засыпало в траншее землей – лишилась Дуся зрения.

– Никуда не повезем, в своем лазарете выходим! – решительно сказала врач Ревека Абрамовна. И впрямь недели через две-три Дуся отходить стала. Правда, стопроцентного зрения уже нет, но жить можно. И воевать. Псков, Новгород, Старая Русса... Войну Евдокия Захарова закончила в Латвии.

Ее оставляли в Ленинграде, предлагали учиться, давали квартиру. Но нет – домой, в Сибирь!.. И вот август 1945-го. Поезд идет на восток. Длинный, веселый состав. Торжественно гудит паровоз: едут победители.

Не думала Дуся, что дома тоже повоевать придется. Оказывается, у мамы огород отобрали и отдали колхозному счетоводу. Явилась Евдокия к счетоводу, возмущенная и решительная:

– Пахать будем!

– Это как же? – опешила та. – А как же я?

– Меня это не интересует. Вы кого обижаете? Беззащитную женщину, сестренку-малолетку да слепую бабушку? Значит, мы с отцом на фронте, а вы тут сирот грабите?... Посторонись, голубочка моя: пахать будем! Видишь: мне уже и лошадь, и пахаря дали...

Это была б не Дуся, если б она поступила иначе. Да и кто вступится за слабых женщин, если хозяин еще домой не вернулся?.. Отец, познавший ужас плена, пришел в 1947-м, израненный, изможденный, с осколками в легких. Но несломленный.

Алласте

Если б Дусе Захаровой сказали, что ей суждено жить под эстонской фамилией, она бы не поверила. А уж эстонец Анц Алласте и предположить не мог, что когда-нибудь женится на сибирячке. Но вот в суровой Сибири в суровые послевоенные годы их пути-дороги пересеклись и стали одной судьбой. Это была встреча навсегда.

Разные характеры. Ну и что? Они прекрасно дополняют друг друга. Говорят на разных языках. Так разве это преграда, если все понимаешь сердцем? Бытовая неустроенность всякие послевоенные лишения. Да могут ли они испугать их, переживших войну-лихоманку?

Словом, вместе им было ничего не страшно, все невзгоды нипочем, любое дело по плечу.

25 лет в любви и согласии прожили они в Сибири. Потом приехали в Качканар, в город, который строила Надя – младшая Дусина сестренка.

Уже много лет Евдокия Николаевна и Анц Хансович Алласте живут в Валериановске. Мы побывали у них нынешним летом. Хозяйка встретила нас во дворе. Приветливо. Но знакомиться не спешила: первым делом ей надо было накормить всех собак и кошек: своих, чужих, пришлых, которые, видать, хорошо знают дорогу к этому доброму порогу.

– Все живые, все есть хотят, все ласки ждут, – прокомментировала Евдокия Николаевна.

А в доме звенели ребячьи голоса: внучат у бабушки пятеро, и летом тут бывает весело. Мы сидели на «солнечной лавочке», и Евдокия Николаевна рассказывала о своих дочерях Антонине и Татьяне, о сестре Наде, которая ей тоже за дочь; говорила о внуках и прочих радостях жизни, об Урале и Сибири; возмущалась несправедливостью и недостатками – несжигаемыми, непотопляемыми.

– За твой язык тебя скоро посадят, – с приятным акцентом и легкой улыбкой сказал подошедший Анц Хансович. Сдержанный в словах и чувствах, он был полной противоположностью своей говорливой и эмоциональной жене.

А потом они с нескрываемой радостью показывали нам свое хозяйство: огород, теплицу и массу всевозможных приспособлений, придуманных и сделанных Анцем Хансовичем, чтобы облегчить, механизировать домашний труд, в первую очередь женский.

Что касается отношения к женщине, то оно у него уважительное, почтительное, по-джентльменски снисходительное. Отношением к женщине Анц Хансович измеряет достоинство человека. «Кто обижает женщину, тот не мужчина», – убежден он. Не потому ли супруги Алласте живут достойно? Трудностей и лишений у них было немало, но оскорблений и взаимных обид – никогда. «За всю жизнь мы ни разу не поссорились», – говорит Евдокия Николаевна.

Зачем вообще люди ссорятся, дерутся, воюют? Этого Анц Хансович и Евдокия Николаевна понять не могут. Чего людям не хватает? Почему им становится тесно? Почему до сих пор не исчезают изгои, переселенцы, беженцы? Вопросы, вопросы...

А не хочется ли Анцу Хансовичу переселиться и Эстонию? Не жалеет ли он, что не вернулся на родину?

Анц Хансович подумал и сказал:

– Нет, на судьбу свою не жалуясь. Из Сибири тогда многие вернулись в Эстонию, да не все нашли там счастье: многих из них снова отправили – на север. Жизнь ведь переменчива: сегодня ты прав, а завтра тебя повесят.

Нет, А.Х.Алласте не уехал домой. Теперь его дом здесь: эстонец Анц и сибирячка Дуся стали нашими земляками, уральцами.

Недавно у них в Валериановске побывал гость из Эстонии. Ведь там у Анца Хансовича живут два сына от первого брака: тоже Анц и Арнэ. Есть и три эстонских внука.

Евдокия Николаевна, Анц Хансович и подключившиеся к разговору внучки вспоминали о том, как приезжал к ним дядя Анц. А я старалась представить себе его, 50-летнего мужчину. Что чувствовал он, отправляясь из Эстонии? О чем думал под стук вагонных колес?

Наверное, о войне-разлучнице, искалечившей людские судьбы, отнявшей у него родного отца. И о том, должно быть, что родственные чувства сильнее всякой войны. Это она, родная кровь, позвала Анца-младшего в дальнюю дорогу. А еще, вероятно, он думал о том, что каждый человек и все люди должны быть сильнее любой войны, выше всяких раздоров: больших и малых, семейных и гражданских, национальных – каких угодно. Ведь все мы живем на одной планете, все мы – земляне, земляки.

Немало, наверное, передумал Анц, глядя из окна вагона. А навстречу ему бежала Россия. Поезд шел на восток.

1991 год

«ВАЛЕРИАНОВСК, РОДНОЙ НАШ ПОСЕЛОК, МЫ ТЕБЕ ПРИЗНАЕМСЯ В ЛЮБВИ»

Валериановск, уже перешагнувший вековой рубеж, немало повидал и пережил. Он хранит в своей памяти много разных дат, радостных и печальных, трагических и героических. Октябрь для валериановцев – тоже памятный месяц: 15 лет назад в поселке родился клуб "Ветеран".

«Пятнадцать лет – уж не ахти какой юбилей», – быть может, скажет кто-то. Но только не валериановцы, которые вот уже полтора десятка лет не мыслят своей жизни без ветеранского клуба и хора. А клубные активисты и самодеятельные артисты давно и тщательно готовятся к этому юбилею: составляется программа, продумывается сценарий, идут репетиции.

Вот на сцене Дома культуры «Горняк» выстроился хор; уверенно пробежал по клавишам баянист Анатолий Михайлович Жуланов – и пустой пока зрительный зал заполнила песня о Валериановске.

*Над горою закат догорает,
А в поселке мерцают огни.
Валериановск, родной наш поселок,
Мы тебе признаемся в любви.
Валериановск, Валериановск,
Валериановск – дом родной,
Любим мы тебя, поселок,
Любим всей душой.*

Да и как не любить им поселок, если эти люди отдали ему всю свою сознательную жизнь. В трудовую пору они были водителями и электриками, экскаваторщиками и геологами, учителями и воспитателями. Иные отсюда уходили на фронт. По-разному именовались они в молодости и были очень разными. А теперь их зовут ветеранами, и во многом они стали похожи, как бывают похожи деревья, о которых они поют.

*Снег на ромашке, снег на рябине,
Снег на черемухе, снег на калине,
Снег на висках ветеранов войны,
Снег пережитого, снег седины...*

Именно это пережитое и прочувствованное, эта любовь к родному поселку, одинаковая потребность в общении и заставили ветеранов Валериановска объединиться, чтобы вместе радоваться и радовать других, сообща решать непростые и непривычные задачи, подкинутые им перестройкой, чтобы обобщать, укреплять и передавать молодым

лучшие традиции поселка. Так в Валериановске в октябре 1985-го появился клуб «Ветеран».

Первыми его подвижниками были Анна Устиновна Морозова, ставшая председателем клуба, Валентина Федоровна Голикова, взявшаяся за секретарскую работу, и Таисья Яковлевна Пьянкова, возглавившая культурно-массовую комиссию. Энтузиастов и помощников оказалось немало – и отправились они в культпоход по квартирам: составляли списки пенсионеров, всех желающих приглашали в клуб и на первое чаепитие в столовую. И начались встречи, которые раз от разу становились многолюднее и интереснее и сделались просто необходимыми. Они проходили в столовой и в библиотеке, в школе и поселковом Совете, в Доме культуры «Горняк». Не было у ветеранов своего помещения, но их клуб жил, и это чувствовал весь Валериановск. Навестить одинокого или больного или дров кому-то выписать, а иному уже нужно прикрепить социального работника – да мало ли бытовых вопросов в поселке, где преобладают индивидуальные дома и их немолодые хозяева! И до всего есть дело членам клуба, которые хорошо знают нужды и проблемы своих земляков, поскольку это и их проблемы. И бытовая комиссия, возглавляемая Екатериной Михайловной Барановой, старалась дойти до каждого. Появился клуб – и в будни валериановцев вплелись яркие, греющие душу праздники.

Поселковая администрация ценила работу клуба и по возможности помогала ему. Нина Леонтьевна Кунгурова, будучи председателем поссовета, выделила средства на костюмы для хора. Николай Александрович Ведякин, став председателем, счел возможным разместить ветеранский клуб в помещении детского клуба «Ромашка», а потом отдал во владение ветеранам здание, где прежде располагался поселковый Совет. А нынешний глава администрации Виктор Аркадьевич Узлов помогает содержать это здание, оплачивая свет и тепло.

Давайте зайдем в этот одноэтажный деревянный дом. Миновав сени, мы оказываемся в просторной, светлой комнате. Ее можно назвать горницей и гостиной, залом для торжественных приемов и генеральным штабом, мозговым центром, где рождаются и воплощаются светлые замыслы и планы. Вот, пожалуйста, на одной из стен план работы клуба «Ветеран». В нем беседы и посиделки, праздники поселка и семейные юбилеи, репетиции и концерты, разные бытовые пункты. На других планшетах – состав совета пенсионеров, актив клуба «Ветеран». А с другой стены глядят на нас валериановские ветераны войны, иные их портреты уже в трауре. Этот зал украшают репродукции с картин русских художников, цветы. В переднем углу – икона. На окнах скромные шторы, купленные на деньги, выделенные поссоветом. Вдоль стен – длинные, покрытые скатертями столы, всегда готовые принять гостей. На одном из столов – фотоальбомы о валериановцах-участниках войны и тружениках тыла, об истории клуба «Ветеран».

Да и сама эта комната, как и весь дом, – тоже страница истории клуба и поселка. Сколько событий, тревожных и радостных, видели окна этого дома, в котором в разное время располагались квартиры учителей, приисковая контора, интернат для школьников из Именновского,

больница и библиотека, поселковый Совет и детский клуб «Ромашка». Сколько разных людей ходили по половицам этого дома! Сколько пламенных речей, сколько споров на собраниях и заседаниях слышали его стены!

А сейчас этот дом-ветеран приютил своих земляков, которые сами уже становятся историей. Была, правда, крамольная мысль вообще снести это здание, как вырубил по причине старости почти все окружавшие его черемухи. Но пошли в поссовет неутомимые ходоки – и решено было все же оставить этот дом как частицу истории, как поселковую реликвию. И сейчас здесь звучат тихие, задушевные беседы, проходят веселые праздники, льются песни одна краше другой. Здесь часто бывает многолюдно. А порой приходят женщины небольшими группами, поудобней рассаживаются в зале и под тихий говорок или протяжную песню плетут венки. Десятки, сотни, десятки сотен... Спрос на этот красивый и скорбный товар, к сожалению, не убывает. И пока мастерицы заняты работой, для них в соседней комнате готовится чаепитие. В этой небольшой, уютной комнатке можно посидеть за столом тесным кружком. А по большим торжествам здесь готовится все, чтобы накрыть столы в праздничном зале. Есть в этом доме и кухня со всеми ее атрибутами и, конечно же, костюмерная. Как же без костюмов-то: ведь в клубе немало артистов.

Чего стоит один только хор, в репертуаре которого уже 300 песен! Старинные и современные, это песни о России, Урале, Качканаре, о родном поселке. Хор – душа клуба, его нежное и чуткое сердце. Оно трепетно забилося вместе с рождением клуба и потребовало песен.

*В волосах нежданно
Появилась проседь,
И опять, как прежде,
Сердце песни просит.
Хочет сердце счастья,
Просит сердце ласки,
Теплого участия,
Повторенья сказки.*

Сердце просило песен. А какая песня без баяна? Первыми баянистами хора были Борис Александрович Оберюхтин и Анатолий Михайлович Жуланов. Борис Александрович, участник войны, на себе испытал целительное воздействие песни:

*Кто сказал, что надо бросить
Песню на войне?
После боя сердце просит
Музыки вдвойне...*

Он, баянист, плясун, запевала, и по сей день с хором и уже прославлен его частушечниками:

*А Борис наш Александрыч,
Он играет и поет,
Да и в плясках-танцах тоже
Никогда не подведет.*

Анатолий Михайлович – прирожденный музыкант. На лету схватывает

он и легко подбирает по слуху любую мелодию. Продолжительное время А.М.Жуланов играл в одном из московских ансамблей, и это еще более отточило его исполнительское мастерство. Предана хору и жена Жуланова – Людмила Александровна Гуськова.

С Жулановым и Оберюхтиным хор делал свои первые шаги. Первыми его энтузиастами были Юлия Ивановна Костина, Нина Филипповна Гущина, Нина Ивановна Лебецких и многие другие.

Прошел год – и сердце клуба забилося уверенней, веселей, надежней: у хора появился грамотный руководитель. Молодой специалист Наталья Германовна Иванова, работавшая в Валериановском филиале детской музыкальной школы, не смогла отказать пригласившим ее ветеранам, а вскоре так привязалась к своим мудрым и благодарным ученикам, что уже не представляет своей жизни без валериановцев и всегда спешит к ним из Качканара, где она живет. Шли годы. Менялись баянисты: Сергей Васильевич Широков, Татьяна Вениаминовна Циганкова из качканарского Дома детского творчества, Людмила Павловна Майстренко, которая долгое время аккомпанировала ветеранам и тоже ездила в поселок из Качканара. Некоторые певцы по состоянию здоровья расставались с хором (но не с клубом), в певческий коллектив вливались новые исполнители. А Наташа Иванова оставалась бессменным руководителем хора. Вот уже 14 лет.

Дальше – звонче, дальше – пуще.

Весел хор, хоть стар и сед.

Этим бабушкам поющим

Вместе больше тыщи лет.

Ох ты, Русь, моя Россия,

До чего ж ты молода,

Если бабки озорные

Позабыли про года!

Песня снова разрасталась,

Вышла пляска на простор.

Чтобы встретить так же старость,

Запишусь я к бабкам в хор.

И записываются. В предпенсионном и юном пенсионном возрасте пришли в клуб и в хор Нина Васильевна Васильева, Галина Семеновна Вологжанина, Зоя Леонидовна Мужева – большая активистка и нынешний секретарь клуба. А Елене Морозовой до пенсии еще не один десяток лет, но она, с ее сильным голосом, уже является солисткой ветеранского хора. Лена, новый музыкальный работник поселкового детсада «Родничок», живет в Качканаре и постоянно ездит в Валериановск.

А прежний музыкальный работник «Родничка» Изольда Михайловна Хафизулина возглавляет в клубе культурно-массовую комиссию, с которой раньше успешно работала Любовь Григорьевна Субботина. Изольду Михайловну называют жемчужиной клуба. Человек инициативный, творческий, она всегда поддержит и вдохновит, составит программу, напишет сценарий любого праздника. Именно ей принадлежат слова и музыка песни о Валериановске. Да и каждый из самодельных артистов – жемчужина!

Валентин Михайлович Попов – отличный запевала. Шутник и балагур,

он взбодрит и развеселит всех и успешно выступает в различных сценках-миниатюрах. Как запевала славится и Мария Михайловна Коновалова.

А вот местные «сестры Федоровы»: Нина Филипповна Гущина и Лия Филипповна Федорова, которая тоже ездит в клуб из Качканара.

Ольгу Тимофеевну Усачеву по праву можно назвать собирательницей: в большом журнале она собственноручно записала уже 127 песен из репертуара ветеранского хора. Сама Ольга Тимофеевна – задорная частушечница. Этот народный жанр в клубе очень любят и сочинили частушки почти про всех.

*У Матвеевца как будто
Голос прорезается.
Только петь один на сцене
До сих пор стесняется.*

Это про В.М.Прокошева, спокойного и скромного человека, который долгое время работал в поселковом Совете, потом был председателем первичной организации пенсионеров Валериановска. Виктор Матвеевич – давний участник ветеранского хора.

Капитолина Николаевна Лапшина и Борис Александрович Оберюхтин часто поют дуэтом. Еще один замечательный дуэт – Питателевы. Раиса Андреевна и Степан Иванович, вступившие уже в девятый десяток лет, не стареют душой. Они успешно работают в клубе, поют в хоре и дуэтом. Их любимая песня – "Осенние листья". Степан Иванович, участник войны и известный в Валериановске поэт, сочиняет стихи и часто читает их со сцены.

Прекрасным декламатором является и Александра Михайловна Богданова, которая долгое время была председателем клуба «Ветеран». А с тех пор, как здоровье не позволило ей активно работать, клуб остался без председателя. Однако он живет и действует, потому что есть в поселке К.Н.Лапшина, уже много лет возглавляющая первичную организацию пенсионеров. Правда, сама Капитолина Николаевна жизнеспособность клуба видит в его людях.

– Главных у нас нет, – говорит она. – Все за клуб болеют душой, и живем мы как одна семья. И те, которые уже перестали петь в хоре, помогают чем могут. Александра Михайловна Богданова, Елизавета Николаевна Воробьева (самый первый казначей клуба), Алевтина Михайловна Каменникова, Тамара Дмитриевна Лобанова, Любовь Николаевна Вершинина, Анфиса Марковна Решетникова и другие часто приходят «на веночки» – и сплести их, и просто пообщаться. Долгое время документацией клуба занималась Нина Ивановна Лебецких, а сейчас она ведет кассу у бытовиков. Бытовую комиссию возглавляет Екатерина Михайловна Баранова, много делает для клуба Зоя Андреевна Огаркова.

С теплотой и нежностью говорит Капитолина Николаевна обо всех членах клуба: о живых и о тех, кто уже покинул этот мир. Прекрасным танцором был Павел Александрович Возовиков, солисткой и частушечницей – Екатерина Сергеевна Аксюшина, исполнительницей народных песен – Галина Михайловна Кочурова. А Геннадий Афанасьевич Пономарев, увлеченный краевед и большой патриот Валериановска, провел в клубе не одну беседу об истории родного

поселка. Совсем недавно проводили в последний путь Алевтину Николаевну Шаронову, которая была выдумщицей и затейницей, шутницей и великим жизнелюбом.

Да, ветераны, к сожалению, уходят. И глубокая боль звучит в голосах, когда хор поет:

*На всю оставшуюся жизнь
Нам хватит горя и печали.
Где те, кого мы потеряли
На всю оставшуюся жизнь?*

Те, кого потеряли, живут в благодарной памяти земляков, в песнях, которые пели вместе, в альбомах, старательно оформленных членами клуба, в многочисленных видеозаписях, где они навсегда остались живыми и веселыми. Члены клуба постоянно дарят умершим красивые венки, в которых вплетены скорбь, любовь и светлая память.

*Не позабыты печальные списки.
Как часовые, стоятobeliski...*

В печальном списке не вернувшихся с войны вeleriановцев – 107 фамилий, застывших в бетоне поселкового мемориала. Сюда члены клуба поодиночке и группами приходят в будни, а 22 июня и 9 Мая они идут общей колонной с цветами и венками. Все дальше Великая Отечественная, но память о ней жива.

*И снова, как в том сорок пятом,
Будит гармонь тишину.
Только другие ребята
Песни поют про войну.*

Другие ребята идут служить России и даже гибнут в наше мирное время на необъявленной войне, как погибли валиериановские парни Валерий Брылунов, Юрий Змеев, Михаил Ладейщиков, Николай Хамзин, Владимир Соколов, Валерий Никитин. И совсем не случайно в Валиериановске чествуют и солдатских вдов, и солдатских матерей.

Инициатором добрых дел является клуб «Ветеран», работающий в тесном контакте со школой, Домом культуры и с поселковой библиотекой, старейшая работница которой Тамара Ивановна Раткевич – душа ветеранского клуба. Выпускница Валиериановской школы, она начала трудовую биографию 15 мая 1957 года в изыскательской партии, а потом навсегда связала жизнь с миром книг и людей, в них влюбленных. Первые шаги в этом мире она делала под руководством Клавдии Степановны Селезневой, специалиста с библиотечным образованием, которая вскоре была избрана председателем поселкового Совета и проработала в этой должности до пенсии. Клавдия Степановна, чуткий человек и грамотный руководитель, много сделала для поселка и ветеранского клуба. А Тамара Ивановна, хорошо знающая историю родного поселка и его людей, интересно рассказывает о них, являясь ведущей на большинстве праздников.

Весело празднуют в ветеранском клубе Новый год, все красные даты календаря, каждый квартал проводят дни именинников, чествуют юбиляров, торжественно и с большой выдумкой справили золотые свадьбы супругов Жулановых, Михеевых, Питателевых, Лужбиных,

Прокошевых, Упоровых, Головниц, Зариновых, а к Карасевым с поздравлениями ходили домой.

Артисты клуба «Ветеран» выступали в школе и на сцене Дома культуры, в загородном лагере «Чайка» и в профилактории «Зеленый Мыс», в качканарском доме престарелых и в городской администрации, в Косье, на Ису и Сигнальном.

И откуда у них только силы берутся? Что помогает им в таком возрасте и в такое непростое время сохранять бодрость духа и вселять уверенность в других? А вы приходите к ним! У них для вас есть даже песня-приглашение:

*На поселке у нас не соскучишься.
Есть в поселке наш клуб «Ветеран».
Здесь мы ставим концерты, общаемся,
Приглашаем всех с радостью к нам...*

Приходите, пообщайтесь с этими людьми старой закалки, как они называют себя, приходите – и, может быть, разгадаете рецепт их неувядающей душевной молодости.

2000 год

ДЕВОЧКА ИЗ ПРИФРОНТОВОГО СЕЛА

Какая большая эта лопата! Какая тяжелая земля! Какой глубокий окоп! Как трудно поднимать лопату и выкидывать землю из окопа!.. И как хочется отдохнуть!..

Клава выпрямляется и долго стоит в обнимку с лопатой. Справа и слева от нее, во всю длину окопа – женщины, женщины, женщины. Рядом две ее родные тети. Мама сегодня пойти не смогла, и вместо нее отправилась Клава – за восемь километров от дома сюда, под рязанское село Бычки, где вместе с ними, бабами рязанскими, роют окопы и бабы из соседней Тамбовской области. Работают с упорством, даже с ожесточением. Да и как тут не ожесточиться, если родимую землю, на которую ступил враг, приходится уродовать глубокими шрамами-окопами!.. Клава снова берется за лопату и глубоко вздыхает. Неужели и сюда придет фашист? И спасут ли тогда эти окопы?.. Тревожные мысли настойчиво возвращают ее в прежнюю жизнь, небогатую, но такую прекрасную – довоенную.

Их село Ново-Бокино небольшое. Река, на которую Клава любит смотреть из окна, тоже небольшая. А изба и вовсе маленькая. Русская печь – главная радость и основное убранство; деревянная сколоченная мебель, соломенные матрацы. К праздникам избу белят, в Троицу украшают цветами, молодой травой.

Лесов в их краю нет. Луга и поля, бескрайние поля, засеянные просом. Клава часто ходила с мамой на прополку проса, на уборку картофеля, которого в колхозе выращивали также немало. Деревенская девчонка привыкла к работе на земле и не тяготилась ею. И уж, конечно, знала цену хлебу. Их семья имела 25 соток земли. На половине этой площади они выращивали пшеницу. Весной вскапывали, сеяли, осенью жали серпами, молотили цепом, веяли. Потом мололи на жерновах. Правда, в селе была ветряная мельница, и те, у кого зерна много, ходили на мельницу. Другие мололи жерновами: так меньше потерь. Нелегкий это круг – жернова, но крутит его Клава – и зерно становится мукой. И ей приятно. А когда это зернышко, брошенное тобою в землю, выходит из русской печки круглой буханкой, запашистой и пышной, Клава знает: это не только большой труд, это великое чудо!

А разве не чудо, что болото, обыкновенное болото тебя греет? Правда, для этого тоже надо приложить немало труда. В их краю, где нет лесов и нет дров, печи топили торфом. Его много, но он прячется в болоте, под крепкой толщей дерна. И вот мужики снимают дерн, а остальное под силу

и подросткам. Вручают им лопату и резец – и работа началась. Вырезаются торфяные пластины-кубики, накладываются аккуратной горкой для просушки. Много надо было накопать и насушить торфа, чтобы он грел тебя всю зиму, да и круглый год. А еще на том же болоте, поросшем кустарником, надо заготовить хворост, который вместе с соломой шел на растопку. Собирали подростки хворост и на тачках (с одним колесом и двумя ручками) возили домой.

Эта тачка и резец с лопатой, словно милое видение, вспомнились Клаве, когда она снова взялась за большую лопату, чтобы опять бросать тяжелую землю из глубокого окопа. Уж лучше бы копать болото, чем этот окоп!.. Но надо! Война приближалась. «И до нас добираются!» – говорили женщины, и это звучало не как жалоба-сетование, а как призыв собраться с силами и выстоять. И в бабьем царстве делали все для этого. Полуголодные, уставшие на рытье окопов, женщины вели домашнее и колхозное хозяйство, опираясь на стариков да подростков. Высушенное на току зерно увозили в районный центр, на элеватор. Дети собирали в поле колоски, чтоб ни единое зернышко не пропало, и сдавали в колхоз. И не приведи Господь утаить хоть один колосок! Хлеб нужен фронту!

А фронт был уже где-то рядом. По большаку Воронеж-Москва то и дело шли военные колонны; днем они проходили мимо, а вечером останавливались в селе, размещаясь на ночлег по избам. Мама варила солдатам картошку, поила их молоком, а они угощали Клаву консервированной гречневой кашей. Пшенная-то каша уж приелась, а гречневая была в диковинку и казалась такой вкусной! Девочка надолго запомнила и эту кашу, и добрые лица солдат, которые шли на войну, чтобы защитить Клаву. Все ли они вернуться обратно?..

Вести с фронтов приходили тревожные. Радио в селе не было, и все с нетерпением ждали почту. А придет газета – Клава разворачивает ее и вслух читает сообщения «От советского информбюро», а слушает весь околоток, сопровождая чтение тяжелыми вздохами, сдержанными всхлипываниями или громким плачем. Ведь даже успешное наступление наших войск и освобождение городов, о чем сообщала газета, было связано с большими человеческими потерями. Так же дружно читали и скупые весточки с фронта. Письма дяди Миши Клаве особенно нравились. Балагур и весельчак, деревенский гармонист, он и на фронте не терял силы духа. И все его письма заканчивались одинаково: «Наше дело – правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» И ему верили. Верили и плакали. А вот от дяди Гриши писем не было: он погиб в первые дни войны. Ох, сколько похоронок было омыто горючими слезами! А уж если возвращался раненый солдат, в его избе собиралось все село. Обнимались, расспрашивали – и плакали. Клава тогда еще не знала, что за всю послевоенную жизнь ей не придется видеть столько горя и слез, сколько довелось увидеть в детстве в маленьком прифронтовом селе. Ново-Бокино так и осталось прифронтовым. Советские войска не пустили оккупантов на эту землю и с боями гнали их на запад, до самого Берлина.

Весть о Победе односельчане тоже встретили со слезами – и Клава их понимала. Понимала не столько разумом, сколько сердцем. Чутким сердцем, которое с детства училось состраданию и любви к людям. Училось и закалялось. Такое вот сердце и добрую душу пронесет эта

девушка через всю свою жизнь.

После войны Клава закончила семилетнюю школу. Куда податься деревенской девчонке? Особого призвания не чувствовала. Знала только, что всякую работу надо выполнять честно, любому делу отдавать всю душу. С таким убеждением училась она на швею в районной мастерской. Именно так, старательно и добросовестно, работала санитаркой в женской консультации и очень гордилась белым халатом. Уж не пойти ли в медицину? И она успешно сдала экзамены в медицинский техникум, прошла по конкурсу. Но из их четвертой, последней, группы многих отсеяли, чтобы освободить места для бывших фронтовиков, которых принимали вне конкурса. И Клава тоже попала в отсев.

В городе Моршанске Тамбовской области (поблизости от их рязанского села) были еще строительный, текстильный, педагогический и библиотечный техникумы. Книги Клава очень любила. В коридоре их сельской школы стоял шкаф с книгами, старыми, зачитанными до дыр, – вот и вся библиотека. А о том, что существует библиотечный техникум, деревенская девчонка и понятия не имела. Удивилась, подумала – и поступила в Моршанский библиотечный техникум. Три года училась старательно и увлеченно. Оказывается, какой интересный и богатый этот книжный мир! Сколько тонкостей в библиотечном деле! Какие необъятные горизонты открываются перед тобой в книжном море! Какой неожиданной стороной поворачивается к тебе жизнь в каждой новой книге!.. И вот в 1951 году с дипломом библиотекаря вышла Клавдия из техникума, обогащенная новыми знаниями о мире и людях, о своей профессии. Девять человек распределялись в Приморский край, шестнадцать – на Урал, остальные выпускники – в Тамбовскую область. Клава выбрала Урал.

В Свердловском областном отделе культуры ее направили в поселок Ис, бывший тогда районным центром. И вот этот поселок, вот Урал, о котором она знала только по книгам. Все здесь непривычно и необычно. Во-первых, лес, кругом лес. Никогда прежде Клава не видела столько деревьев. Во-вторых, горы, горы, тоже почти все покрытые лесом. Они казались и суровыми, и надежными защитниками небольшого деревянного поселка. И, наконец, люди, немногословные, но приветливые и светлые, как небо над поселком в тот теплый августовский день. Ей предстояло жить и работать здесь, породниться с этим краем. А через два года, когда она вышла замуж за рабочего механического завода Алексея Селезнева, Урал и впрямь стал родным. Исовская детская районная библиотека, где Клавдия Степановна была заведующей, стала центром притяжения не только для юных читателей. А вскоре К.Селезневой предложили принять библиотеку в Валериановске, встреча с которым оказалась уж совсем необычной.

После районного семинара библиотекарей, проходившего на Ису, Клавдия Степановна отправилась в Валериановск. Двенадцать километров. Пешком. В те времена это было нормальным явлением. Шли с заведующим валериановской библиотекой Петром Николаевичем Бурдаковым и молодой работницей Ниной Пономаревой. В Валериановске Клаву встретили радушно, тепло, даже очень тепло: после дальней дороги отправили в баньку. После баньки отдых – какое

блаженство!.. Только длилось оно недолго: начались роды. Валериановцы не растерялись – и заботливые руки молодого фельдшера Лилии Глазуновой приняли новоявленного первенца Валерия Селезнева. Вот так: шла принимать библиотеку, а получила сына. 13 сентября – необычный, радостный, запоминающийся день! После родов их увезли на Ис, а уже через месяц Клавдия Степановна вернулась в Валериановск – на родину сына и новое место работы. Надо было принимать библиотеку, куда поступили новые книги. Надо было работать. Хорошо, что рядом мама, которая тогда же, в 1951-м, вслед за единственной дочерью приехала на Урал.

Валериановск. Такой же деревянный поселок. Тот же лес, те же горы. И такие же люди, суровые и добрые. Дали Селезневым комнатку в бараке, в той части поселка, где сейчас стоит мемориал. Там же, в старом клубе, тоже в небольшой комнате, располагалась библиотека. Несколько книжных стеллажей, барьер, отделяющий читателей, – вот и все. Но как велика была тяга людей к книгам! В наш компьютерный век этому приходится только удивляться. В библиотеку валериановцы шли и за книгами, и за общением с Клавдией Степановной – эрудированным человеком, интересным собеседником, добрым советчиком. Книжный фонд пополнялся. И вскоре читательская тропа пролегла по другому адресу: поселковая библиотека разместилась в доме, где теперь клуб «Ветеран». И хотя там же находился медицинский пункт, но читателям и книгам было здесь намного просторней. А когда медпункт перевели в другое здание, библиотека с читальным залом стала подлинным очагом культуры поселка. Здесь проходили тематические книжные выставки, интересные встречи, читательские конференции. В библиотеке также был агитпункт. Как агитатор Клавдия Степановна бывала в домах валериановцев и не переставала поражаться, как бедно живут эти люди. Люди опорного края державы, пережившие войну и отдавшие ей многих своих земляков. Люди, умеющие забыть о себе и подставить стране свои трудовые плечи. Да, с такими людьми, сродни уральскому металлу, этот край не зря зовут опорным. Думала так К.С.Селезнева и еще не знала, что ей вместе с валериановцами предстоит сделать жизнь поселка более достойной.

1959 году ее избрали заместителем председателя исполкома, а в 1963-м – председателем поселкового Совета. 23 года на этом посту показали, что не зря старинный уральский поселок вручил свою судьбу этой девочке из прифронтового рязанского села, которая навсегда посвятила себя Уралу, окончательно сформировавшему и отшлифовавшему ее характер.

Правда, на первых порах молодая женщина почувствовала растерянность, даже некую робость: такими трудными и необъятными казались задачи, которые предстояло решать. И вместе с тем трудности помогли ей сосредоточиться, собраться с силами. И, конечно же, помогли поверившие в нее люди. А также Качканар, одно лишь упоминание о котором сразу же в 1957-м оживило поселок. Клавдия Степановна верила, что с такими людьми все получится. И действительно за четверть века сделано немало.

Изменился внешний вид поселка. На улицах появился асфальт.

Высадили деревья и кустарники, разбили два сквера, построили стадион. Старались все, от пионеров до пенсионеров. А вдохновляющим был начальник Главного карьера А.М.Соколов – руководитель депутатской группы по благоустройству. По его же инициативе была построена объездная автодорога – и в поселке стало меньше пыли и шума.

За техникой Клавдия Степановна часто обращалась к начальнику автотракторного цеха Н.Ф.Плахову. «А давайте сделаем пруд!» – предложил как-то Николай Федорович. И вот на месте ям, котлованов, оставленных драгой, уже работают бульдозеры, равняется будущее дно, отсыпается плотина – и река Гусевка рождает пруд. «А давайте зимой на пруду поставим елку!» И вот автогрейдер чистит лед – будет каток. А вот и красавица елка, и гирлянды огней! А сколько на пруду народу! А как весело детям!

Немало хлопот было с теплоснабжением, но зато сколько радости людям и какое удобство: тут тебе и холодная, и горячая вода! Когда на областных совещаниях председателей поселковых и сельских Советов слышали, что в Валериановске теплоснабжение, то удивлялись и искренне завидовали поселку, у которого такие заботливые хозяева и шефы. Клавдия Степановна говорит об этом не без гордости и с благодарностью называет М.Л.Шелепова, В.В.Гаркачева, В.Ф.Миронова и многих других. Ну куда бы она без таких руководителей, равнодушных, чутких к нуждам людей! И если бы не участие депутатов поссовета и первого председателя Качканарского горисполкома К.П.Сухенко – разве вместо старого клуба появился бы в поселке кинотеатр «Горняк»?

А памятник погибшим землякам! Его сооружение стало общегородским и поистине святым делом. Городской отдел архитектуры, разработавший общий план; завод ЖБИ, изготовивший стелу и плиты; автобаза №5 во главе с Д.В.Тарарухиным, обеспечившая транспортом; ветераны войны Н.Семенов и Е.Галышев, кропотливо восстановившие фамилии героев-земляков; начальник Северного карьера В.И.Завгороднев и другие депутаты, а также заместитель председателя поселкового Совета В.М.Прокошев – да разве перечислишь всех участников этой трудоемкой работы, которая успешно завершилась в 1985 году, к 40-летию Победы! И стал памятник поклонным местом и прекрасным средством патриотического воспитания молодежи. Валериановские школьники заботливо ухаживали за этим святым местом. А директор школы. М.Г.Вараксина, руководитель депутатской группы по воспитательной работе, была главным вдохновителем многих ребячьих инициатив.

С чувством гордости говорит Клавдия Степановна о своих уральских земляках, а валериановцы всегда тепло отзываются о ней. Т.Х.Никишина, бессменный секретарь поселкового Совета, четверть века проработавшая с К.С.Селезневой, называет ее Человеком с большой буквы, талантливым руководителем, умеющим наладить контакты с руководителями предприятий и организаций, с общественностью, с депутатами, с населением поселка – и всю их добрую энергию поставить на службу Валериановску. Тамара Халимовна вспоминает, как активно работали депутатские группы, опорный пункт правопорядка, народная дружина, товарищеский суд, комиссия по борьбе с пьянством и

алкоголизмом, уличные и домовые комитеты, совет пенсионеров, как весело проходили праздники, какой содержательной и насыщенной была жизнь поселка. И не зря в соревновании сельских и поселковых Советов Свердловской области Валериановский поссовет всегда занимал призовые места. А в поселковый Совет люди приходили, как домой, со своими радостями и горестями, с интересными предложениями и всегда находили понимание. И недаром недавно земляки так тепло поздравили Клавдию Степановну с юбилеем: ведь ей 1 января исполнилось 75 лет.

Да, годы идут. И многое меняется. Вся жизнь К.С.Селезневой прошла при социализме, которому она служила верой и правдой и не жалеет об этом. Сейчас дуют ветры перемен, такие ветры, что порой сбивают с ног. В такие минуты Клавдия Степановна думает о своих земляках и верит, что они, как и прежде, устоят против любых ветров. И пускай эти ветры несут только хорошие перемены. Чтобы тот солдат на мемориале и героиня-земляки, вернувшиеся домой фамилиями на бетонных плитах, смотрели на родной поселок и радовались, что валериановцы живут достойно. Как и подобает победителям.

2005 год

РОМАНТИК, ОПТИМИСТ, МЕЧТАТЕЛЬ.

*Он умел сплотить людей высокой целью,
зажечь и повести за собой*

Таких похорон в Качканаре еще не бывало. За четыре десятилетия в городе юности всякое случалось: погибали на ударной стройке, трагическую смерть от бандитской пули приняли качканарские дружинники, уходили из жизни руководители предприятий и города, другие известные люди. Смерть каждого была ощутимой утратой, по каждому город искренне скорбил, провожая в последний путь. Но таких многолюдных похорон, как в октябрьский день 1983 года, не было никогда.

Качканар прощался с Дмитрием Ивановичем Гикаловым. У его гроба, установленного во Дворце культуры, тянулась нескончаемая скорбная вереница. Люди шли с печалью в сердцах и букетами в руках. Дворец в тот день утопал в цветах, словно сама осень несла Дмитрию Ивановичу прощальный поклон. И вряд ли каждый желающий смог пройти около гроба: ведь Гикалов у нас один, а качканарцев – десятки тысяч.

Зато за гробом шли все. Но даже улица, широкая и красивая улица Свердлова, рожденная творческой мыслью и волей Гикалова, с трудом вмещала всех, кто пришел проводить его, – сплошной людской поток, лавина скорби и боли, медленно плывущая от Дворца в сторону площади. Совсем как у поэта: «Улица, будто рана сквозная, так болит и стонет так!..»

Не знаю, можно ли соизмерить боль, но работникам радиозавода казалось, что их боль сильнее, и усиливалась она чувством вины. Их мысли возвращались к 1 октября, оказавшемуся для Дмитрия Ивановича последним рабочим днем. За работой, заботами да проблемами, против обыкновения, как-то забыли, что 1 октября – день рождения Дмитрия Ивановича. Вспомнили поздно, когда он уже ушел. А завтра должен был уезжать. Очень расстроились. Но потом решили, что поздравят при следующей встрече. А следующая встреча оказалась печальной: 2 октября Д.И.Гикалов трагически погиб в Нижнем Тагиле.

Теперь уже ничего не изменишь: не поздравить, не попросить прощения. За гробом – широкая река людского горя. С тополей крупными слезинами падают желтые листья и чуть слышно шуршат, будто вздыхают. И скупое октябрьское солнце шлет Дмитрию Ивановичу свой прощальный привет.

Мертвым, конечно, не завидуют. И все-таки подумалось: стоит жить, чтобы быть похороненным вот так!

На Качканарской земле

Романтик по натуре и человек активного действия, он не мог не появиться здесь, где все только начиналось.

Получил комнатку в доме на Первомайке, но вскоре отдал ее другим, а сам жил в общежитии. На выходные каждую неделю ездил в Нижний Тагил, к жене и дочери.

– Приедет, бывало, усталый, весь мокрый от дождя (была весна 61-го). Стоит в дверях грязный, с букетом лесных фиалок – и улыбается, глаза светятся счастьем, – вспоминает Лидия Ивановна Гикалова. – «И чего ты восторгаешься?.. В такую глушь заехал...» – скажу ему даже с упреком. А он: «Ты не знаешь будущего. А будет у нас гигант-комбинат (он всегда комбинат называл гигантом), будет город, очень красивый город!» Через год Мите дали двухкомнатную квартиру – и мы переехали в Качканар. Боже, какая грязь! Еле ноги вытаскиваешь... Ногу-то я вытащила, а мой резиновый ботик в грязи остался. Удивляюсь, возмущаюсь, а Митя успокаивает, вдохновляет – и снова об асфальтовых улицах будущего города и о комбинате-гиганте.

Дмитрий Иванович не обманул. Есть у нас крупнейший комбинат и маленький уютный город, которые стали его судьбой.

Комбинат

– В период строительства, пуска и освоения комбината, – говорит Николай Яковлевич Еремин, – очень важно было сформировать коллективы цехов: ведь от них зависела работа всего предприятия. Грамотным, умелым руководителем цеха А и КИП (автоматизации и контрольно-измерительных приборов) явился Дмитрий Иванович, чьи прекрасные традиции живут там и сегодня.

Впрочем, этого цеха не было даже в проектной структуре комбината. Имелась лишь релейная служба, начальником которой и был принят Дмитрий Иванович. Он-то и стал инициатором создания цеха А и КИП, поскольку по опыту работы на НТМК отчетливо представлял, что без такой производственной единицы не будет эффективного развития электроэнергетического хозяйства ГОКа и автоматизации технологических процессов. Идею Гикалова поддержал тогдашний директор комбината Е.А.Кандель.

Рассказавший об этом Герман Александрович Кузнецов вспоминает:

– В августе 1962 года после окончания Свердловского горного института по редкой тогда специальности – автоматизация производственных процессов – я по распределению прибыл на Качканарский ГОК и был направлен в цех А и КИП. Первое задание, которое я получил от его начальника Д.И.Гикалова, было неожиданным и непроизводственным. Он попросил меня связаться с моими сокурсниками и пригласить их на работу в Качканар. Конечно, не сразу, но на комбинат приехали В.Ф.Миронов, А.Н.Калугин, Г.И.Меньшенин.

Дмитрий Иванович хорошо понимал, что без молодых образованных ребят ему цех не создать. Работа с кадрами всегда была для него задачей номер один. За два-три года коллектив вырос с одиннадцати до более чем двухсот человек и превратился в подразделение, способное решать проблемы по развитию энергоснабжения, электропривода, телемеханизации и автоматизации во всех цехах комбината.

– Иногда идеи Дмитрия Ивановича о развитии цеха опережали объективно сложившуюся обстановку, – продолжает Г.А.Кузнецов. – Например, он планировал создание лаборатории технической кибернетики, и был даже спроектирован пристрой к цеху. Эта идея спустя два десятилетия воплотилась в жизнь становлением служб АСУ и АСУ ТП. И мы помним, что у истоков высшего уровня автоматизации стоял Д.И.Гикалов.

Качества этого творческого человека, его организаторский талант наиболее ярко проявились, когда Качканар стал городом и Дмитрия Ивановича избрали первым секретарем горкома КПСС.

Город

Вы помните, какая была у нас улица Магистральная? Избитая, узкая, шириной в шесть метров, с пятиэтажками по одной стороне и Дворцом культуры под горой. Большая часть города была застроена деревянными двухэтажными домами, расположенными «девятками», что никак не украшало Качканар, проектированием которого занимался институт «Уралгипроруда», не имеющий опыта в проектировании городской инфраструктуры. Дальнейшая застройка упиралась в отсутствие генерального плана города.

Вот тут и проявились огромная энергия и целеустремленность Дмитрия Ивановича. Многочисленные поездки в Москву, переговоры в Министерстве черной металлургии, в Госстрое СССР, настойчивость и упорство Гикалова позволили сломить непробиваемость столичных чиновников. И были выделены средства, а лучшим институтам «Гражданпроекта» Москвы, Ленинграда, Свердловска, Нижнего Тагила было поручено в кратчайшие сроки создать генеральный план города Качканара.

А сколько надо было затратить нервов и усилий, проявить искусство убеждать, чтобы в то время, в эпоху массового типового проектирования, добиться разрешения на индивидуальные проекты и строительство двенадцатиэтажных домов, которые сделали неповторимым лицо нашего маленького города.

По инициативе Гикалова началось и расширение улицы Магистральной (Свердлова). А чтобы Дворец культуры не стоял в яме, нужно было снять часть горы. И начались объемные земляные работы. Глядя на них, иные остряки шутили: «Гикалов земной шарик под Дворец подводит». И это ему удалось. Теперь наша главная улица плавно спускается от центральной площади к Дворцу, против которого выросла подпорная стенка. По высоте этой «китайской стены» непосвященные могут представить, сколько земли пришлось снять и какой глубины была яма, в которой прежде стоял Дворец.

При реконструкции улицы, также по инициативе Д.И.Гикалова, были спрятаны и трубы теплотрассы. Раньше они всем глаза мозолили, а теперь напоминают о себе лишь тем, что тротуар со стороны восьмого микрорайона высыхает быстрее, а осенью тополевая аллея дольше остается зеленой.

Зеленый наряд Качканара: липы, березы, лиственницы, рябины – тоже

осуществленная мечта Дмитрия Ивановича. При его участии и личном контроле в городе строилось жилье, детсады и школы, центральная аптека, универсам, стадион.

Детищем Гикалова является и радиозавод. Через обком и ЦК партии Дмитрий Иванович добился приезда в Качканар министра радиопромышленности и доказал, что нашему городу нужен такой завод, на котором могли бы работать женщины и молодежь.

В свое время Д.И.Гикалов поддержал идею директора Качканарского ГОКа М.Г.Толочко о строительстве в городе троллейбусной линии. Поддержал и помог «пробить» ее, хотя это оказалось тоже нелегко. И все-таки в Качканаре был этот современный вид транспорта.

Дмитрий Иванович работал с людьми, стремясь вместе с ними сделать Качканар городом высокой культуры. Он мечтал о современном транспорте и не подозревал, что на него самого катится самая примитивная «телега».

Телега

Нагрузили на нее столько, сколько «телега» может выдержать. А бумага, как известно, все вытерпит. Не будем сегодня перебирать всю эту рухлядь. Но кое-что все-таки вспомним. Анонимщики обвиняли Гикалова в том, что он продал свое пианино музыкальной школе (и в чем тут криминал?), что построил своим братьям дачи (а у Гикалова и братьев-то нет; правда, посылал он 500 рублей теще на ремонт саманной развалюхи). Досталось всем: и Дмитрию Ивановичу, и людям, работавшим рядом с ним.

Прикатилась «телега» по назначению, в Свердловский обком партии. А уж там обязаны отреагировать. Казалось бы, почему не защитить честного коммуниста? Да таковы, видать, наши давние традиции: когда-то по анонимным доносам человека жизни лишали. А бюро Свердловского обкома КПСС всего лишь вынесло строгий выговор – «за ошибки в подборе кадров». Не парадокс ли? Человека наказывают за то, в чем он был наиболее силен, чем мог гордиться.

Дмитрий Иванович тут же попросил освободить его от занимаемой должности. Такое, правда, в планы обкома не входило. Но разве мог как-то иначе отреагировать на анонимную напраслину нравственно здоровый человек? Гикалов категорически заявил, что в такой ситуации он не может оставаться первым секретарем горкома партии. Тогда в обкоме принимают решение снять его с занимаемой должности и просят, чтобы в Качканаре это решение поддержали. Иначе какой же будет у обкома авторитет?

Перед пленумом городского комитета партии его членов хорошо «обработали»: ведь решать вопрос по Гикалову приехал Петров, секретарь обкома КПСС. Но, несмотря на «обработку», члены пленума были против: они лучше всех понимали, как много потеряет Качканар вместе с Гикаловым. Просили, убеждали: «Дмитрий Иванович, снимите свой вопрос!» Но тот был непреклонен. Пленум состоялся. И вышло, как того хотел Дмитрий Иванович, как решил обком партии.

–Найду! – гневался третий секретарь горкома В.Б.Молчанов. – Не я

буду, если не найду!

И ведь нашел анонимщиков. Вывел на чистую воду заведующую парткабинетом горкома КПСС и ее сообщницу – библиотекаря парткабинета, которые взяли в художественной школе печатную машинку (якобы для дела) и, надев резиновые перчатки, настроили клязу. Да, анонимщики оказались совсем рядом, под одной горкомовской крышей. Вот уж тут Гикалов действительно ошибся в подборе кадров.

Оставаться ли в городе? Такого вопроса для Дмитрия Ивановича не было, хотя предложений получил немало, вплоть до Москвы – только выбирай. Из Качканара смотались «правдоискатели». А Д.И.Гикалов остался служить городу, только в ином качестве.

Радиозавод

– Пришел Дмитрий Иванович, и мы сразу почувствовали, что у нас появился талантливый руководитель, который умеет объединить людей высокой целью, зажечь и повести за собой, – говорит Галина Владимировна Плесовских.

– Его знал каждый из почти пятидесяти тысяч коллектива, знал по личному общению, – вспоминает Владимир Георгиевич Сошников. – И Дмитрий Иванович всех знал в лицо и очень многих по имени-отчеству. Каждое утро он начинал с обхода цехов, к нему можно было обратиться с любым вопросом – каждого выслушает, подбодрит, поможет делом.

Д.И.Гикалов жил и работал для людей. Ради них он развернул строительство. Да так широко и активно, что руководство объединения, свердловское начальство, стало посматривать на Гикалова косо. Даже строительство жилья вызывало недружелюбное отношение, а уж строительство теплиц, свинарника, зимнего сада выводило их из себя: как это Качканарский филиал Свердловского завода электроавтоматики, еще не научившись по-настоящему работать, позволяет себе непозволительную роскошь – вдыхать аромат тепличных роз, отдыхать в зимнем саду? Все это, по их мнению, – блажь. Они вообще хотели бы видеть Качканарский радиозавод своим придатком, складом полуфабрикатов. А Дмитрий Иванович бился за самостоятельность. И завод развивался быстрыми темпами. Строились новые производственные корпуса, были освоены спецзаказы и большая номенклатура электромusыкальных инструментов.

– Мысли у директора были масштабные и намного опережали время. Он собирался построить заводской профилакторий, базу отдыха на берегу Черного моря. А еще он мечтал иметь породистых коней, чтобы молодожены в день свадьбы могли прокатиться в каретах по городу. Мечтал иметь хороший духовой оркестр, который бы в праздники проходил по городу и радовал качканарцев. Словом, и на радиозаводе Гикалов думал обо всех горожанах.

– Мы любили слушать Дмитрия Ивановича, – говорит Петр Александрович Лебедев. – А когда его беседа заканчивалась, мы какие-то минуты сидели молча, переваривая его реальные фантазии. И верили: так и будет!

Да, на радиозаводе убеждены: будь жив Д.И. Гикалов – предприятие тоже бы жило! Там и сейчас живут памятью о нем, работают с его именем.

С именем Гикалова

Добрую память о себе оставил Дмитрий Иванович у всех, кто когда-либо с ним общался. В этом убедилась я, работая над данным материалом.

Встретилась и с самим Дмитрием Ивановичем. Побеседовала с ним, словно с живым, перебирая многочисленные папки в городском архиве. Доклады, выступления, его беседы в разных аудиториях на самые разные темы, от международного положения и эффективности производства до психологического климата в коллективе. А в записных книжках – искренность и самокритичность этого человека, тонкие движения его души, жизненные принципы, главный из которых «Дал слово – сдержи!»

В городском архиве я смогла вернуться в недалекое прошлое и заново послушать качканарцев, рассуждающих о том, не дать ли одной из будущих улиц имя Д.И.Гикалова. Писем на эту тему тогда, в 1989 году, шло много и в нашу газету, и городским властям. Теперь эти письма, очень разные, порою противоречивые, дружененько приютились на архивных полках как одна из страниц биографии Качканара.

Нет, не появилась тогда в нашем городе улица Гикалова (она появится позднее). Зато творением мыслей и рук местных романтиков и энтузиастов Дмитрий Иванович взошел на гору Качканар. Есть там Скала Атлантов. На барельефе, изготовленном художником Леонидом Ушениным, изображен момент, когда главный архитектор города В.Б.Торопов вручает макет Качканара Д.И.Гикалову, К.П.Сухенко и М.Г.Толочко – людям, которых неутомимый мечтатель Иван Михайлович Соболев не без оснований считает атлантами Качканара.

Нынешним летом вместе с Иваном Михайловичем поднялась к Скале Атлантов семья Дмитрия Ивановича: жена Лидия Ивановна, внуки Семен и Дмитрий и дочь Ирина с друзьями. С этой высоты открылась перед ними прекрасная панорама: уральский лес, качканарское «море», горно-обогатительный комбинат, светлый город. И вспомнила Лидия Ивановна слова мужа: «Ты не знаешь будущего». Теперь она знала, теперь она видела это будущее. И с этой высоты мысленно поклонилась и этим атлантам, и всем, кто строил в тайге гигант-комбинат и юный город, кто украшал их своим трудом.

1999 год

РУКОВОДИТЕЛЯМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

Вы знаете Владимира Федоровича Миронова? «А как же!» – ответит, пожалуй, каждый взрослый качканарец.

Киповцы помнят его и как заместителя начальника цеха, и как председателя цехкома. Большинству же работников комбината В.Ф.Миронов известен как председатель профсоюзного комитета ГОКа.

Многие знают В.Ф.Миронова как депутата городского Совета и как партийного работника. В Качканарском горкоме партии Владимир Федорович был заведующим орготделом, секретарем по идеологии и вторым секретарем ГК КПСС.

И все-таки самый длинный отрезок своего жизненного пути, непростой и интересный, В.Ф.Миронов прошел в качестве председателя городского Совета народных депутатов.

Для нашего героя, как оказалось, была уготована и еще одна, неизвестная прежде должность – руководитель инспекции Министерства Российской Федерации по налогам и сборам по городу Качканару. Ему суждено было первым возглавить качканарскую налоговую инспекцию, с которой связано последнее десятилетие его трудовой биографии.

В.Ф.Миронову 70 лет. Ровно половину жизни, самую сознательную и плодотворную, отдал он нашему городу – и все время как руководитель.

Вот я и думаю: может, ему на роду было написано стать руководителем? Может, 29 октября, в День рождения комсомола, и появляются на свет такие активные, деятельные люди, которые и с возрастом не утрачивают комсомольского задора и молодости души?.. Я, конечно, понимаю, что руководителями не рождаются – ими становятся. Но ведь с чего-то начинается этот путь становления?..

Все начинается с детства

– Так, может, с комсомола все и началось?

– Да нет. Наверно, еще раньше, – рассуждает вместе со мной Владимир Федорович. – Началось, наверно, с Марии Ивановны.

А Мария Ивановна – это учительница Сабиковской начальной школы, где Владимир Миронов учился в третьем и четвертом классах. Школа маленькая. Станция Сабик Свердловской железной дороги тоже небольшая. Но с раннего детства ребята знали, что есть у них большая страна Советский Союз, есть Москва, куда школьники с Марией Ивановной писали письма, рассказывали правительству о своей жизни и

учебе, о радостях и трудностях. Как же жила в те годы наша большая страна и ее маленький гражданин Володя Миронов?

Родился он в семье железнодорожников, вырастившей четверых детей. Его детство взлелеяли станции Кузино, Шаля, Ревда, Сарга и, конечно, станция Сабик, где семья жила более 20 лет. Поколение, к которому принадлежит Миронов, росло под аккомпанемент войны. Дня ее начала детская память не сохранила, и было впечатление, что война, как некая неизбежная данность, была всегда и, наверное, всегда будет.

Отца, Федора Евлампиевича, как железнодорожника, от войны прикрывала броня, а его братья не миновали военного лиха. Старший, Кузьма, был призван в армию еще до войны и служил на Черноморском флоте. В 1937 году как в воду канул. То ли морская волна его поглотила, то ли кровожадный 37-й. Никто не знает. Лишь помнит Володя, как плакала бабушка Мария всякий раз, когда патефонная пластинка голосом Утесова пела «Раскинулось море широко»... А еще он помнит, как провожали на фронт дядю Нектария. Проводили, а вот встретить не довелось: сгинул в военной пучине. А дядя Федор, танкист, вернулся с победой, с орденами да медалями и с утраченным зрением.

Тыловые ребяташки, которые могли шалить и проказничать, были в то же время не по годам взрослыми. Вместе со своей страной они вынесли все испытания той суровой поры. Володя Миронов хлопотал по хозяйству; не отставал от взрослых и на покосе (корова-кормилица спасала от голода, но ее ведь тоже надо было кормить); помогал отцу в ремонтных работах на железной дороге, в заготовке дров, в охоте на рябчиков, косачей и зайцев; зимой вместе с мамой расчищал железнодорожные пути от снега и золы, которую кочегары выбрасывали из паровозных топков. А летом подросток подрабатывал или в бригадах путейцев, или заготовителем ольховой коры. После 9 класса его пристроили к тяжелой работе: ворочать и укладывать шпалы, пропитывая их креозотом и вдыхая его неприятный запах. Рано познал Володя тяжесть и радость труда, а также чувство ответственности и трудовую дисциплину, которая тогда была очень строгой. А жизнь в интернате (он учился в Кузинской средней школе №63, далеко от родителей) приучила к самостоятельности.

Учился Владимир хорошо. Он не считал себя лидером, никогда не числился в заводилах, однако в 8 классе его избрали в комитет комсомола школы, а затем и секретарем школьной комсомольской организации.

Первый опыт

Видимо, было в нем что-то такое, что притягивает, заставляет верить в человека. И время показало, что поверили не зря: Владимир Миронов оказался серьезным, надежным, активным руководителем.

Комсомольцы (а их в организации было 300) с готовностью поддерживали любое начинание секретаря. Организовали художественную самодеятельность, ездили с платными концертами по деревням и станциям. На вырученные деньги купили проигрыватель и в кабинете директора школы с удовольствием слушали первую пластинку – вальс «Амурские волны».

Активно занимались комсомольцы и спортом. Своими силами

оборудовали волейбольную и баскетбольную площадку, которая зимой превращалась в каток. Выезжали в Билимбай на районные соревнования по лыжам. Участвовали в эстафете на приз газеты «Путевка», в соревнованиях на первенство железнодорожных школ. Владимир бегал стометровку и длинные дистанции, метал диск.

Комсомольцы проводили интересные тематические вечера, коллективно ходили в кино. К каждому празднику оформляли школу, выпускали стенгазеты. Большое внимание уделяли и будням, то есть учебе и успеваемости, а также шефской работе с пионерами и росту комсомольской организации.

Три года возглавлял эту организацию Владимир Миронов. После 10 класса сдавал вступительные экзамены в УПИ, но не поступил. В Сабике работы не нашел, и его приняли в родную школу лаборантом физкабинета. Таким образом, еще год был он секретарем школьной комсомольской организации. Работал и готовился к очередному поступлению в институт. Но с вузом опять не повезло. И осталось одно – ждать повестку из военкомата. И она пришла. Было это в октябре 1954 года.

Армия

Ехали на запад. Ехали долго. Наконец, рано утром состав остановился в Калининграде. Новобранцев построили в колонну по четыре и повели в воинскую часть.

Город лежал в развалинах. Улицы были расчищены, уцелевшие дома заселены, а кругом – руины, торчащие остовы домов, крепостей. Прямо за восточным забором воинской части начиналось немецкое кладбище с разбомбленным крематорием. За кладбищем – укрепленные линии защиты города: рвы, доты, казематы... С северной стороны – целый поселок разрушенных коттеджей... За три года службы насмотрелись ребята на эти шрамы войны и старались представить, какие тяжелейшие бои вели наши солдаты, чтобы выдворить фашистов из города.

Три года службы в химзвезде артиллерийской бригады – это ежедневная учеба в классах и полевые занятия. Это систематические учения с применением ядовитых химических и радиоактивных веществ. И хоть доза была не боевая, но шутить с ними было нельзя. Все операции проводились в химкостюмах. Заразить местность и боевую технику, потом все это обезвредить. Кроме того, уметь пользоваться стрелковым оружием (карабин, автомат, пистолет), быстро преодолевать расстояния с полной выкладкой да еще и в химкостюмах. Но тяжелее всего – разведывать минные поля. Всего не расскажешь и не опишешь.

Скажем только, что и в армии В.Миронов занимался спортом, участвовал в соревнованиях между подразделениями бригады, в первенстве гарнизона и округа. Выступал в беговых дистанциях, прыжках в длину. Но его коронным номером была спортивная ходьба на 5-10 километров... Закончил службу в звании старшины.

В последний армейский год Владимир снова задумался о вузе и начал готовиться. Отправил документы в Свердловский горный институт. И

очень волновался, опасаясь не успеть из армии к началу вступительных экзаменов.

Институт

Успел. Сдал хорошо. Но студенческая жизнь началась не в вузовской аудитории, а в товарном вагоне с нарами.

1 сентября 1957 года вагон заполнили первокурсники, чтобы отправиться на целину.

Когда приехали на место, в колхоз «Искра», ребят распределили по бригадам. Владимир Миронов снова оказался в руководителях: его назначили старшим в бригаде. Шла уборка урожая. Не все студенты легко втягивались в колхозные будни. Но все работали старательно, сознавая, что они дают стране целинный хлеб, что причастны к большому и важному делу... В Свердловск целинники возвращались в пассажирских вагонах и с чувством исполненного долга.

Студенческая жизнь – это целый мир, который, как и жизнь человека, невозможно окинуть взором и втиснуть в рамки газетной страницы. И поскольку сегодня о нашем юбиляре я говорю лишь как о руководителе, то и на студента Миронова гляну с этой же стороны.

В институте Владимир Федорович был лидером спортивным. На втором курсе его избрали председателем правления спортивного институтского клуба «Буревестник», который под его руководством работал успешно: не раз получал переходящее Красное знамя областного спортивного Совета. В 1960 году ему было присвоено звание «Лучший спортивный клуб страны» с вручением грамоты, вымпела и Большой памятной медали. В 1962-м клуб награжден Почетной грамотой Центрального Совета союза спортивных обществ СССР. А Миронов был избран членом правления областного спортивного общества, награжден Почетным значком СДСО «Буревестник». Он участвовал в мероприятиях Центрального Совета общества «Буревестник» в Москве и Ленинграде. В 1960 году в составе руководителей кафедр физического воспитания вузов и лучших председателей спортивных клубов посетил Чехословакию с целью изучения опыта физкультурной и спортивной работы в вузах.

Занимался спортом, был активным студентом, хорошо учился – как и подобает лидеру.

Комбинат

С красным дипломом, с трехлетним опытом работы на Серовском металлургическом комбинате Владимир Федорович появился на качканарской земле в начале 1966 года.

Был принят на комбинат, в цех КИП и А, руководителем группы моделирования и вычислительной техники лаборатории автоматики. А через год его назначили заместителем начальника цеха. Владимиру Федоровичу нравилось работать с возглавлявшим цех Д.И.Гикаловым и начальником лаборатории автоматизации Г.А.Кузнецовым, с которым он учился в одной группе горного института. Нравилась творческая

атмосфера в коллективе, высокий уровень диспетчеризации и автоматизации. В работах по автоматизации участвовал тогда научно-исследовательский и проектный институт «Уралмеханобр». Увлеченно работал с его сотрудниками Владимир Федорович. Результат – авторское свидетельство на изобретение «Способ автоматического регулирования скорости агломерационной ленты».

Ему нравилось производство. Но вскоре к обязанностям производственным прибавились общественные: его избрали председателем профсоюзного комитета цеха. Работал, читал лекции по электротехнике в учебно-консультационном пункте Свердловского горного института (Качканар готовил свои кадры для комбината), готовился к поступлению в аспирантуру. Непросто было все это совмещать семейному человеку. Но ему, активному и энергичному, был по душе такой напряженный ритм.

Он и не подозревал, что его уже ждет новая, более высокая ступенька общественной лестницы. В ноябре 1968 года на профсоюзной конференции комбината В.Миронова избрали председателем профкома ГОКа. Не хотелось шагать на эту ступеньку, не хотелось расставаться с родным цехом. Но... избрали, доверили – надо соответствовать. А это так непросто!

Членов профсоюза – 12,5 тысячи, в том числе из КЗРГО и оrsa. Целая армия со своими заботами и проблемами. А опыт работы в профсоюзе у вновь избранного председателя небольшой. Чувство ответственности, без которого не бывает хороших руководителей, заставило учиться. Помогал обком профсоюза, учила сама жизнь. Учился на Центральных профсоюзных курсах Высшей школы профдвижения ВЦСПС. Неплохой учебой стало и участие в проходившем в Москве десятом съезде профсоюза рабочих металлургической промышленности и во Всесоюзном совещании работников черной металлургии СССР.

С благодарностью вспоминает Владимир Федорович директора комбината М.Г.Толочко, энергичного, неравнодушного человека. Бытовые условия в цехах, трудовая дисциплина, отдых трудящихся, Дворец культуры, пионерский лагерь «Чайка», художественная самодеятельность, физкультура и спорт – любые вопросы профсоюзу было легче решать с таким директором комбината. И сделано было немало. Еще больше дел ждало впереди... Но с профсоюзной ступеньки В.Ф.Миронову предстояло шагнуть на партийную.

Горком партии

В октябре 1972 года он был направлен для работы в горком партии и утвержден в должности заведующего организационным отделом, через четыре месяца – секретарем по идеологии. Часто бывал Владимир Федорович в коллективах с беседами и лекциями, читал лекции и в университете марксизма-ленинизма. И, конечно, опять учился сам: три года был заочником Высшей партийной школы при ЦК КПСС.

А через два с небольшим года В.Ф.Миронова избирают вторым секретарем горкома. Направление работы и ее объемы изменились.

Нужно было вникать в производственные дела коллективов, в выполнение ими планов и обязательств; в отсутствии первого секретаря отвечать за работу коллектива горкома; больше вникать в дела исполкома городского Совета. Тогда строились свинооткормочный комплекс в Лае, автодорога Свердловск – Серов, троллейбусная линия в Качканаре; велись работы на птицефабрике, на рыбопитомнике в Нижней Туре. Город юности, рожденный после войны, развивался и продолжал свою мирную жизнь.

А партийный работник В.Ф.Миронов весной 1978 года был направлен на Высшие офицерские курсы «Выстрел» имени маршала Советского Союза Б.М.Шапошникова, где получил серьезную военную подготовку. Основательная теория сочеталась с такой же основательной практикой: курсанты стреляли из оружия всех видов, водили танки, бронетранспортеры и т.д. По окончании курсов Владимиру Федоровичу было присвоено звание майора. Мы знаем, что службу в Советской Армии он закончил старшиной. После окончания военной кафедры института получил звание лейтенанта; работая председателем профкома ГОКа – старшего лейтенанта. А в 1976-м стал капитаном. Теперь – майор. А через десять лет ему будет присвоено воинское звание подполковника. Военная подготовка, конечно, необходима, если думаешь о спокойствии мирных будней.

А будни качканарцев были созидательными. В созидательном труде вместе с земляками В.М.Миронов участвовал и как работник горкома партии (горкому он отдал почти шесть лет), и как председатель исполкома городского Совета народных депутатов.

Горисполком

В этой должности он проработал почти 12 лет, с августа 1978 года по май 1990-го. Чем знаменательны эти годы? В Качканаре ежегодно вводилось в среднем 390 новых квартир: дома строили предприятия и исполком. Были введены в строй детская больница, стоматологическая поликлиника, профилакторий ГОКа, СПТУ радиозавода, комбинат бытового обслуживания, 1400 мест дошкольных учреждений, 24 предприятия торговли, быта и связи.

Даже тогда, когда уже начался распад Советского Союза и близился конец социализма, созидательный процесс в городе не прекращался.

Но с каждым годом объявленной Горбачевым перестройки, признается Владимир Федорович, работать становилось все труднее. Пустые полки в магазинах, всеобщий дефицит, талонная система – все это перечеркивало то положительное, что создавалось годами, десятилетиями, и подрывало доверие людей к власти.

В личных записях Владимира Федоровича есть и такая: *«Пишу эти строки в июне 2004 года. Все попытки демократов, рыночников, губителей огромной, великой страны пока результатов не дали. Разрушенное хозяйство поднять пока смогли до уровня 1989 года (если верить статистике). Село разрушено капитально, и когда его удастся поднять – никто не знает. Фермерство, предпринимательство занимает в общем объеме производства единицы процентов. Идет*

очередная реорганизация правительства. Что она даст - может, удастся увидеть. Значительно больше пугает намерение реорганизовать власть. Если на самом деле в Свердловской области будет не 70 муниципальных образований, а 500-700, то положительных результатов народ еще многие годы не увидит». Вот такая боль. Такая тревога за страну, за судьбу Качканара, который стал и его судьбой.

Налоговая инспекция

А судьбе было угодно испытать нашего Владимира Федоровича еще в одной ипостаси. 1 июня 1990 года он был назначен на должность начальника государственной налоговой инспекции по г.Качканару. Дело новое, незнакомое. Но ведь у В.Ф.Миронова уже большой опыт руководящей и организаторской работы и высокое, с детства воспитанное чувство ответственности. Начиналась качканарская налоговая инспекция с семи бывших работников горфинотдела и трех комнат в здании исполкома. Освоение новой работы, формирование коллектива, который быстро увеличивался и сейчас составляет 110 работников, квалифицированных, ответственных. Все стадии формирования предпринимательства в Качканаре, преобразования предприятий, многочисленного изменения налогового законодательства пережиты с этим коллективом, дружным, работоспособным, который постоянно учится. Да и сам Владимир Федорович в 1993 году повышал квалификацию в Москве, в финансовом институте, по специальности «Налоги». А в 1994-м с группой работников областной налоговой инспекции прошел обучение в Париже, во Французском институте управления.

Постоянный профессиональный рост и кропотливая работа коллектива дают хорошие результаты. Владимир Федорович с удовлетворением отмечает, что качканарская налоговая инспекция – одна из лучших в области. Не раз занимала она призовые места, и всегда – в первом десятке (в области почти 70 налоговых инспекций).

Пять лет назад, 27 октября 2000 года, руководитель инспекции Министерства Российской Федерации по налогам и сборам по городу Качканару, советник налоговой службы первого ранга В.Ф.Миронов освобожден от должности в связи с выходом на государственную пенсию.

На пенсии

Вот так этот человек, простой деревенский мальчишка, шел вверх по лестнице, ведущей к пенсии. Его «многолетний самоотверженный труд, высокий уровень организаторской работы на всех занимаемых должностях, направленной на развитие нашего города, большой личный вклад в создание, основание и развитие налоговой системы в городе, высокое профессиональное мастерство в работе по защите экономических интересов государства и благосостояния жителей Качканара» отмечены в грамоте главы городской администрации. Владимир Федорович награжден также Почетными грамотами областного руководства и Министерства РФ по налогам и сборам.

В перечне его наград Почетные грамоты Качканарского горкома партии и горкома комсомола, Качканарского ГОКа, обкома профсоюза металлургов, нагрудный Знак «Отличник гражданской обороны СССР», почетный Знак ДОСААФ СССР, медаль «За освоение целинных земель», два ордена «Знак Почета», награды Министерства РФ по налогам и сборам «за заслуги в профессиональной деятельности и личный вклад в выполнение задач, стоящих перед налоговыми органами». И, конечно же, есть у Владимира Федоровича медаль «Ветеран труда».

Сейчас наш ветеран на пенсии. А в городском архивном отделе создан фонд Миронова. 17 толстых томов: доклады, выступления, записки, размышления и многое другое, что накопилось у него за годы руководящей работы. Сейчас это ценные исторические документы, по которым наши потомки смогут представить, как жил Качканар в XX веке, что радовало и огорчало его жителей, в каких социальных бурях пришлось ему выстоять. Не сомневаюсь, что потомки будут гордиться славным прошлым города юности и вместе с Владимиром Федоровичем верить в светлый завтрашний день Качканара.

2005 год

Содержание

Четыре времени года	
Галина Андреевна Соколова.....	6
Красноармеец Шулепова	
Анастасия Евдокимовна Шулепова.....	10
Ах, Семеновна!	
Галина Семеновна Жирнова.....	15
«А если и погибну, краснеть за меня не будешь»	
Степан Алексеевич Иванов и его семья.....	21
А путь и далек, и долог	
Иван Прохорович Потешкин.....	26
В городе, войною затемненном	
Александра Герасимовна Пастухова.....	29
Любовь, которая жила с верой и надеждой	
Любовь Николаевна Токарева.....	35
Узница номер 246	
Лидия Николаевна Дубинина.....	39
Вдовий век бабы Нади	
Надежда Дмитриевна Мамаева.....	44
На горе Вересовой	
Георгий Павлович Камаев.....	49
Партия велела - комсомол ответил: «Есть!»	
Виктор Васильевич Гаркачев.....	54
Морская душа	
Василий Алексеевич Попов.....	58
В шестнадцать мальчишеских лет	
Юрий Анатольевич Спиридонов.....	60
Дорога к дому	
Евгений и Анастасия Смирновы.....	66
Они нужны были стройке и стране	
Лидия Павловна Бебкова и ее друзья.....	71
Его друзья	
Игорь Бызов.....	74
Он восстанавливал Кенигсберг и строил Качканар	
Сергей Андреевич Ставров.....	79
Несущая способность его души	
Геннадий Германович Глой.....	83
Светлая река его жизни	
Василий Васильевич Туруев.....	88

Она подарила дочери город	
Тамара Николаевна Бакина.....	94
Я люблю тебя, жизнь!	
Геннадий Яковлевич Немчанинов.....	97
Березка	
Валентина Алексеевна Горшунова.....	103
Спасибо вам за светлый город	
Александр и Тамара Пастуховы.....	106
Золотые	
Александр и Капитолина Жировы.....	111
Испытание на зрелость	
Нина Аркадьевна Казанцева.....	116
Верность	
Владимир и Полина Пшеницыны.....	120
И торжествует жизнь	
Галина Алексеевна Ложкина, качканарские медики.....	124
Уроки доброты	
Александра Александровна Богомазова.....	129
Контакт	
Сергей и Любовь Зеленины.....	134
Здравствуй, Машенька!	
Сергей и Ирина Дунаевы.....	139
Через всю свою жизнь	
Александр и Любовь Высоцкие.....	145
Человек с окрыленной душой	
Иван Михайлович Соболев.....	149
Мгновения	
Нина Ивановна Лебедкиных.....	159
Поезд шел на восток...	
Анц и Евдокия Алласте.....	163
«Валериановск, родной наш поселок, мы тебе признаемся в любви»	
Клуб и хор ветеранов.....	167
Девочка из прифронтового села	
Клавдия Степановна Селезнева.....	174
Романтик, оптимист, мечтатель	
Дмитрий Иванович Гикалов.....	180
Руководителями не рождаются	
Владимир Федорович Миронов.....	186

Галина Краснопевцева

Дорогие мои земляки

Очерки

Оригинал макет подготовили в ООО «Скиф»

Редактор-составитель: Г.П. КРАСНОПЕВЦЕВА

Формат 105x148,5. Тираж 220 экз. Заказ № 845

Отпечатано в типографии ООО «Скиф».

Свердловская область, г. Качканар, ул. Тургенева, 1, тел.: 6-18-91

